



Художественно-  
публицистический  
альманах

# Родные берега

*№2*

**Иркутск  
2017 г.**

*Художественно-публицистический альманах*

# ***РОДНЫЕ*** **БЕРЕГА**

**№2**

**Иркутск - 2017**

УДК 808.2-82  
ББК 84Р7  
Н 30

**«Родные берега»** – художественно-публицистический альманах. –  
Иркутск: Типография «Иркут», №2 – 2017. – 140 с.

**Автор идеи – литературный клуб  
Высшей народной школы г. Иркутска  
«Родные берега»  
Редактор-составитель – А. Гордин  
Литературный редактор – М. Липина  
Общественный редактор - Л. Арсентьева**

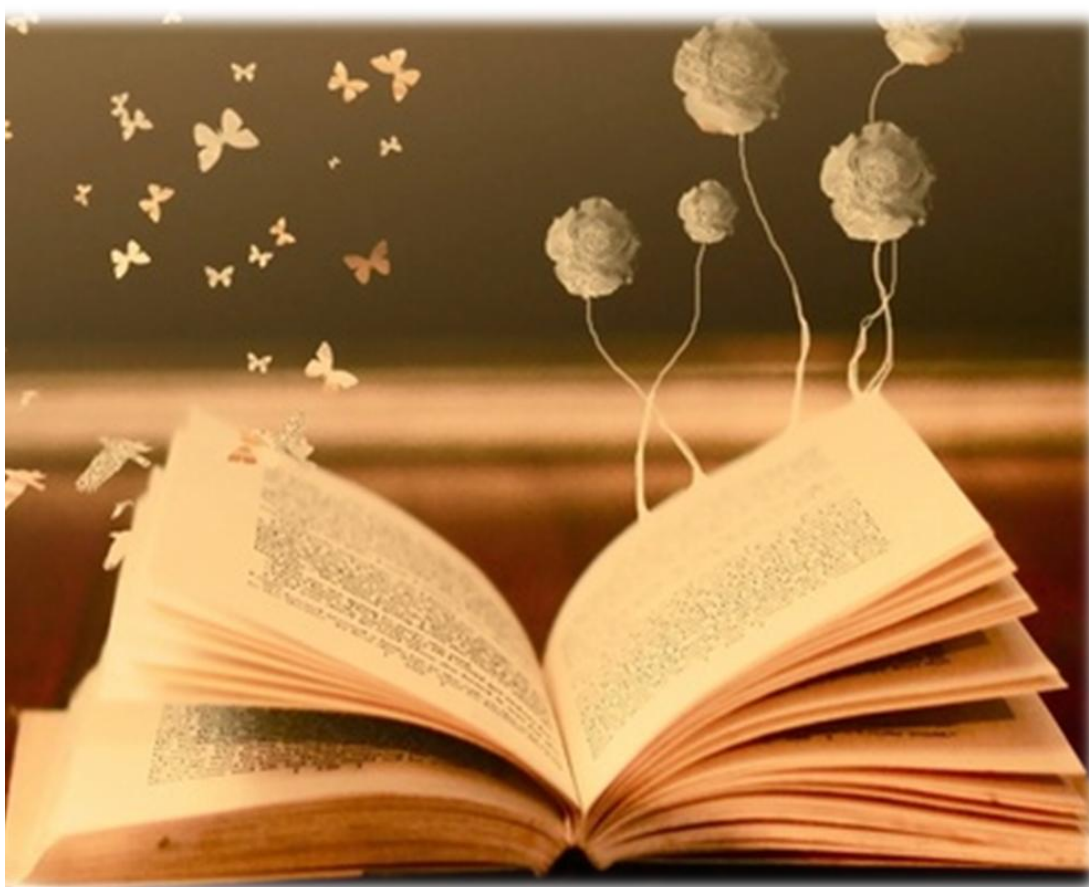
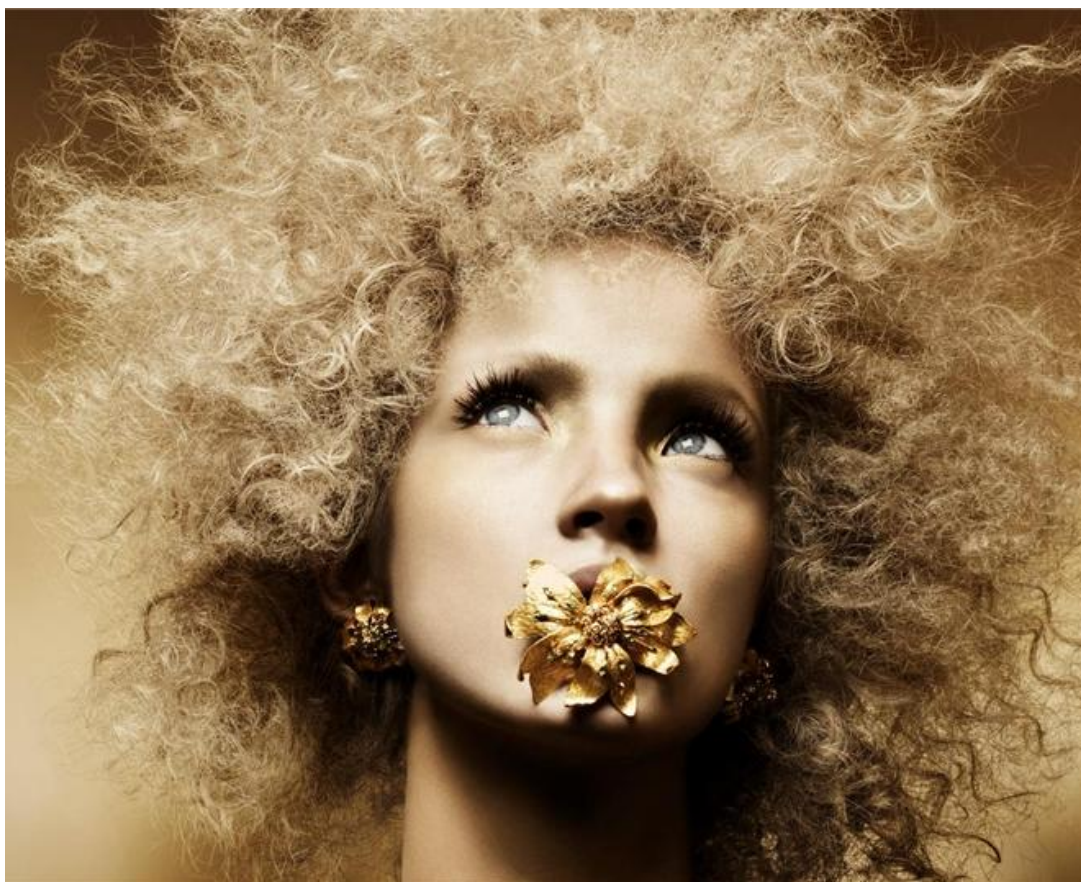
**ISBN 978-5-904740-58-0**

**Высшая народная школа  
Педагогический институт  
Иркутский государственный университет  
Иркутск – 2017**

## Содержание

• <b>Поэзия</b>	
<i>Гордин А.</i> Уроки поэзии .....	5
<i>Якуб А.</i> Память.....	14
<i>Волчук А.</i> Стихи .....	21
<i>Васюхина С.</i> «Я птица с крылом перебитым...».....	27
<i>Капустина Л.</i> О вечном.....	33
• <b>Проза</b>	
<i>Крестьянников В.</i> Старатели .....	37
<i>Емельянов О.</i> Байка-быль.....	62
<i>Зимица Л.</i> Сказки .....	69
<i>Растошинская Н.</i> Лирические миниатюры. Басни в прозе .....	76
<i>Попова М.</i> Сказки .....	82
<i>Увакина Н.</i> Иркутская история .....	96
• <b>Публицистика</b>	
<i>Зоркин В.</i> Гайдар в Сибири .....	101
<i>Гордин А.</i> Феномен малотиражной литературы .....	115
<i>Дикова В.</i> О времени и о себе.....	133
• <b>Краткие сведения об авторах</b>	

# ПОЭЗИЯ



**Александр Гордин**



**УРОКИ ПОЭЗИИ**

**Урок философии**

Парадокс дождя и снега –  
с неба, в небо, в небыль... Ах! –  
Бах и Моцарт – между строк.  
Строг к себе палач, и я, с разбегу,  
в непогоду, год за годом – в прах!  
Бог иль дьявол, кто помог  
выучить сей каверзной судьбы урок?

Не пойму за что подраненный,  
неподаренным букетом роз?  
Надо ли себя в себе изжить?  
Блажи, поэт, глазами карими!  
Сквозь марево и плёс  
слёз кипящих, но непролившихся, чтоб – жить!

Чтоб жить?! – Зачем??  
Всем угождать??? – Щека болит...  
Душа болит... Любви, любви, любви!  
Зови и не зови – незнаем и незначим,  
а, значит, снова – «жид»!  
Обид не перечести... Но – честь! –  
Влюбленные всегда правы...

Хочу из шляпы воду пить.  
Жить, значит, кочевать!  
Не знать себя, не знать других.  
Ох, лих! Ох, лихо мне... И, чудится, побит.  
Как будто буквы в акrostих,  
сошлись все маски. Осталось называться  
паяцем или философом. Что хуже,  
сужен, если слову и любви?  
Пойми, не в силах я остаться,  
если вкратце – просто мужем.  
Зови меня, зови...  
Но не лови не жалостью,  
не долгом – не долг век  
цветов, возвращенных волею полей...  
Нужна мне только малость:  
безумие ветров, прозрачность рек –  
взамен, душой моей владей...  
Сияй же молнией, сорвись дождём!  
Потом усни водой.  
Рекой или звездой очнись.  
Огни костров на берегу, когда вдвоём  
(Один в другом!), покажутся небесною тропой.  
Друг мой, мираж сей, это – наша жизнь!

### **Урок семьи**

Какое, право, искушенье –  
мгновение на миг остановить:  
любить и умереть любя –  
себя горстями раздавать! И тем не менее,  
затмение лица – наступит. Не язви:  
язык – лишь продолжение души, которая слаба...  
И не спеши влюблённый этот бред  
в свет неземной упаковать.

Назвать так счастлив я собой,  
тобой и целым миром – сей привет,  
идущего в могилу, словно в небеса! «Не лгать.  
Не ждать!» – вот мой девиз. Ну, а покой  
и в лицах, и в сердцах – удобен  
сдобным хитрецам, привычным лишь казаться:  
коль драться, значит, напугать,  
коль любить, то становиться наподобие  
вина, что, вроде бы и колобродит,  
а выпьешь – и ещё труднее «отвязаться»! –  
от галстуков, от женщин, от друзей  
и хочется смертельно спать...

А мой же Ангел с человеческим лицом...  
На этом и покончим. И свой взгляд,  
так просто, наугад, без изворотливого разума,  
сразу, устремим в наш дом.  
Он полон интересных мыслей и идей. Я рад  
разлад души и тела прятать там от сглазу!

В нём живут чудесные явления –  
звенья единой и живой системы.  
Любимый сгусток чувств и вспышка света – дочка  
(наш кумир и лидер). Прославлен ленью –  
сын (он соткан из идей и замыслов). И мы –  
соединенье света, тьмы, рождающее многоточье...  
И, точно, этих разноцветных строк,  
не смог бы разум монотонный мой  
создать как радужный и радостный, но бред,  
не будь он столь рачительно убог,  
а я не раздражён собой –  
не в силах отыскать ответ:  
кто, где, когда, зачем  
всем нам, не понарошку,  
души мучительной свеченье подарил?!  
И я как будто жил раз семь!  
Или совсем-совсем немножко...  
Так почему я так любил –  
отчаянно, жестоко, милосердно,  
неверно, преданно ту, которая  
покорно сносила весь мой многоликий вздор  
и почти самозабвенно  
без оскорбительного разговора



прощала мне случайный мой позор...  
Отчасти чтоб узнать её,  
свое изображение читаю вслух!  
И много интересного мне грезится меж строк.  
Наверно, Бог соединил из нас своё шитьё,  
чтоб миру что-то доказать... Пастух,  
Спасибо за урок!

А дом живой наш!  
Он дышит. Он умеет видеть  
и грубость нашу, и доброту.  
Он ненавидит подлых краж.  
Его легко обидеть  
грохотом дверей. Ему не вмоготу,  
когда ногами грязными  
затапывают душу  
иль сквернословят, словоблудят...  
Но не считает праздными  
те дни, когда он песни наши слушает,  
когда нас дети будят,  
а мы читаем сказки им пред сном;  
готов всегда согреть дыханием камина,  
объединить нас всех  
за праздничным столом...  
Хранитель время и времён! Ты в силах  
грех тела в благодать слова превратить!

Безумство книг, что шепчется ночами,  
нас приручает всех!  
Потеха! Когда на «свалке всех времен»  
изысканный Платон, без умысла, речами  
своими первородный грех  
опровергает. – И Соловьев взбешён!  
Или Боккаччо с Рабле (изящнейшая пара!)  
жару задают и Честертону, и Ильину:  
ну, как тут не сойти с ума!?  
Сума, конечно, всех нас ждёт, но это разве – кара,  
когда века спрессованы в одну  
из комнат? То осень, то зима,  
то лето, то весна! Поэзия –  
Азия в огне каштанов,  
долгожданное бессмыслие, потоки чувств!  
Пусть снег в июле! Пусть метафор лезвия

разрезали канатоходцу мост, и, странные,  
немы и Златоуст, и Заратустр.

Откроешь томик лишь,  
глядишь, наш деревянный склеп с обоями,  
с расстроенным фоно и паутиною в углу,  
вдруг крылья окон расправляет. И ты – летишь!  
Над крышами – небесное раздолье!  
Нет боли раздвоенья! И больше ни «гу-гу!»...

И всё-таки наш дом! В котором  
даже и во сне  
души не украдут!  
Ну, а когда уйду (бесспорно!),  
не посчитайте вздорным, – я извне  
останусь! Скрыто. Но на виду:  
в скрипучих половицах;  
в черепицах, звучащих трелью под дождём;  
в птицах, что гнёзда выют под крышей...  
Меня здесь мно-о-го, в разных лицах –  
всё здесь во мне и я во всём:  
услышит каждый, кто захочет слышать...

Мы только думаем, что строим дом  
иль, например, стихотворенье –  
на самом деле строим мы себя ...  
Не оставляйте «на потом»  
свои ходульные строения  
в надежде, что закончит их судьба...

Жить нужно здесь, сейчас  
для близких и родных –  
ранимых, как и жизнь сама...  
Ни совесть, ни любовь не оставляйте про запас:  
«Сей Час» всегда для них! –  
На них и зиждется семья...

### Урок города

Спит город. Устал. Охрип от ручейков,  
речей людских, трамваев перебранки,  
шарманки птичьих голосов.  
Готов молчать он, разинув рты подъездов. И, без снов,

готов проспать не только ночь. Как жалко:  
вповалку дремлющих обшарпанных домов;  
деревьев, руки к небу поднимающих;  
и вопрошающих детей у светляков-киосков. –  
В обносках даже лужи, скованные льдом...  
Садом? – Скорее, Рим поверженный и обиталище  
незнающих, что – святость, но – святых, которым просто  
лет на сто Бог ссудил терпенья не отравиться злом.

А завтра снова будет день!  
Разденутся, протаяв, небеса.  
Писать начнёт ивовым прутиком  
проклятия торговка семечек, а шустрый воробей  
с ней будет спорить (чисто бес!),  
имея интерес к её мешку. И путники  
с авоськами, в авто, в платках и шляпах (также без),  
со всех окрест, толпою пёстрою пройдут  
тут, где бездомный человек бездомней пса...  
Весна, дурёха, золотым, не по злобе,  
распишет лица их, и – лики! А дворники сожгут  
приют последний птиц, Глаза  
откроются витрин  
и, как один, вдруг, захмелев от чистоты  
и высоты, все женщины сойдут  
с небес на землю. Поэт или кретин  
(что, в сущности, одно и то же) прошепчет: «Это – ты!».  
И, от мечты, иль солнца разомлев, запишет плут:  
«Я вас лю...». А, впрочем, это зло...  
Весло оброним мысли! Вернёмся в город.  
Гордо к щербатому забору подойдём.  
Прочтём самозабвенно, чтоб сердце отлегло,  
легко, раз этак сорок,  
ворох рекламы и объявлений. И – поделом!  
«Меняю учителя логики на косметический набор».  
Вздор! «Здесь были: Миша, Гриша, Саша...».  
А ниже: «Звоните Ире К. – 4-35-08. Не пожалеете...».  
«Лысеете? Поможем вам...». Какой в душе раскол!  
«Мотор в хорошем состоянии...». «Как выжить?»  
Ближе... «Требуется одинокий мужчина в расцвете...».  
Возможно, это я. Ещё точнее – каждый.  
Неважно, в юбке или брюках –  
всем мука эта суждена. Она исходит свыше.  
Лишний иль не лишний? Важный иль отважный?  
Однажды иль всегда? – Скука...

Наука презирать себя, «под крышей» иль «на крыше»...  
И – едет крыша! Снова брызги звезд:  
глаза, глаза, глаза – везде!  
В узде страстей и с хомутом рассудка.  
Жут-ко! И жалко. Ежели всерьёз,  
вопрос сей философский – бездна!  
И – пшик! Заведомая «утка».  
Кому-то вздумалось поссорить белый цвет и чёрный.  
Простор и узкие врата.  
Лета и юность.  
Глу-пость! Поэзия нужна! Не иллюзорный,  
не беспризорный мир, а истовый и истинный, где цвета  
и звуки, и понятия – всегда согласны не совпадать!

Не совпадать, когда устроен быт.  
И «быть или не быть?», как чашечки весов.  
И – невесом божественный твой взгляд и жест.  
Испить ты хочешь этих снов?  
Готов я... Тогда зажги свечу!  
Зажги свечу у своего окна.  
Одна, и даже если не одна – приду!  
Не бойся этих слов. Они лишь капельки меня.  
Звеня, как шалая капель, они, средь бела дня,  
с ума сведя, способны и в бреду  
явь отличить от сна.

Вот видишь: всполохи огней  
полночных фонарей. И снова дождь, и снова снег.  
Какой-то человек иль Бог по улице бредёт.  
Разброд движений! – Но не было ручней  
ещё автомобилей, площадей, когда побег  
к себе приостановлен, словно взвод  
солдат командой старшины.  
Но тишины я не хочу! Ты видишь!?  
Этот кипиш весны способствует переселенью душ!  
Уж я не знаю, где и в ком искать себя! Все дни –  
единый солнечный разбег. Обиды,  
споры, ласки, нежность – всё убеждает: вездесущ  
дух красоты. Он сочинил пространство,  
и странствуем в себе, как по галактике...  
На практике, воображаем лишь  
себя Дали и Босхом. На самом деле: пьянство  
непостоянство, страсть – галантное,

приватное жеманство горы, родившей мышь...

И выхода здесь нет.  
Ответ на все вопросы давно придуман.  
Продуман кем-то каждый шаг.  
Босяк, что сердцем стукнулся, рассвет,  
бред даже этих слов, Рембо и Шуман,  
словом, всяк, прагматик иль чудак –  
достоин лишь небесных лилий,  
что без усилий ума живут.  
Их труд – являть себя,  
всегда под небом. Их сила –  
линии добра и света возрождать,  
чтоб тут  
воскликнул кто-то гордо: «Вот – судьба!»

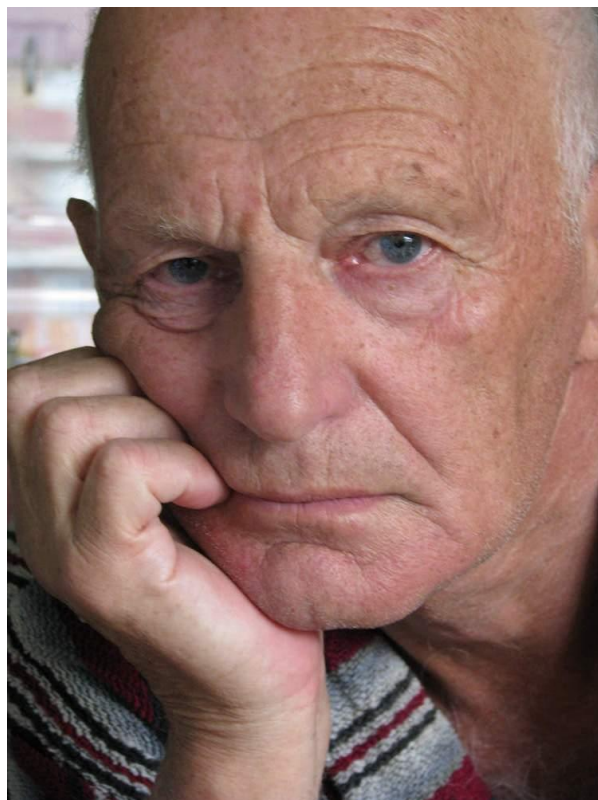
И не понять мне: я жив или не жив...  
Открыв законы постоянства,  
цыганством восхищён души.  
В её глуши, зачем мне слушать вздохи лыв,  
разливы сердца и ветров шаманство? –  
Упрямы по своим законам жить...  
К чему бумажный этот фарс!? –  
В разгар небесных сил из звуков строить дом,  
коль он заведомо не годен для жилья?  
Земля уходит из-под ног и небо, как на шее шарф...  
И, кстати, ни шиша в кармане. Грянет гром!  
Потом порыв и...  
всё соткано из призрачных теней.  
Прочней засохший лист на дереве зимой!  
Простой ночной фонарь в саду имеет больше смысла!  
Опрысни живую влагой слов, убей  
своей изысканнейшей фразой! – Покой  
и тишина вокруг! Друг мой,  
открой окно и небеса впусти!  
Пусть холод, голод, брань –  
встань! Проснись и пой! Вдохни  
возни щенячьей и людской. Пусты  
листы (хотя бы эти) без добра  
и зла, как без тебя, отныне, эти дни...

И – прочь гони живых поэтов!  
Обетов их не соблюдай.

Отдай же мне, в залог, себя! А заодно меня... Но уговор,  
коль невзначай коснёшься светом света,  
где-то на перекрёстках звёзд: читай  
молитву эту, как двух друзей невинный разговор...

А на дворе злодействует весна.  
Она так хороша! Ни слова о прощанье!  
Обнимет, как обманет прошлогодняя трава.  
Кора деревьев станет вдруг теплей. Весна  
желанней и мучительней в скитании –  
манит влюбиться, и, знаешь что, она – права...

*29 марта 1997 года – 6 мая 2017 года,  
г. Усолье-Сибирское – г. Иркутск*



### **Память**

Прозрачный время опускает щит,  
Израненную память далью покрывая,  
А сорок первый в сердце пулями стучит,  
И каплями сочится боль немая.

Годам не поднять мёртвых якорей,  
Не властно время над залитым болью лесом,  
Дрожат припавшие к израненной Земле  
Деревья, иссечённые железом.

Глаза бойниц по-мёртвому пусты,  
Берёзы рваными затянуты бинтами,  
И обелиски в душу, как забытые кресты,  
Обрубленными тянутся руками.

Хлебнули смерти мы тогда сполна,  
А уцелевших добивают раны,  
Уходит в прошлое проклятая война,  
И вместе с ней уходят ветераны.

### **Олёне – дочери**

Комната. Ни бедно, ни богато,  
Над столом зелёный огонёк.  
Девочка, как малые ребята,  
Спит не вдоль, а как-то поперёк.  
Из подушки пёрышко достала,  
Крутит в пальцах и щекочет нос,  
Сон приходит, и уйдёт усталость  
В светлом дыме золотых волос.  
Рядом мать тихонько что-то вяжет.  
Над кроватью – гобеленовый олень.  
Вот напьётся он и рядом ляжет,  
Тоже ведь набегался за день.

1963 г.

### **Мадонны**

Упала роса, ночь хороня.  
Звезда догорела, и день настал.  
И каждый, от нищего до короля,  
Мадонну возводит на пьедестал.

Возносят, несут, волокут, тащат.  
В душе, в ладонях, на поводу.  
Мадонны смеются, мадонны плачут –  
Царицы наших дум.

Икона, подруга, прислуга, раба,  
Святая, товарищ, приставка корыта,  
Жрица постели, гладильщик белья,  
Удобная служба быта.

Пусть богово – Богу, людям – своё,  
И каждому – счастье мирское.  
Судьба нам таких мадонн выдаёт,  
Которых мы сами стоим.

1960-80 гг.



## Степь

Годы сердце делают ранимеей.  
Тронет ветер запахом полыни,  
Разольётся горьким ароматом –  
Прошрое откликнется набатом,  
И под жаворонка синий звон  
Хлынет детство с четырёх сторон.  
Грусть волны ковыльного простора,  
Ящериц зеленовато-серый шорох,  
Ястреб в небе, замерший, как память,  
И шиповника заснеженное пламя.  
Жёлтых одуванчиков монеты,  
Молочая сизые береты,  
Ночи задыхающейся брага,  
Слёзы родника на дне оврага,  
Звёзд далёких синие огни,  
Скифских баб задумчивый гранит,  
Солнечного зноя ярость злая,  
В трещинах-морщинах боль земная,  
Жажда неуёмная дождей,  
Над рекою росчерки стрижей,  
Ветры половецкие Донца  
И дорога без начала, без конца.

## Ушба

*Большой Кавказский хребет,  
Приэльбрусье, Шхельденское ущелье,  
вершина Ушба – «Шабаш ведьм»  
в переводе с грузинского. Высота 4701 метр.*

По ночам просыпается память,  
И на встречу со мною идут  
Две вершины, два голые камня,  
Между ними – седло в снегу.

Тишина над Ушбою не тает,  
Ни друзей, ни врагов у неё,  
Лишь внизу, собираясь стаяй,  
Надрываясь, кричит вороньё.

Поутру, выходя из тумана,  
Обнажается серый гранит,  
Открывается память, как рана,  
И рассветною болью болит.

Звёзды смотрят из чёрной пустыни,  
Раскрутив свой далёкий полёт.  
И скала между тучами стынет,  
Как слёзы вмерзают в лёд.

Как гору холодный ветер  
Укрывает ночной темнотой,  
Горы, горы, в рассветном свете,  
Что вы делаете со мной.

А вершина по-прежнему манит,  
И подъём сумасшедше крутой,  
А Ушба – те же голые камни –  
С непокрытой стоит головой.

1964-2004-2011 гг.

\*\*\*

*На весенний свой сон  
Я сквозь слёзы смотрю...*  
Л. Ануфриев

На весенний свой сон через годы смотрю я,  
И туманит глаза неба лёгкая просинь,  
Лето в Лету ушло. И как будто горюя,  
Стелет листья под ноги угрюмая осень.

Принял всё от Тебя. С Богом люди не спорят.  
И щенячий восторг, и распутье беды,  
И глухую тоску неизбывного горя,  
И навеки ушедшие в небо следы.

Бьётся лист, уцелевший на ветке раздетой,  
Как распятый Христос на кресте в непогоду.  
Жизнь нельзя повторить, как прошедшее лето,  
Как не входят два раза в текущую воду.

Ветер гонит листву по намокшей аллее,  
И вечерней зари полоса заалела,  
Вспоминаю былое, вноте вновь сожалея:  
«Если б старость могла, если б юность умела...»

Горсть рассыпанных дней раскатилась, как бисер,  
И пусть жизни струна оборвалась, как стон...  
Слой за слоем ложатся последние листья,  
Как уходит в казённик последний патрон.

2005 г.

### Прощание

Когда свет захлестнёт жёсткой болью,  
Смерть откроется правдой простой,  
Отпусти мою память на волю  
В мир, мелькнувший сгоревшей звездой.

Дай коснуться былиночки каждой,  
Дай мне каждую кроху понять,  
Каждой веточки горе и жажду  
Как свои, дай мне мудрость, принять.

Приголубить ладонями хвою,  
Влажный мох приласкать поутру,  
Задохнуться кедровой смолою,  
Распахнуться на вольном ветру.

Дай спуститься по Малой Зазаре  
И под солнечным душем Шарко  
Утонуть в сумасшедшем пожаре  
Красно-жёлтых июньских жарков.

Пусть напомнит мне ночью осенней,  
Капли-слёзы роняя, листва,  
Как стреляют поленья осины  
В первобытных отсветах костра.

Как, пресытившись волею, слепнут  
Стаи искр, замечая свой след,  
Как струится по серому пеплу  
Сине-алый загадочный свет.

Как разбрызганы капли брусники  
На упругом зелёном ковре,  
Как смородины гроздья поникли  
Белым цветом, своё отгорев.

Как тропинок нагих перепутье  
Покрывает пороша листа,  
И как стынет в сыром неуют  
День, запутавшись в серых кустах.

Как бредёт по намокшему лесу,  
Заблудившись, потерянный дождь,  
И листвы поредевшей завесу  
Пробирает знобящая дрожь.

Как, светясь позолотою зыбкой,  
Кроны лиственниц, гордость смилив,  
Отзываются грустной улыбкой  
На осеннюю песню тайги.

Как зимой в заколдованной пади  
Пробивается пульс родника,  
И, лаская зелёные пряди,  
Под сугробы уходит река.

Как в бочажине шёпотом быстрым  
Что-то тихо лопочет струя,  
А над ней, словно замерший выстрел,  
В лёд одетые сосны стоят.

Как, рассыпав серебряный иней,  
Из-под снега взлетят глухари,  
И прокатится гром чёрно-синий  
В расколдованность ранней зари.

И, хотя мне сейчас не до смеха,  
Всё же дай мне вернуться туда,  
Где грохочет-хохочет забытое эхо,  
И где талая плачет вода.

Дай увидеть в горах чудо-небыль,  
Как просвеченный фирновый снег  
Закипает пургой в синем небе,  
Рассыпая искрящийся свет.

Всё отдам – и того будет мало,  
Если снова увидеть смогу  
Диво дивное – кедры на скалах,  
Между ними – цветы на снегу.

Синеву, тишиною залитую,  
Сеноставкой накошенный стог  
И ползущий навверх по граниту  
Чёрно-жёлтыми пятнами мох.

Кулуаром ушедшую осыпь,  
Заколдованность каменных рек,  
Да малины неяркую россыпь  
И черёмухи ласковый снег.

Дай увидеть, как в белой купели,  
Захлебнувшись, кипит Яман-Гол.  
Как заутренним звоном капели  
Будит солнце безмолвие гор.

Как прикрывшийся маревом вечер  
На ущелья украдкой упал,  
Как пылают ледовые свечи  
Обелисками замерших скал.

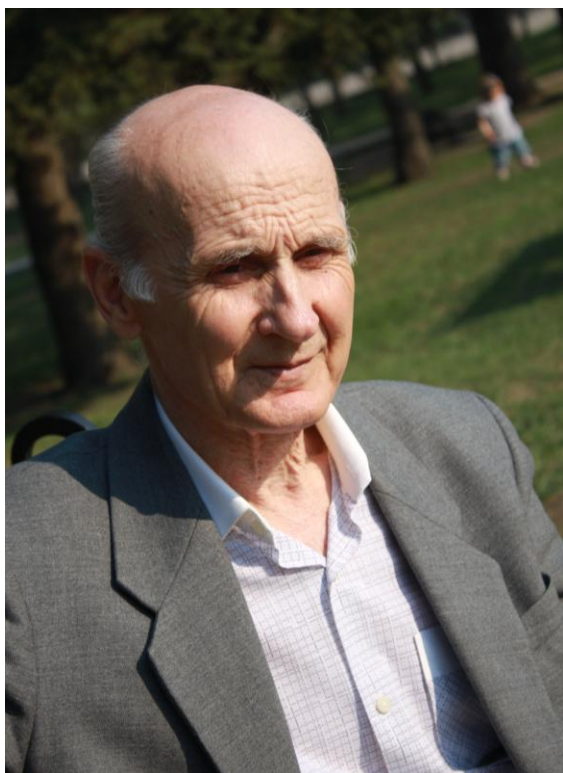
Дай услышать, как ночью вороны  
Накликают лихую беду,  
Задыхаясь в тоске похоронной  
Ветер мечется в пьяном бреду.

Дай забыть всё, что было и случилось,  
Радость, боль, правоту и вину,  
Чтоб с ладоней стекла усталость  
В беломраморных рек глубину.

Не оставь места мелкой обиде,  
Дай познать цену каждого дня,  
И в глазах у Синильги увидеть  
Тайну вечную небытия.

2012 г.

**Анатолий Волчук**



**Письмо неженатому соседу**

Всю жизнь ты, бедолага, проискал  
Свою Лауру или Дульсинею,  
И, лишь дожив до пенсии, узнал:  
Она была соседкою твоею.  
Была она прекрасна, как весна,  
Как яблоня в цвету в начале мая,  
В тебя, балбеса, страстно влюблена,  
Жила, от одиночества страдая.  
А ты её совсем не замечал  
И мимо проходил, надувши щёки,  
Она от горя вышла сгоряча  
За моремана из Владивостока.  
Конечно, он достойный был мужик,  
Служил старпомом на подводной лодке,  
Её однажды встретив, в тот же миг  
К ней подошёл матросскою походкой  
И предложил ей стать его женой.  
Она, конечно, страшно удивилась,  
Но, вспомнив про соседа за стеной,

Внезапно, без раздумий, согласилась.  
С тех пор прошло немало долгих лет,  
Соседкин муж стал контр-адмиралом,  
А ты, мой привередливый сосед,  
Всё встречи ждёшь с каким-то идеалом.

### **О любви**

Я давно о любви не писал,  
И давно уж в любви я не клялся,  
Видно, просто от женщин устал  
И прожить без любви попытался.  
Но ведь жизнь без любви – это мрак,  
Это долгая зимняя стужа.  
Кто живёт без любви – иль дурак,  
Иль совсем никому уж не нужен.

\*\*\*

Что такое любовь? Это мука,  
Это радость и злая тоска,  
Это письма, свиданья, разлука,  
Это бурная счастья река.

### **Девичьи страдания**

Я сегодня такая счастливая!  
Он признался, что любит меня,  
И сказал: «Ты такая красивая,  
Без тебя не прожить мне и дня».

Мы бродили по спящему городу  
И встречали рассвет над рекой,  
Закружила любовь мою голову,  
Потеряла я сон и покой.

Лишь о нём постоянно я думаю,  
Утром, вечером, ночью и днём,  
И решать, видно, дальше судьбу мою  
Будем мы уже с милым вдвоём.

Не разлюбит меня мой единственный,

Буду я ему верной женой,  
Повязала нас связью таинственной  
Эта ночь над ангарской волной.

### Романс

Дунул ветер, листья полетели,  
Рассыпаясь золотом вокруг,  
Скоро уже зимние метели  
Здесь укроют снегом всё, мой друг.  
Будешь ты смотреть в своё окошко  
Взглядом, затуманенным тоской,  
Может, обо мне взгрустнёшь немножко,  
Вспоминая вечер над рекой  
И слова, которые шептала  
В забытии, в горячечном бреду,  
А над нами небо зажигало  
Первую вечернюю звезду.  
Пусть трещат деревья от мороза  
И метель по улице метёт,  
Всё равно придёт весна, и роза  
На твоём окошке расцветёт.

### К\*\*\*

Писем больше ты мне не пиши,  
Не тревожь моё сердце усталое,  
Глубину моей грешной души  
Не понять тебе, пташка ты малая.  
У тебя будет много любви,  
У тебя будет много хорошего,  
А меня ты не жди, не зови,  
Наше счастье метель запорошила.  
Время вспять мне уже не вернуть,  
Пролетели года мои юные,  
У тебя ж впереди долгий путь,  
Ночи жаркие, летние, лунные.  
Только в пламени новой любви  
Не сгори, ты такая ведь нежная,  
И в душе навсегда сохрани  
Своей юности дни безмятежные.



### **К визиту врача**

Она пришла, когда я умирал,  
Или казалось мне, что умираю.  
Взглянул я на лица её овал  
И понял: буду жить, я точно знаю.

\*\*\*

Когда своих друзей я провожаю  
Туда, откуда нет пути назад,  
То вдруг с невольной грустью понимаю,  
Что я ведь тоже в вечность кандидат.

### **Воспоминания**

Ветра свист, стучится дождь в окно,  
В забытьи лежу я на диване,  
А перед глазами, как в кино,  
Ураган в Индийском океане.  
Волны опрокинуть норовят  
Наш корабль, увлечь его в пучину,  
Мачты угрожающе скрипят,  
Жарко в отделении машинном.  
Не понять, где небо, где вода –  
Всё смешалось в дикой свистопляске,  
Но уверен экипаж всегда:  
Не собьётся с курса никогда  
Командир, родившийся в рубашке.  
Мы придём в родной Владивосток,  
Подойдём к знакомому причалу,  
И похода нашего итог  
Командир доложит адмиралу.

### **Автономка**

Уходит в автономку субмарина,  
Нырять в голубую глубину,  
И слёзы льют от жалости дельфины,  
Считая, что она пошла ко дну.  
Дельфины – очень умные ребята,  
Но всё же невозможно им понять,

Как может эта мощная громада  
Так долго на поверхность не всплывать.  
Они законов физики не знают,  
На флоте не служили никогда,  
И грозную подлодку принимают  
За сильно располневшего кита.  
А этот «кит», хозяин океана,  
На их собратьев ужас наведёт,  
Когда однажды в розовом тумане  
В соседнем полушарии всплывёт.  
Взнуздав, как быстроногого мустанга,  
Ведёт подлодку опытный моряк,  
Суровый капитан первого ранга,  
Георгий Пицин, славный наш земляк.

### **Байкальский пейзаж**

Голубое зеркало Байкала  
Чуть рябит задира-ветерок,  
В гавани притихшей у причала  
Отдыхает белый катерок.  
Жарятся на палубе матросы,  
Курит трубку строгий капитан,  
За вершину старого утёса  
Зацепился утренний туман.  
Бравый кок на камбузе колдует,  
Флотский борщ уже почти готов.  
Юнга на корме пейзаж малюет  
И о дальних странствиях тоскует,  
Об огнях далёких маяков.  
Может, станет юнга капитаном  
И увидит дальние моря,  
Побывает он во многих странах,  
В их портах бросая якоря.  
Все мечты сбываются когда-то.  
Чтоб бесцельно небо не коптить,  
Надо просто вовремя, ребята,  
Верный курс по жизни проложить.

### **Тельняшка**

Дедушка тельняшку  
Внуку подарил,  
Дедушка на флоте  
В юности служил.

И мечтает часто  
Дедушка тайком:  
Вырастит внучонок –  
Станет моряком.  
Будет бороздить он  
Дальние моря,  
Ведь служил на флоте  
Дедушка не зря.

### **Кит**

Посмотрев в калейдоскоп,  
Костя вдруг наморщил лоб.  
«Мама, мама, это кит! –  
Он испуганно кричит, –  
Мама, он такой большой,  
Он проглотит нас с тобой!»  
«Что ты, – мама говорит, –  
Это очень добрый кит,  
Просто хочет он сказать,  
Что пора детишкам спать.  
Полезай в кровать, дружок,  
Спи, мой сладкий малышок.  
Может, вырастешь и станешь  
Капитаном бравым ты  
И найдешь, где в океане  
Эти плавают киты».

**Светлана Васюхина**



\*\*\*

Спутники наши – победы и беды.  
Больше бы первых и меньше вторых.  
Каждым мгновеньем живите – ведь этот  
Мир навсегда канет в Лету без них.  
Мысль материальна – её воплощайте:  
Думать – уже означает творить!  
Думайте впрок, все проблемы решайте:  
Жизнь, не дай Бог, мимо нас пролетит...

\*\*\*

Проснулась я – свет неожиданный разом  
Плеснулся от стёкол ко мне среди ночи.  
В окно загляделась луна жёлтым глазом,  
Сквозь ели ко мне просочившийся в очи.  
Я встала, призывно пошла ей навстречу;  
Круг ярко светился в полуночном небе,

Казался огромным, застывшим навечно...  
К сюрпризу та весточка? Явь или небыль?

Назавтра настало декабрьское утро,  
И я увидала: багульник в стакане  
Расцвёл перламутром,  
Как розы в тумане...

\*\*\*

В минуту грусти, невезенья  
Ты протянул иконку, молча, мне.  
С неё глядела дева: «Умиленье»  
Доверчиво и кротко. В тишине  
Надолго я задумалась, любуясь  
Тем ликом, неземною красотой...  
Решительно настроена: «Прощу ли?»,  
И время примирило нас с тобой.

\*\*\*

Мы дети войны и должны знать о прошлом,  
Хотим быть уверенны в завтрашнем дне.  
Рождаются образы, просто – о сложном  
Стихи отражают всю правду о ней...

\*\*\*

Майский день весенний. Дождик, снег ли?  
Спряталось и солнце. Непогода.  
Накануне в праздник песни пели,  
На душе покоилась свобода.  
Зелень у нехоженных дорожек  
На пригорках показалась вроде.  
На устах улыбки у прохожих,  
И... флажки у старых подворотен.

\*\*\*

И лишений надо быть достойным.  
Лучшим ли потворствует судьба?  
Если живы остаются в войнах,  
Крест несут по жизни – не до благ...

\*\*\*

Я – птица с крылом перебитым.  
 Травмой выбита из колеи.  
 Но не хлебом единым мы сыты:  
 Ветродуи – дороги мои...  
 Не везде полетать я сумела,  
 И не всеми тропами прошла.  
 Хоть и лет мне немало, хотела  
 Побывать, где ещё не была.  
 Сколько раз меня жизнь поучала:  
 Всех падений-прыжков и не счесть.  
 Но всегда находились причалы,  
 От которых дороженьки есть...

### **Худое ремесло**

Под прядью жёлтого заката  
 На фоне неба, невесом –  
 Косой распущенного смрада  
 Дым застилает горизонт...  
 И кто тот враг, что продолжает  
 Своё худое ремесло?  
 Прощать грехи Господь внушает,  
 Природа же не терпит зло.  
 Она лишь ждёт и копит силы,  
 Чтобы воздать по всем грехам.  
 Не грянул гром, но наступила  
 Пора задуматься и нам...

\*\*\*

Чем мы похожи, все люди –  
 С Севера, с Юга – по сути?  
 Русские, венгры ли, турки.  
 Цель созидания – внуки...  
 .....  
 Статус страны невысокий,  
 Где расцветают пороки.  
 К старости нет уваженья –  
 Надо ли жить на коленях?

\*\*\*

Сотня, другая... Что рубль – не деньги?  
Шум о надбавке идёт по стране,  
Словно реклама, какая... Бездельник,  
Смотришь, неплохо живёт (стыдно мне?)  
К пенсии десять процентов добавят,  
Но продукты, да транспорт порой,  
На пятьдесят или сто дорожают.  
Что же «живи-выживай» жребий мой?

### Голодные годы

«Почему мы рабы?»

Н. Чернышевский

Странное время – со свету сживали:  
Годы тридцатые – голод в стране.  
Хлебные веси, где хлеб собирали  
Планам в угоду... Приснится ль во сне?  
Мор всенародный, где смерть – избавленье  
От бесконечных страданий и мук! –  
Семьями мир покидали: деревней  
всей уходили, как в адову тьму...  
Слабые, крепкие ль – власть угнетала.  
Странно, что мы изначально – рабы.  
Видно, от жизни тяжёлой устали,  
деревенели, как в поле столбы.  
Шаг не шагнуть без приказа, оглядки.  
Верили власти, что счастье найдём.  
Ну, а что путь выстилался негладкий???  
«Лишь потерпеть!» – мысль владела рабом.

\*\*\*

Потоки информации повсюду:  
С экранов телевизоров, в кино,  
По радио... Газет не надо людям –  
Деньжат на них не водится давно.  
Послушаешь, посмотришь – эко диво! –  
Сплошное шоу, веселят народ.  
Книг непотребных рынок, море пива...  
Младых не убережь. Дожили, вот...

Кто ж устроитель «правды» этой?  
Свобода, демократия виной?  
Ну, нет, не обмануть нас... Жизни вектор  
Нам определяет главный – рулевой!

\*\*\*

В век посулов и жалких реклам,  
Нищетой порождённых, – утопия,  
Что построим целительный храм  
Жизни лучшей: стара философия...

\*\*\*

Давно известно выражение:  
«Душа бессмертна, деньги – тлен»  
Гобсек бальзаковский – творенье,  
Где вывод сей вполне «созрел»

Ни хлеб един, ни злато-диво  
Не сделают достойным век.  
Рождается, душой красивый,  
Для жизни вечной человек.

### **Добрым быть непросто**

Думать надо прежде о духовном:  
В жизни суеты оно важней.  
Дух ли, тело – до поры условно  
(с возрастом становимся мудрей!)  
Плоть, одежда, пища, лишь привычные  
Точки для отсчёта сами по себе.  
И заботы, и дела – всё личное,  
Остальное – чуждое в судьбе.  
Многие живут по этой «схеме»:  
Ближе к телу кровное, своё...  
Но случись пожар иль горе, время  
Пересмотрит ценности её.  
И выходит, добрым быть непросто.  
Сострадать тому, кому нужней  
помощь эта. Показатель «роста» –  
жить другим на пользу, для людей.



### Моностихи

\*\*\*

Враги живы, пока на них есть спрос.

\*\*\*

Деревьев нет плохих, растений – злых.

\*\*\*

Беда России во все времена –  
человека простого бесправие.

\*\*\*

Размеры пенсии – лицо нищеты.

\*\*\*

Возраст надуман годами. А дни –  
спешите помедленней мимо...

**Людмила Капустина**



**О вечном...**

Вновь на Казанскую поют колокола,  
И купола неистово сияют.  
Мне верится, Россия ожила  
И поднялась с колен, моя родная!  
И синь небес, и звонкий благовест  
Так душу радуют и сердце согревают,  
Что никуда не деться с этих мест,  
Коль в сердце Русь живёт святая.  
Как трудно в мире жить с врагом  
И недругов прощать не осуждая,  
Но Божья Мать молит нас о том,  
Заступница усердная, родная.  
На недруга-врага не буду зла,  
Я буду жить, на Бога уповая...  
Пусть и впредь поют колокола,  
И купола неистово сияют!

### **Страна Любовь**

Почему мне не спится?  
Я не знаю сама.  
Дождик в окна стучится –  
На пороге зима.  
О тебе вспоминаю  
И легонько грущу,  
Я обиду прощаю,  
Потому что люблю.  
С нашей встречи последней  
Много дней пронеслось,  
Плачу, снова жалею –  
Ничего не срослось.  
Верю небу, как прежде,  
 Попрошу я судьбу:  
Дай мне лучик надежды,  
Ну, а я подожду...

### **Заговор на любовь**

Ты не смеешь меня забыть,  
Ты не сможешь меня разлюбить...  
Я, как воздух, тебе нужна,  
Как пропойце – глоток вина,  
Миру шумному – тишина,  
Морю синему – глубина,  
Как художнику – краски и холст,  
Коротышке – высокий рост,  
Ты не смеешь меня забыть,  
Ты не сможешь меня разлюбить...  
Пусть сегодня с тобой другая,  
И красивая, и молодая,  
Буду твой охранять я покой,  
Встану ангелом за твоей спиной.  
Я приду в твои чуткие сны  
От начала зимы до весны,  
А в июльский полуденный зной  
Буду облаком над головой.  
Я прольюсь листопадным дождём  
Над тобою сентябрьским днём –  
Ты не смеешь меня забыть,  
Ты не сможешь меня разлюбить!

## Ницца

Город Ницца, город Ницца,  
Город праздничных огней,  
Юга Франции столица,  
Ты живёшь в душе моей.  
Город Ницца, город Ницца,  
Волны бьются о песок,  
Невозможно не влюбиться  
В этот дивный уголок.  
Город Ницца, город Ницца,  
Утопающий в цветах,  
Как щебечут сладко птицы  
В твоих розовых садах.  
Город Ницца, город Ницца,  
Даль лазурная ясна,  
Мне ночами часто снится  
Край, где вечная весна.  
Город Ницца, город Ницца,  
Зависть к жителям твоим:  
Повезло же им родиться  
Здесь, под солнцем золотым.  
Город Ницца, город Ницца,  
Корабли плывут легки,  
С курса им никак не сбиться –  
Путь укажут маяки.  
Город Ницца, город Ницца,  
Для туристов – рай земной,  
И летят сюда, как птицы,  
Самолёты чередой.  
Город Ницца, город Ницца –  
Моя новая любовь,  
Постараюсь возвратиться,  
Чтоб тебя увидеть вновь.

# ПРОЗА



**Владимир Крестьянников**



## **СТАРАТЕЛИ**

(отрывки из повести)

Федька четвёртые сутки блуждал в тайге. Нет, он не заблудился, это был его лес, здесь он знал каждую тропинку. Вон за тем болотом дымит печными трубами его родное село. С опушки леса хорошо видна крыша родительского дома, но не мог парень подойти к родному дому, открыть скрипучую калитку, обнять отца, мать, сестрёнку. Однажды огородами он уже пробирался к дому, но милицейская машина возле ворот дома предупредила, что в доме его ждут крепкие парни в милицейской форме, а встречаться с ними Федьке ой как не хотелось. Пришлось парню огородами снова ретироваться в спасительный лес.

На болоте есть островок, где они ещё пацанами скрывались от родительского гнева. Тропинку через болото Федька знал хорошо. Там, на островке, и скрывался парень последнее время. Небольшой шалашик приютил его, спасая от непогоды. Питался парень теми продуктами, что мать заботливо положила в его вещмешок,

проводя Федьку на призывной пункт. Но как быстро исчезли эти материнские подорожники.

Всё было хорошо, отгуляли проводы Фёдора в армию. Пьяно, весело отгуляли: с песнями, с плясками, с драками.

Поплакала мать, отец дал своё пьяное напутствие сыну. В районный военкомат родители не смогли поехать, и проводжали Федьку до города его закадычные дружки Петро с Гришаней. В автобусе ещё пригубили по стопарику, и в военкомат Федька заявился в приятном подпитии.

<...> Во дворе призывного пункта творилось что-то непонятное. Трое здоровенных бугаев «метелили» Гришаню. Петра нигде не было видно, а пинки да кулаки так и сыпались на бедного парня. Гришаня, прикрывая голову, старался уклониться от ударов, но силы уже покидали его. Вокруг топтались призывники, визжали девчонки, но никто не спешил помочь бедолаге. Один из бугаёв, рыжий в разорванной тельняшке, наклонился и вырвал штaketину из палисадника. Удар такой дубиной не обещал Гришане долгой жизни. Федька не помнил, как сорвал с пожарного щита, что стоял рядом с крыльцом, лопату и кинулся на помощь другу. Рыжий бугай поднял дубину, но опустить её на голову Гришани не успел. Его рыжая бестолковая голова как-то странно дёрнулась и, окрашиваясь в темно бордовый цвет, ткнулась в траву у палисадника. <...>

Как вещмешок оказался у него в руках, куда девался Петро и кто виноват в этой трагедии, Федька не знал. Одна страшная мысль стучала в виски: «Я убил, я убил, что теперь делать?» Федька остановился, чтобы отдышаться и привести мысли в порядок.

<...> Возвращаться домой парень поостерёгся: наверняка милиция там будет раньше его, да и на тракту, наверное, уже дежурит наряд. Но всё равно надо двигать поближе к родному дому, правда, идти придётся пешком и обходными тропами. А это дорогу удлинит как минимум втрое. Федька вспомнил, что за деревней на болоте есть кусок суши, поросший зарослями шиповника. Там они, ещё пацанами, построили шалаш, если он не развалился, приют на первое время для него обеспечен. «Ну что ж, вперёд, парень! Обратной дороги для тебя нет...», – подумал про себя Федька.

Три кошмарных дня показались вечностью. Страх придавил парня, он не мог приблизиться к родному дому, а лежать в шалаше уже было выше его сил. Вещмешок опустел, последняя горбушка хлеба превратилась в мелкое крошево, вода в болоте была грязная, с неприятным запахом аммиака. Видно, всё равно придётся выходить к людям: сдыхать в этой вонючей луже парень не собирался. Федька решил пробраться к дому Гришани, хотя понимал, что встреча с матерью друга не обещала ему ничего хорошего. А с другой стороны, это из-за него, Гришани, оказался он в таком аховом положении.

Федька выполз из шалаша, потянулся и подошёл к кромке болота, чтобы умыться хотя бы этой вонючей болотной жижей. Было ещё светло, в деревню лучше идти в сумерках: меньше посторонних глаз, а Федьке не резон сейчас светиться. Сорвав с куста несколько поздних ягод шиповника, Федька поднял припасённую палку и, ощупывая дорогу, побрёл через болото. Вот и твёрдая земля, парень упал в траву, дальше идти было опасно. А впереди редкие дымы над крышами родной деревни, лай собак, мычание недоенных коров. Рано, слишком рано вылез Федька из своего убежища. Ничего, лучше он подождёт сумерек здесь, на опушке леса, чем нюхать эту болотную вонь. Парень перевалился на спину и закрыл глаза, положив руки за голову.

Наверное, он уснул, а может, просто лёгкая дрёма помutilа сознание, но очнулся парень от странного чувства, что он не один. Обшарив взглядом соседние кусты, Федька споткнулся о цепкие, настороженные глаза человека, стоящего за соседним кустом. Некоторое время глаза прищельца строго смотрели на парня, как бы старались понять, кто перед ним. Потом тёплые искорки согрели взгляд незнакомца, и с улыбкой из-за куста вышел старик с кошёлкой в руках. Среднего роста, ещё довольно крепкого телосложения, лишь небольшая седая бородка да избитое морщинами лицо выдавали возраст незнакомца.

– Приветствую вас, молодой человек! – в глазах старика веселятся бесенята. – Решили отдохнуть под луной? Вон она милая из-за леса подымается? <...>

– Сейчас я должен трястись в эшелоне по пути в воинскую часть, – начал Федька.

– А ты решил дезертировать? – докончил за парня старик.

– Я человека убил, – тихо прошептал Федька. – Не понимаю, как это случилось, почему это случилось именно со мной? Избивали моего друга, жестоко избивали, и всё равно это меня не оправдывает. Я убил человека, – тупо повторил Федька.

– Да, – старик поскрёб седую кудель на голове. Кажется, он был в замешательстве. – Что же нам с тобой делать, парень? Домой тебе пока действительно нельзя.

Некоторое время сидели молча. В деревне уже зажглись огни, плотные сумерки опустились на лес, на землю, на потемневшие крыши домов. Старик горестно вздохнул.

– Да, вляпался ты, парень, но не отдавать же тебя на съедение закону, давай попробуем повертухаться. К мальцевскому дому незаметно пройти сможешь?

– Огородами запросто. <...>



К дому Григория Мальцева Федька добрался уже в полной темноте, но деревенская улица жила своей неповторимой и до боли знакомой парню жизнью. Где-то на другом конце деревни, наверное, возле дома Егоровны играла гармошка. В деревне был неплохой клуб, но в летнее время по какому-то неписаному закону молодёжь всегда тянулась к домику старой самогонщицы, и только осенние заморозки возвращали парней и девок в стены сельского клуба. У Федьки сладко заныло где-то под ложечкой, любил парень эти весёлые молодёжные посиделки.

– Иди сюда, Фёдор, я уже озяб, ожидая тебя, – от небольшого стожка сена, что приютился на огороде, навстречу парню шагнул старик. <...>

Из избы пахнуло теплом, жареным луком и ароматом каких-то трав. Григорий сидел возле стола, ковыряя шилом старый валенок, во рту зажата иголка с дратвой. Федька привалился к стене возле дверей, он всегда при входе в незнакомый дом испытывал какую-то робость. Нет, он был не из робкого десятка, но была у парня такая странная черта.

– Проходи, парень, что прилип к порогу, здесь все свои, – прокаркал хозяин. <...>

Федька прошёл к столу, сел на предложенный табурет и осмотрелся. Комната была большая, хотя снаружи дом казался не слишком большим. Русская печь делила комнату, и за печью, видно, был небольшой закуток, где проводил ночи хозяин. Стол посреди да телевизор на тумбочке возле окна претендовали на роскошь, хотя стол, очень изящный, полированный под красное дерево, явно был кустарного производства. На старенький диван возле стены Федька даже не обратил внимания.

– Бросай, Григорий, свои онучи, до зимы ещё далеко, успеешь починить, а парень голодный, кормить надо.

Хозяин, как по приказу, бросил валенок и по пояс залез в чрево русской печи. Чугунок, появившийся из печи, наполнил комнату таким дивным ароматом, что у Федьки сладко заныло в груди, напомнив, как давно он не ел ничего горячего. А хозяин не торопился, словно дразня парня. Он откуда-то из-за печи вынес три алюминиевых миски, большой половник и стал не спеша разлаживать по мискам большие куски мяса. Потом из того же чугуна зачерпнул несколько картофелин и полил всё жирным, наваристым бульоном. Федька захлёбывался слюной, а хозяин не спеша достал булку чёрного хлеба и стал нарезать крупные ломти, раскладывая их на большое блюдо. Не ожидая приглашения, Федька схватил ломоть хлеба и беспомощно перевёл взгляд с хозяина на Кирилла Матвеевича. Ложек на столе не было, а горячее без этого инструмента не похлебаешь. Хозяин извиняющееся улыбнулся и снова скрылся за печкой. Появился Григорий с ложками в руках и тёмной бутылкой «самиздата». Самогонка вырвалась из чрева бутылки таким вонючим испарением, что Федька невольно зажал нос, хотя был знаком с этим произведением народных умельцев всю свою сознательную жизнь.

\*\*\*

Обращаться за протекцией к начальнику управления не пришлось, Костя устроился шофёром на грузовую машину и через пару дней уже лихо заруливал, как заправский шофер. Машина была оборудована как дежурка, а после доставки рабочих по объектам превращалась в хозяйственную машину. Работы было немного, но после первого рабочего дня, придя в домик, где квартировали рабочие, Костя чувствовал приятную усталость.

В комнате их было трое: высокий рыжеволосый очкарик и крепко скроенный зрелый мужчина с растатуированным торсом и такими же сизыми от наколок руками. Откликнулся он на «имя» Грек. Его круглая, как мяч, наголо стриженная голова, кажется, была прикреплена к плечам без помощи шеи, которая вообще отсутствовала. Невысокого роста, но налитый под завязку мускульной массой, он вызывал невольное восхищение. Крепыш знал себе цену и держался уверенно с солидной долей наглости. Он не сомневался, что окружающие для того и родились, чтобы исполнять любое его желание. Костя сразу насторожился, как только понял, с каким хищником он попал в одну клетку. Немногословный, с маленькими глазками, что как мышата прятались под кустистыми бровями, при первой встрече он не удосужился даже поздороваться, лишь хмыкнув, кивнул головой, проходя к своей кровати. Сбросив рабочую одежду, он взял большое полотенце, туалетные принадлежности и молча вышел.

– Он всегда такой разговорчивый? – поинтересовался у рыжего Костя. – Может, какие неприятности на работе?

– У таких, как он, не бывает неприятностей. Давайте знакомиться, меня зовут Митяй, полное имя Дмитрий, но почему-то прижилось Митяй, наверное, так уж на роду написано до конца дней проходить Митяем. <...>

Вторым парнем, что оформлялся на работу вместе с Костей, был Федька Носов из деревни Подкаменной. Страх за содеянное в райвоенкомате заставил парня пойти на уговоры Кирилла Матвеевича, забиться подальше в тайгу. Даже с родителями не смог попрощаться парень, только попросил Григория Мальцева, что отвозил его в экспедицию, чтобы тот сходил к отцу и рассказал всё о злключениях сына. Вот так парень, мечтавший когда-то о профессии механизатора, стал землекопом. <...> Федька старался меньше показываться людям на глаза. После работы бездумно валялся на кровати, иногда спал, а больше перелопачивал в голове события последних дней. Да и уставал парень от непривычной работы, сильно побаливала спина от напряжения.

Комната, в которой поселили Фёдора, была большая. Пять человек притирались друг к другу привычками, характерами, взглядами на жизнь.

Не всегда эти взгляды совпадали, и моментально вспыхивали ссоры на пустом месте, буквально по любому пустяку, и это коробило Федьку. И всё же здесь было лучше, чем на болоте.

Однажды после работы Федька пошёл на речку помыться, его догнал парень с полотенцем на плече. Несколько дней назад их свела судьба у инспектора отдела кадров, потом он видел его за баранкой автомобиля, что доставлял рабочих на объекты.

– Привет, коллега, – дружелюбно поздоровался парень. – Как выглядаешь к лопате, не тяжело работать на шурфе?

– Приятного мало, – улыбнулся Федька, – спина не приучена на такой работе гнуться. Я год как школу закончил с тройками, в институт дорога закрыта, вот и пришлось идти на эту чёрную работу. На будущий год попробую в техникум поступить.

– А в своей деревне работы нет?

– Только на своём хозяйстве, а велико ли оно, своё-то: пара поросят, да кур с десятков – там и отец справляется.

Парни подошли к речке, неширокая, но быстрая и холодная даже в жаркие дни, она явно вытекала из каких-то подземных глубин.

– Эту речку у нас в деревне старожилы зовут Золотой, хотя официальное ее название Подкаменная. Почему прикипело к ней это название, никто не знает. Правда, с уходом старого поколения и название речки сглаживается. Да и какая она может быть Золотая, скорее Холодная или Быстрая – это ей больше подходит.

Парни умылись и присели на выброшенное половодьем бревно. За речкой шумит тайга: берёзки и осины уже оделись в осенний наряд, скоро облетят листья и останутся они, нагие, ожидать зимних холодов. Уже не слышно птичьего щебета, видно, позвала и их дальняя дорога в нелёгкий осенний перелёт. Какая грустная красота! Костя редко бывал на природе и особенно остро чувствовал эту прелесть увядающей природы.

– Дома сейчас топят печь, мать, наверное, подоила Зорьку, а сестрёнка пудрит носик, собираясь на вечерку, – грустно улыбается Федька.

– Рыба водится в этой холодной речке или нет? – отвлекает парня от грустных мыслей Костя.

– А как же, – загорается парень, – здесь ловят замечательных чёрных хайрюзов. Но эта рыба осторожная, и не каждый сумеет её поймать. Вот обживёмся немного, я закажу себе снасти, и, если ты не против, попробуем рыбацкого счастья на зорьке. Красота!

– Послушай, ты же ведь из здешних, на выходные можешь домой смотаться, да тебе ли грустить о доме.

Парень как-то горестно вздохнул и опустил голову. <...>

– Пошли, а то скоро столовая закроется, а на ночь перекусить не мешает. Ты, кажется, в крайнем домишке живёшь? А мой вон, третий с краю, заходи, поболтаем, может, и на рыбалку соберёмся. Скажи, а что здесь раньше было, ведь кто-то жил же в этих домах?

– Здесь староверы жили, богатое было поселение, а потом люди куда-то ушли. Дома вот остались да кладбище, вон за тем холмом.

– Грустная история, жили люди, во что-то верили, чего-то добивались, и вот остались после них только дома, которые они, возможно, сами и поставили в надежде на лучшую долю.

–А ты, наверное, неплохой парень, – вдруг выдавил Федька, – может, мы с тобой и подружимся.

Прощаясь, он поднял руку и свернул к своему дому. <...>

\*\*\*

Уже больше недели шоферил Костя Утюгов. Работа не очень удручала привыкшего к труду парня, иногда даже приносила удовольствие. Вот и сегодня, развезя рабочих по точкам, Костя остановил машину в приглянувшемся месте на берегу речки. Спустился к воде и присел на небольшой камень. Хорошо! Какая-то первозданная тишина, только речка шумит на перекате, да деревья тихо переговариваются под ветром. Пернатое население притихло в предчувствии близкой зимы, а некоторые из собратьев уже улетели в тёплые края. Первые жёлтые листья плывут по холодной, быстрой воде, лес одевается в свой осенний наряд. Костя поднял окатыш и, целя в проплывающую корягу, замахнулся, но бросить не успел: совсем рядом тишину нарушил плеск воды. Неужели нашёлся любитель холодных процедур? Парень повернулся на плеск воды и остолбенел. Рядом, буквально метрах в десяти от него, в речке плескался огромный медведь. Что делал зверюга, умывался или ловил рыбу, парня мало интересовало. Первым, не совсем осознанным желанием было делать ноги, но трезвая мысль подсказала затаиться и не выдавать своего присутствия. Тем более, парень где-то читал, что в это время года зверь не опасен для человека и при встрече сам старается уйти от ненужного общения. Но читать – одно дело, а сидеть почти рядом и наблюдать за водными процедурами зверя – совсем иное. Каждая жилка трепетала в организме, парень был готов сорваться с места и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Сколько продолжалась эта водная феерия, Костя не знает, время остановилось для него. Он уже с неподдельным интересом наблюдал, как огромная туша в прекрасной цигейковой шубе упала в воду и, переворачиваясь с боку на бок, фыркает от удовольствия. Лишь одна удивительная мысль сверлила сознание парня: как же недалеко мы ушли от этого косолапого представителя дикой природы.

Вдруг небо разверзлось шумом и треском цивилизации. Почти касаясь верхушек деревьев, огромная механическая стрекоза пролетела над речкой, вспенив воду, как закипающий котёл. Ни тишины, ни очарования природой, снова трудовые будни, профессиональные обязанности и забота о куске хлеба на завтрашний день. А где же медведь, и было ли

это водное представление? Тайга приняла в свои объятия, укрыла от постороннего глаза своего постоянно прописанного обитателя. «Окончен бал, погасли свечи», – грустно улыбнулся Костя и направился к машине.

\*\*\*

<...> Костя проснулся задолго до восхода солнца. Ещё вчера он подготавливал рыболовные снасти, решив воскресный день посвятить своей давней утехе – рыбалке. Любил парень посидеть с удочкой у тихого речного заливчика, посмотреть восход солнца, послушать пробуждение природы. Лирические струны в такие моменты звучали особенно проникновенно в милицейской душе парня. Хотелось петь и плакать, а причину этой меланхолии Костя и сам не смог бы назвать, да и не любил парень копаться в своих чувствах.

<...> Наскоро одевшись, Костя вышел в холодный утренний сумрак. Машина стояла возле дома, всё нужное для рыбной ловли с вечера погружено в кузов дежурки. Восточный край неба уже начал покрываться бледной плесенью, но до рассвета было ещё далеко. Костя решил съездить к устью речки Еловки, что протекала в семи километрах от поселения геологов. На этой речке парень не был ни разу, но его заинтересовали разговоры рабочих об этой небольшой речушке. От многих он слышал, что речка проклята староверами, что в тех местах не раз пропадали люди. Словом, какой-то Бермудский треугольник местного значения. Костя посмеивался над нелепыми вымыслами, тем более старожилы экспедиции уверяли, что рыба в речке водится, а это был главный козырь в пользу поездки.

Машина шла ровно, дорога была наезжена, вероятно, раньше ею пользовались часто. Дальний свет фар выхватывал придорожные кусты, одинокие деревья, что жались к кромке дороги, казалось, скоро они начнут выбегать на проезжую часть. Костя засмеялся своим нелепым мыслям. Какая-то ночная зверюшка перебежала дорогу, парень невольно притормозил машину, потом снова прибавил газу, увеличивая скорость. А вот и речка. Быстрая, холодная, рождённая где-то в предгорье Саян, несёт она свои воды, чтобы слиться в единый поток с водами Подкаменной, такой же своенравной горной реки. Дорога прерывалась возле самого берега, а на другом берегу появлялась снова. Здесь был брод через это водное препятствие.

Костя остановил машину возле речки, загнав её за большой куст черёмухи. Достав из кабины сумку со снастью, он пошёл по берегу, подыскивая подходящее место для рыбалки. Речка стремительно неслась среди каменных нагромождений, и бросать удочки в этот кипящий котёл было бессмысленно: леску неминуемо выбросит течением к берегу.

Наконец, парень увидел приличную курью – тихий водоём с обратным течением воды. Достав приготовленную с вечера подкормку, он разбросал её по поверхности. Костя собрал добротное, из дюралевых трубок удилице и снарядил снасть. В запасе была ещё одна удочка, но парень решил пока её не доставать. Для пробы надо покидать одну, а там будет видно.

Костя не верил в Бога, но прежде чем забросить удочку, он всё же перекрестился и сам засмеялся своей выходке. Не успел наплавав коснуться поверхности, как его кто-то энергично дёрнул, потом ещё раз, и цветной сторожок скрылся под водой. Костя потянул удочку на себя, и золотистый окуnek затрепыхался в воздухе. Сердце парня наполнило давно забытое волнение, руки слегка дрожали, когда он снимал с крючка первую добычу. Клёв был отменным, за какие-то полчаса в ведёрке плавало с десяток окуней и крупных серебристых ельцов. Вторая удочка уже нашла своё место рядом с первой, парень еле успевал бегать от одной снасти к другой. Он не заметил, когда взошло солнце, не слышал, как хор пернатых приветствует рождение нового дня. Страсть рыболова захлестнула парня, но клёв прекратился также внезапно, как и начался. Поплавки застыли, рыба не клевала. Костя оставил удочки и пошёл к машине, решив немного перекусить. Парня остановил ружейный выстрел, прогремевший где-то рядом, кажется, на другом берегу речки. С соседней берёзы посыпалась кора, и большая щепка упала парню под ноги. Второй выстрел прогремел, когда Костя уже упал за колесо машины. Сомнения не было, стреляли в него. Но кому он мог помешать?

– Эй ты, что за шутки? – закричал парень. – Так можно и убить, ты что, совсем свихнулся? Выходи, поговорим!

– Убирайся отсюда! – раздался голос из глубины леса. – В следующий раз не пожалею.

– Ты кто? Выйди, поговорим по-людски!?

– Сматывай удочки, парень!

Костя осторожно вышел из-за машины. Выстрела не последовало. Тихонько, как будто боясь разбудить спящих, он продвинулся к курье, где стояли удочки. В тайге было тихо. Ведёрко с рыбой было перевернуто, рыба беспомощно трепыхалась в прибрежной траве. Костя поднял ведро, в боку рваное отверстие от пули. Значит, неизвестный стрелок действительно пожалел парня, и выстрелы были опасным предупреждением. Но кому он мог помешать? Сматывая удочку, Костя заметил, что в реке рядом с большим валуном что-то блеснуло. Парень, преодолевая страх, хотел забрести в холодную воду, но в кустах за рекой что-то щёлкнуло, то ли сломанная ветка, то ли взведённый курок.

Схватив снасти и дырявое ведро с рыбой, Костя бросился к машине. Через несколько минут машина уносила сильно озадаченного парня в обратном направлении. Страх уже не было, одна мысль сверлила сознание:

«Чем он мог кому-то помешать? Что же за проклятие староверы наложили на речку? И староверы ли здесь виноваты?»

\*\*\*

Костя поставил машину возле дома и зашёл в помещение. Постельцев дома не было. Он сел на кровать и крепко задумался, хотя за время в дороге, кажется, были обдуманы все варианты. Неужели расшифрована цель его пребывания здесь, в геологической партии? Нет, это маловероятно. Значит, действительно для кого-то было нежелательно его появление на этой речке. Но почему, почему? Костя соскочил с кровати и взволнованно заходил по комнате. Надо звонить Топоркову? За время пребывания здесь, в посёлке, Костя ещё ни разу не связывался с руководством, он хорошо помнил наставление Льва Силевича поменьше высовываться. Но, видно, это тот случай, когда необходимо посоветоваться с руководством.

На другом конце несуществующей нити будто ждали звонка Кости. В сотовом что-то щёлкнуло, и чуть искажённый расстоянием голос Топоркова заставил парня встать с кровати и внутренне подтянуться.

– Товарищ подполковник?

– Давай без званий, Костя, здравствуй. Ну, расскажи, как устроился?

– Здравствуйте товарищ..., – Костя споткнулся на полуслове, – обжился вроде нормально, Лев Силыч, вернее сказать, до сегодняшнего дня всё было нормально. А вот сегодня на рыбалке в меня какой-то пакостник стрелял.

– Что?! – в трубке на какое-то время замолчали... – А ну-ка, давай подробнее.

Костя рассказал подполковнику об утренней рыбалке, стараясь сильно не выпячивать опасность, что ему угрожала. Топорков из скупых слов подчинённого понял всю остроту ситуации. Какое-то время в трубке было тихо, потом спокойный, кажется, ни на йоту не взволнованный голос подполковника спросил.

– Ты как питаешься, Константин, столовая в посёлке есть?

– С этим всё в порядке, Лев Силыч, есть столовая и небольшая торговая лавка.

– Это хорошо, – в трубке снова замолчали. – А насчёт утреннего происшествия, есть у меня такая думка: хоть это и небезопасно, я думаю, стоит ещё раз съездить на эту речку. Конечно, это невероятно, но есть у меня подозрение, что кто-то охраняет неприкосновенность территории. Очень хорошо, что ты не взял с собой оружия, а то устроил бы перестрелку и расшифровал себя, а это сейчас, ой как нежелательно.

– Я всё понял, Лев Силыч!

\*\*\*

Федька Носов был в плохом настроении, хотя «в плохом» – это слишком мягко сказано. Тоска по родительскому дому, неизвестность и неопределённость положения, в котором он оказался, угнетали парня. На работе, которая уже не казалась такой изнурительной, как в первые дни,

Федька немного забывался, но, приходя домой, не знал куда себя деть. Неизвестность давила, только здесь, возле речки, он находил успокоение. Присев на небольшой валун, Фёдор задумался: сейчас в родной деревне, наверное, доят коров, во всех дворах топятся бани, парень даже почувствовал запах распаренного веника.

За спиной слышались чьи-то шаги. Федька сидел, не оглядываясь, он всё ещё был далеко от этого берега.

– Разрешите побеспокоить ваш сон, молодой человек, – геолог Матросов широко улыбался, как будто встретил старого друга, с которым не виделся долгие годы. – Ты эти места хорошо знаешь, Фёдор Анатольевич?

– Я здесь родился в селе Подкаменное, да я и вас иногда там видел. <...>

– Завтра день нерабочий, поедешь со мной на Еловку, – уже приказным тоном сообщил Федьке Аркадий. – Надо осмотреть площадь, возможно, придётся там вести работы.

– Хорошо, как скажете, – неожиданно для себя самого согласился Федька. <...>

\*\*\*

Костя не подозревал, что в посёлке геологов имеется мотоцикл. Он проснулся и ещё валялся в постели, когда услышал с детства знакомый рокот. Шустро выскочив из-под одеяла, парень подбежал к окну. Мимо дома, грохоча и чихая, промчался старенький «Урал» с коляской. За рулём стального мерина сидел новый знакомый Кости, молодой геолог Аркадий Матросов, а на заднем сидении неказистый мужичонка в штормовке с накинутым на голову капюшоном.

Сомнения не было, ранние путешественники держали курс по направлению Еловки. <...> Парень посмотрел на сожителей, что сладко похрапывали в своих постелях, и так сильно потянуло парня снова под тёплое одеяло. Но руки уже нашарили в утренних сумерках штаны, натягивали холодную рубашонку, а ноги сами заскочили в кирзовые сапоги сорок второго размера. Машина стояла возле дома, заправленная горючим и в любой момент готовая к выезду.

\*\*\*

Мотоцикл, чихая на ухабах, бежал лесной дорогой. Опытные руки Аркадия крепко сжимали поводья стального коня. Федька, укрываясь от



встречного ветра за широкой спиной водителя, пережевывал свои беспокойные думы.

«Зачем тащит меня с собою этот странный парень, ведь дорога на Еловку одна, здесь некуда сворачивать, а значит, и заблудиться невозможно. За всю дорогу он ни разу не спросил, правильно ли едем, значит, дорога ему известна, и зачем тогда нужен Федька?»

Речка открылась неожиданно, мотоцикл свернул за поворот, и дорога оборвалась возле холодной, шумно омывающей огромные валуны стремнины. Мотоцикл загнали в кусты, из люльки Аркадий извлёк резиновые бродни и переобулся.

– Я перейду на другую сторону, а ты покарауль технику, если кто появится возле речки, дашь сигнал. Всё понял?

– Так точно, товарищ начальник!

– Юморист, – засмеялся Аркадий и надвинул козырёк Федькиной бейсболки на глаза парня.

Аркадий, осторожно нащупывая ногами дорогу, побрёл через бурный поток. Федька, подойдя к самой кромке бурлящей стремнины, следил за переправой товарища. Вот Аркадий уже ступил на твёрдую землю и, оглянувшись, что-то прокричал, но шум воды заглушил слова. Парень вернулся к мотоциклу и решил перекусить. Ранний отъезд лишил парня полноценного завтрака, да он уже и сам забыл, когда по-настоящему, как бывало дома, завтракал. Фёдор достал прихваченный с собой свёрток с краюхой хлеба и хорошим куском колбасы и пристроился на пенёк возле мотоцикла.

В лесу было по-осеннему тихо. Только река пела свою вечную песню, нарушая покой природы. Где-то вдалеке послышался гул машины. А может, в ушах парня ещё не прошёл гул мотоцикла? Федька прислушался: нет, в лесу стоит удивительная тишина, просто показалось парню. Да и откуда здесь взяться машине в такое раннее время в воскресный день. Отбросив смятую газету из-под завтрака, он пошёл к речке попить. Холодная вода обожгла гортань, заныли зубы, Федька плеснул холодной влагой в лицо, утёрся подолом рубахи. Хорошо бы теперь заняться рыбалкой! Парень пожалел, что не захватил с собой рыболовные снасти. Да, собственно, своими принадлежностями для рыбной ловли он ещё не успел обзавестись, а попросить у сожителей, как-то не догадался. Да и Аркадий торопил со сборами. Федька постелил пиджак и прилёг на траву. Можно немного покомарить, всё равно делать нечего, а технику, что её караулить, здесь только медведь хозяин. Не успел Федька закрыть глаза, как совсем близко раздался треск, будто кто-то наступил на сухую ветку. Фёдор поднял голову, прислушался: тишина и покой, наверное, показалось. Парень снова закрыл глаза и провалился в сновидения, где нет ни тайги, ни речки, ни этих лесных шорохов.

\*\*\*

Костя загнал машину в лес подальше от дороги и минут двадцать шёл пешком, стараясь не нарушать покой природы. Показалась речка, вернее, сначала она заявила о себе шумом воды на перекатах и холодным дыханием, потом открылась вся в своей дикой красе. Парень предположил, что мотоцикл, скорее всего, стоит где-то недалеко от дороги.

Осторожно ступая, он подошёл неслышанным, довольно близко к той стоянке, где спокойно спал Федька. Аркадия возле мотоцикла не было. Костя осмотрелся: кругом стояла тишина, ничто не указывало на присутствие человека. Парень не боялся, что его могут обнаружить, но что-то заставляло его быть осторожным. Скрываясь за мелкими прибрежными кустами, Костя стал продвигаться вдоль речки. Метрах в пятидесяти за поворотом реки он увидел Аркадия, тот сидел возле самой кромки реки, производя какие-то манипуляции. У него в руках было небольшое долбленое корытце. Парень понял, что геолог моет породу. Так когда-то добывали золото. Костя был далёк от этих технологий и никогда не видел, как моют золото, но он читал книги, смотрел кинофильмы, да и вообще, был парень не дурак, чтобы не понять, чем занимается Аркадий.

А тот увлечённо работал лотком, засучив рукава, рядом на берегу лежала куртка. Обернувшись назад, он что-то крикнул, к нему из леса вышел высокий мужчина средних лет, лицо скрывала обильно разросшаяся растительность. Старатели склонились над лотком, оживлённо обмениваясь мнениями. Косте тоже было о чём подумать. Причина всех несчастий в экспедиции, кажется, начинает вырисовываться. Но кто виноват в убийствах и кто задействован в этой старательской афере, надо выяснять. И надо немедленно связаться с Топорковым.

\*\*\*

Рощин вернулся в партию через четыре дня. Удержался в своём кресле мужик, видно, о снятии с должности речи уже идти не может. В тот же день после работы начальник партии собрал общее собрание коллектива. После разбора текущих дел он объявил, что экспедиция получила новый план изыскных работ. Отныне работы переносятся в пойму реки Еловки, в коллектив прибывает несколько специалистов с опытом работы по разведке месторождений золота. Через несколько дней администрация обещает расплатиться по финансовым долгам, и впредь зарплата будет выплачиваться ежемесячно. Опыт оплаты за работу в конце сезона уйдёт в прошлое, работы будут вестись круглогодично, будут улучшены бытовые условия рабочих, и вполне вероятно, что появится возможность семейного проживания.

Рабочие взволнованно обсуждали нововведения в работе экспедиции, равнодушных не было. В столовой, на улице, в комнатах общежитий только и разговор о новых условиях работы в партии. Многие связывали это с общим улучшением экономического климата в стране. И никто не заметил, как сразу после собрания мотоцикл геолога Матросова протарахтел в сторону районного центра.

Костю Утюгова мало интересовали события, взволновавшие коллектив партии. Ему не давало покоя исчезновение Федьки, парень был уверен, что Носов не возвратился из той поездки на берег Еловки. И в этом замешан геолог Матросов.

Одно было непонятно: почему родные Федьки Носова сообщили, что он находится в розыске. Может, парень косит от армии? Костя взял телефон и набрал номер подполковника Топоркова. Лев Силыч оказался на месте, Костя попросил Топоркова связаться с районным райвоенкоматом и выяснить, не числится ли у них в бегах Носов Федор Анатольевич. Ждать пришлось недолго. Да, Носов покинул расположение призывного пункта после пьяной драки, в результате которой он нанес некому Тетерину сотрясение головного мозга без серьёзных последствий. Костя сообщил подполковнику об исчезновении Носова и его подозрениях относительно Аркадия. Подполковник посоветовал связаться с родителями парня, возможно, он прячется в родной деревне под крылом родителей.

\*\*\*

Костя проснулся, как будто вынырнул из глубокого омута. Но и вынырнув, он не почувствовал, что расстался с тёмной бездной. Всё та же кромешная тьма окружала парня. Костя протянул руку, наткнулся на холодную, каменную стену, лежал парень тоже на каменном полу. Да что это за каземат пригрел его в своих холодных объятиях? Он стал вспоминать, что предшествовало этому пробуждению. Странное дело, память работала без вывихов и провалов. Костя хорошо помнит, как он навещал родителей Федьки Носова в деревне, помнит, как к нему подошёл геолог Матросов, заявив, что у него сломался мотоцикл. Постой, постой, а ведь до этого он видел Аркадия на другой стороне улицы чуть наискосок от дома Носовых. Он стоял со стариком, которого Костя видел второй раз, но ему казалось, что он его уже видел где-то до этого. Зыбкие воспоминания ускользали, но Костя почему-то был уверен, что в этих воспоминаниях кроется что-то важное, какое-то скрытое звено его работы. Постой, а что же было дальше? Они едут с Аркадием по таёжной дороге. Молоко, а при чём здесь молоко? Думай, парень, думай! Да, кажется, Аркадий попросил остановить машину. Всё, дальше полный провал, и как он оказался в этом каменном мешке Костя не помнит.

Сколько пролежал парень наедине со своими воспоминаниями, неизвестно. Порядком продрог парень – это да. зуб на зуб не попадал. Вдруг вспыхнул свет, и убранство каменного убежища предстало в полной красе. Одна небольшая дверь и всё: ни окон, ни минимального набора мебели, только лампочка под потолком слабо освещает убожество мерзкого Костиного приюта. Дверь без скрипа пропускает во внутрь крепко сколоченного мужика с бессрочной растительностью на одутловатом, давно забывшем о трезвой жизни лице. Он молча, с ехидной улыбочкой обходит вокруг лежащего на полу Кости, и вдруг безжалостный удар сапога прерывает дыхание парня.

Руки у Кости не связаны, и он мог бы достойно ответить, но не для того провидение направило парня в этот гадюшник, ради дела парень решил терпеть всё. А если эти олухи и дальше оставят руки свободными, он сможет вырваться из западни.

– Ну, здравствуй, милоч! Хотя здравствовать тебе осталось не долго. Я бы тебя, ментовская харя, прямо сейчас к прародителям отправил, да жена у меня очень уж любит с такими молодыми красавчиками поиграть. А сейчас скажи мне, ментяра, что ты вынюхивал в экспедиции? <...>

\*\*\*

Грек проснулся от тихого стука в окно. От этого стука в ночи парню вдруг стало как-то тревожно. Никто никогда не будил его в полночь, тем более таким таинственным стуком. Почему-то сразу всплыло в памяти недавнее исчезновение Утюга. Грек был почти уверен, что за окном стоит Утюг, и что этот стук повлечёт за собой новый виток не совсем приятных приключений. Мужчина, который всё ещё ощущал себя парнем, любил тихую, спокойную, размеренную жизнь, где всё понятно, всё предсказуемо. Да, он был не совсем управляем во хмелю, но в душе он был агнец, и не надо его будить по ночам этим стуком в окно. Чертыхаясь, Грек поднял с кровати свою большую голову и сто десять килограмм тренированной мужской красоты. За окном снова постучали, Грек сбросил крючок и высунул в ночную изморозь свою стриженую голову.

– Но, кто там барабанит? По башке себе постучи, – хриплым со сна голосом протрубил Грек. – Утюг, ты что ли?

Из темноты нарисовалась мальчишеская фигура Федьки. Голова парня взлохмаченная, лицо покрыто потом, дыхание прерывистое, как у загнанной лошади. Грек понял, что ещё немного и парень упадёт от изнеможения. Он схватил его за ворот куртки и втащил в помещение.

– Ну, здравствуй, пропащая душа! Да где тебя черти носили целую неделю? Ты понимаешь, что из-за тебя весь посёлок на ушах стоит?

– А то, что Костю в любое время могут жизни лишить, кого-нибудь беспокоит?

– Что, что ты сказал, несчастный? Кто это посмел поднять руку на Костю? – голос Грека уже не хрипел, а гремел, как боевая труба. – А ну рассказывай толком, что ты тут сопли жуёшь, несчастный!

Уже немного отдышавшись, Федька наскоро рассказал свои злоключения и о неожиданной встрече с Костей, запертым в одной из комнат таёжного дома. Грек, как затравленный, забегал по комнате, Митяй, проснувшись, сидел в постели, происходящее, кажется, мало волновало парня, он вымученно зевал. Предложение Федьки немедленно идти к приезшему следователю не воодушевляло Грека. Не очень уважал парень людей подобной профессии, но идти было надо, это и Грек понимал своим зашоренным умом.

Он нехотя натянул брюки, положил в карман пачку сигарет и, сдернув с вешалки рабочий бушлат, молча показал Федьке на дверь. Митяй снова залез под одеяло, ему надо было досмотреть прерванный сон, а что где-то там, в тайге, погибает товарищ, так есть люди, которые обязаны прийти на помощь, они за это деньги получают. В доме снова была тишина, даже мухи спали в этой паутине тишины.

\*\*\*

Николай Фомич проснулся среди ночи и лежал с закрытыми глазами, стараясь снова заснуть. До утра было ещё далеко. Думы, думы не дают заснуть старому следователю. Дело по убийству поварихи местной столовой, кажется, можно уже и закрывать, осталось взять показания ещё одного товарища, а там и домой, к семье пора. На стук в окно Николай Фомич сначала не откликнулся, подумал, что показалось, но повторный, настойчивый призыв о помощи – ведь иначе старый следователь подобные визиты не воспринимал – поднял его с постели. Натянув трико, Николай Фомич открыл дверь. С парами холодного воздуха в комнату вошли два молодых человека: одного из них, здоровяка с исколотыми до плеч руками, Николай Фомич пару дней назад допрашивал по делу поварихи, с другим не имел чести быть знакомым, но лицо парня он уже где-то видел.

– Доброе утро, гражданин начальник! – прохрипел здоровяк, – извините, что не даём спать.

– Скорее доброй ночи, – серьёзно отозвался следователь. – Что привело в столь неподходящий час?

– Вот, привёл к вам гражданина, который пропал несколько дней назад. Вы меня пытали про этого парня в нашу последнюю встречу.

– Фёдор Носов? – следователь вспомнил, что видел этого парня на фотографии из отдела кадров. – Так, так, значит, объявился пропащая душа?

– Вы сначала послушайте, что он рассказывает, ещё не так удивитесь.

– Меня трудно чем-либо удивить, особенно среди ночи, когда душа ещё должна спать. Ну, рассказывай, парень, где был, что видел?

– В восьми километрах отсюда, на горной речке Еловке, преступники незаконно добывают золото. Я последнее время жил и работал там. Меня обманом увёз туда наш геолог Матросов Аркадий, он у них вроде технического руководителя. Сами-то они в промысле профаны, они только кулаками работать мастера – вот и держат в своей артели человек восемь бывших зэков, некоторые из которых беглые. А два дня назад привезли поздно вечером нашего шофёра Костю в бессознательном состоянии. Я сам не видел, когда его привезли, слышал только разговор Ахмеда с Дикарём – это наши надсмотрщики, – а вчера я разговаривал с Костей через дверь. Он сидит в наручниках, и его сильно избивает жена хозяина по кличке Оса, тоже бывший зэк. Костя что-то знает об этой шайке, и его в любую минуту могут убрать.

Грек замычал, как от зубной боли, Николай Фомич подошёл к окну и долго смотрел в ночную непроглядь. Потом, достав из прикроватной тумбочки сотовый телефон, следователь набрал номер и вышел в соседнюю комнату.

\*\*\*

Сколько удалось поспать парням в ту ночь, да и удалось ли, неизвестно. Когда смолк грохот двигателей вертолёт, они уже бежали к месту приземления винтокрылой птицы.

А из чрева машины выпрыгивали молодые крепкие ребята в камуфляжной форме.

– Девять человек, не маловато ли будет? Ведь бандитов там десятка полтора, – в голосе Федьки звучала тревога.

– Зато какие ребята! Это тебе не менты, а настоящая армия, из которой ты дал деру, пацан, – авторитетно заявил Грек. – А насчёт числа, так мы же не фраера, поможем.

От вертолёт, навстречу появившемуся из правления Николаю Фомичу подошёл молодой капитан. Они пожали друг другу руки, о чём-то несколько минут поговорили, потом следователь районной прокуратуры взмахом руки предложил парням подойти к себе. Парней долго просить не надо, они бегом подбежали к Николаю Фомичу и вновь прибывшему капитану.

– Вот, товарищ капитан, тот самый герой, что принёс нам весть от Константина. Он работал на этого Осу, а здесь в тайге скрывается от призыва в армию, но это совсем другой разговор.

– Подходящая площадка для посадки вертолётa возле логова бандитов есть? – обратился к Федьке капитан.

– Наверное, нет, дом стоит в зарослях берёзы и ольхи, его можно разглядеть только с близкого расстояния. Да и по берегу речки заросли кустарника. Нет, вертолёт там, наверное, не сядет.

– Молодец! – неизвестно за что похвалил капитан Федьку. – Придётся добираться на машине, надеюсь, в хозяйстве есть подходящая?

– Вон идёт начальник партии, – указал следователь на спешащего к вертолёту Рощина Германа Васильевича. – Насчёт транспорта будем разбираться с ним.

– Здравствуйте, товарищи! – пожал руки представителям закона начальник партии. – По какому случаю шум ни свет ни заря?

– Срочно нужна машина, Герман Васильевич, – не отвечая на вопрос начальника партии, обращается следователь.

– У нас есть дежурка, но нам надо вывозить людей на точки.

– Придётся нарушить ваш график работ, – вмешивается капитан. – Мы забираем машину, и сколько она пробудет в нашем распоряжении, неизвестно.

– Надо так надо, – вздыхает Герман Васильевич. – У нас шофёр с этой машины исчез.

– Вот шофёра как раз мы и идём выручать. Похитили вашего шофёра нехорошие люди, могут и всю экспедицию похитить, если мы не поможем, – пошутил капитан. – А этот молодой человек что здесь делает? – обратил капитан внимание на стоящего возле Федьки Грека.

– Это друг Константина, парень горит желанием идти на выручку другу, – не без иронии заметил Николай Фомич.

– Не замечал я раньше у Утюжка таких разрисованных друзей, – удивлённо разглядывая татуировки на руках Грека, бормочет чуть слышно капитан Наумов. – Я бы сказал, что не положено гражданским вмешиваться в работу спецназа, но раз друг в опасности, мешать благородному порыву было бы бесчеловечно. Ладно, запомни, парень, одно: вперёд батьки в пекло не лезть, выполнять все приказы старших беспрекословно, перед арестованными руки не распускать.

– Я всё понял, гражданин начальник.

– Гражданином я тебе буду, когда ты придёшь ко мне в кабинет с руками за спиной, а пока давай разговаривать как товарищи.

– Понятно, товарищ капитан!

– Вот так-то лучше. Как звать тебя, товарищ?

– Алексей Греков, товарищ капитан!

– Знаменитая фамилия, такую фамилию надо носить с особой гордостью.

Наверное, давно позабыл прошедший огонь и воду парень из сибирской деревни Алёшка Греков, что такое краснеть от стыда, когда уши горят, и все вокруг видят, как тебе нестерпимо совестно. Но этот стран-

ный капитан уже отошёл от парней и что-то строго выговаривал молоденькому лейтенанту. Подошла машина, место водителя занял один из бойцов спецназа, прозвучала команда к посадке. Всё было спокойно, без спешки и суеты. Когда машина покидала посёлок, небо на востоке начало чуть светлеть, а в тайге всё ещё стояла чуткая, сонная ночная хмарь, тайга ещё продолжала спать.

\*\*\*

За окном глубокая ночь, а за стеной шум и гам ночного гульбища. Фальшиво, как нестройный мужской хор, плачет гармошка в чьих-то неумелых руках. Песню сопровождает грубый, грязный мат, женский визг, звон разбитого стекла и шум потасовки. Через десять минут пьяного побоища наступает тишина, слышен звон сдвигаемых стаканов, чьи-то неразборчивые выкрики, и вдруг словно вой одинокой волчицы: «Поедем, красотка, кататься, давно я тебя поджидал». Нет, это не песня – это стон, крик о помощи в равнодушную пустыню.

Костя узнал этот голос, совсем недавно он пел другую песню: «Ах-мед, Дикарь надеть на него наручники!» Эта песня ещё долго будет звучать в ушах Кости. Когда лежишь, не шевелясь, тело не напоминает болью о недавней экзекуции. Парень совсем не чувствовал голода, хотя «кормильцы», видно, забыли о нём, но вот жажда напоминала о себе. Пить хотелось нестерпимо, во рту было сухо, как в пустыне Сахаре, даже сплюнуть горечь нечем. Костя вспомнил последнюю вылазку на рыбалку, прохладу чудесной ночи на берегу Байкала, прозрачную чистоту волн, набегающих на прибрежную гальку. Постой, постой, парень, ведь последний раз ты рыбачил здесь, на речке Еловке или забыл, как прятался за машиной от чьих-то выстрелов. С памятью у парня всё было в порядке, не смогли выбить память, а тело заживёт. Как хорошо бы сейчас уснуть, ночью, видно, его тревожить уже не будут, а утро принесёт новые, не совсем приятные приключения, которые надо будет пережить достойно. Костя то проваливался в дремоту, то снова всплывал из небытия. Он пропустил тот момент, когда в доме наступила тишина. В очередное всплытие на зыбкую поверхность Костя не сразу понял, продолжение кошмарного сна перед ним или страшная реальность. Со свечой в руках (вероятно, в доме погас свет) закутанная в простыню перед ним стояла его недавняя истязательница. Глаза женщины – цвета самогонки, как глаза голодной собаки перед аппетитной косточкой. Костя не сразу понял, что от него надо этой бабе, во всяком случае хлыста в её руках не было – и это уже успокаивало.

– Не спишь, красавчик?



Костя не ответил на бесполезный вопрос, разве не видно, спит он или нет. Он всё ещё не мог сообразить, что надо этой сумасшедшей женщине.

– А я вот решила осчастливить тебя. Такой молодой, красивый парень погибает в этой вонючей комнатенке, а ведь в моих силах помочь тебе.

Простыня упала к её ногам, и бесстыдная нагота женщины обожгла своей неприкрытой, жалкой мерзостью. И всё же она была чертовски красива в этой вульгарной демонстрации своих прелестей. Красивые округлые плечи, руки, как два крыла какой-то хищной птицы, слегка обвислые небольшие грудки немного портят картину, но самую малость. Точёная талия плавно переливается в великолепные бедра, которые могут поспорить с холодной красотой Венеры. Костя хотел отвести глаза и не мог, какая-то колдовская сила не просто заставляла его смотреть, но и зажигала взгляд восхищением. Как великолепная актриса, женщина опустила на колени и вдруг протянула свои красивые руки к в конец обалдевшему парню. Руки, которые совсем недавно истязали его, тянулись с мольбой и надеждой на взаимность. Костя был почти готов протянуть свои скованные наручниками руки навстречу искусительнице.

Когда глаза их встретились – мутные, пьяные глаза мерзкой красавицы, как свист хлыста, погасили огонёк восхищения во взгляде полуистерзанного парня.

– Пошла прочь, грязная шлюха, – прошипел Костя и отвернулся к стене.

– Ах, шлюха!

Женщину какая-то сила сорвала с колен, она отскочила к противоположной стене, её мутные глаза вспыхнули пламенем безумной ненависти, если бы в её руках оказалась плеть, дни Кости были бы сочтены.

– Да, шлюха! А кто меня превратил в это чудовище? Такие кобели, как ты! Ненавижу и до конца дней своих буду ненавидеть вашу подлую породу! И я когда-то была чистой и невинной девчонкой, и у меня была мама, – крик женщины перешёл на истерический визг, – такие менты, как ты, увели маму, а меня сдали за ненадобностью в детский дом, где старшие воспитанники превратили меня в подстилку. Ненавижу!

Женщина схватила простыню, что валялась на грязном полу, и со слезами выскочила из комнаты. Закрыла ли она на засов дверь темницы, Костя не знал, не до того ему было. Истерика женщины потрясла отзывчивого на чужую беду парня. Слово и его вина была в этой исковерканной жизни. Совсем по-другому смотрел он на это несчастное чудовище, боль его истерзанного тела показалась такой ничтожной на фоне истерзанной судьбы. Костя понял, что до утра уже не заснуть, да и когда оно будет, это утро? В этом мешке без окон парень совсем потерял представление о времени. Сначала он лежал с открытыми глазами, перебарывая тот заряд эмоций, что оставила ему незнакомка. Потом закрыл

глаза и попытался заснуть, но тщетно. Сколько прошло времени, он не смог бы сказать, когда вдруг в доме захлопали двери, раздался топот сапог, и грубые мужские голоса нарушили сонную тишину дома. Сначала Костя подумал, что снова началась пьяная катавасия, но слабый лучик надежды всё же обжёг сознание: а вдруг Федька привёл долгожданную помощь. Тем временем в доме продолжался погром: падали какие-то предметы, скорее всего, лавки и табуреты, звенела битая посуда, но выстрелов не было слышно. Надежда Кости таяла, как ночной иней на ветках деревьев. Парень уже совсем отчаялся, когда дверь его узилища распахнулась и с факелом в руке в дверном проёме появилась фигура Грека, а за его широкими плечами маячила голова Федьки.

– Утюг, где ты там? – вглядываясь в темноту комнаты, закричал Грек.

– Ну, что ты застыл на пороге, заходи, не бойся!? – подталкивал его Федька.

– А вдруг он уже того, – прошептал с каким-то страхом Грек.

– Не дождётесь! – засмеялся Костя, и этот смех как бы подтолкнул парней, с криком они ввалились в комнату, освещая её пламенем факела.

– Живой, кореш, вот за это хвалю! – не смог сдержать крика Грек. – А ну выходи из этого гадюшника! На тебе браслетики? Смотри, Федька, как идут ему эти украшения, – нервно смеялся Грек.

В открытых дверях появилась ещё одна фигура, из-за волнения от встречи с парнями Костя не сразу заметил Андрея. А тот стоял и тепло улыбался, не мешая грубому излиянию чувств между парнями.

– Может, со мной изволите поздороваться, товарищ лейтенант? – не выдержал Андрей.

– Андрюшка! – попытался подняться Костя, но острая боль снова бросила его на пол. – Извини, друг, я немного не в порядке. Одна прекрасная дама вымещала на мне свои чувства к мужской половине разумного населения. Немного переусердствовала подруга, да ладно, я на неё не в обиде.

– Какой добросердечный у меня друг, а помнишь, как цыганок когда-то раскидывал, товарищ лейтенант?

– Кто лейтенант? Вы к кому обращаетесь, товарищ капитан? – в глазах Грека было тупое недоумение.

– Как к кому? Перед вами лейтенант милиции Утюгов Константин.

– Ну зачем ты, Андрей, наносишь парням такую травму? – смеялся Костя. – Помогите лучше мне выйти на свет Божий.

– Что, Утюг – мент? Вот это метаморфоза, вот это гол в мои ворота. Да не может этого быть, ведь он отличный парень, таких ментов не бывает.

– И тем не менее, прошу любить и жаловать.

– Ты убил меня, Утюг, я погорел, как последний фраер. Да если правильные пацаны узнают, что я спасал мента, мне руки никто не подаст.

– Я, капитан Наумов, подаю тебе руку. Поверь, в жизни есть более ценные вещи, чем ваш уголовный этикет. Есть мужская, настоящая дружба, и это очень хорошо, что на твоём пути встретился такой человек, как Утюжок. Он не предаст тебя в трудную минуту, на такого мента можно положиться. Бери его, ребята, под руки, помогите добраться до машины.

– Мы же машину оставили в полукилометре от этого дома.

– Я уже позвонил шофёру, Федя, сейчас машину подгонят.

Костю осторожно вывели на воздух, после отсидки в закрытом помещении дышалось особенно сладко. Под берёзой рядом с домом понуро сидели связанные по рукам бывшие обитатели дома. Своей знакомой среди задержанных, Костя не увидел.

– Андрей! – окликнул Костя отошедшего к кучке сотрудников капитана. – А почему я не вижу в этой уважаемой компании своей прекрасной подруги?

– Как это ни прискорбно, дорогой, мне только что доложили, что дама покончила жизнь самоубийством, причём перед тем, как набросить на шею петлю, она почему-то разделась догола.

– Действительно, прискорбно.

Радость освобождения вдруг покрылась лёгкой плесенью грусти, отчего эта грусть, Костя не знал. Ведь не могла же смерть его истязательницы больно тронуть сердце парня. И всё же тронула...

– Товарищ капитан! – к молодым людям подошёл следователь районной прокуратуры. – Мне кажется, что мы в спешке совсем забыли о существовании геолога Матросова, парня надо было арестовать ещё утром.

– Вы правы, Николай Фомич, скроется парень, если узнает о нашей операции. Это моё упущение, и надо же так облажаться!

Андрей нервно ходил между двух берёз, не зная, что предпринять. Да и что теперь предпримешь? Об операции на реке Еловке, конечно же, будет известно всему коллективу экспедиции, ведь они забрали в партии единственную машину.

– Вот что, Николай Фомич, забирай машину, двух парней и как можно быстрее в посёлок. Надо не упустить этого геолога, если уже не упустили.

– Может, мне взять наших добровольных помощников? – следователь кивнул в сторону Грека и Федьки. – А потом надо бы написать в военкомат об участии Фёдора Носова в операции по задержанию банды. Ведь могут привлечь парня за уклонение от армии. А парень неплохой, жаль будет, если вместо армии загремит под суд.

– Потом, Николай Фомич, всё потом, сейчас главное задержать Матросова. Да не забудь машину отправить за нами.

Костя с трудом встал на ноги, сделал несколько взмахов руками, прошёлся по поляне.

– Лейтенант Утюгов к службе готов, товарищ капитан, – улыбаясь, обратился парень к Андрею.

– Не завалишься где-нибудь за валежину?

– Никак нет, голова немного кружится, а ноги уже держат. Это я от безделья ослаб, а в работе забуду о своих болячках.

– Что ж, пошли, осмотрим дом, будешь писать протокол. Сержант Кравцов! – окликнул Андрей одного из бойцов. – Возьми двух понятых из бойцов своего взвода и веди хозяина дома за нами. Пора посмотреть, как жили господа старатели.

\*\*\*

Чего боялся капитан Наумов, то и произошло: в доме геолога Матросова следователь застал только заплаканную жену. На вопросы женщина не могла ничего ответить, где муж, она не знала. Полуразобранный мотоцикл геолога стоял возле дома, а это говорило о том, что далеко уйти Аркадий не мог. Но ведь он мог уйти в тайгу, мало ли куда со страха мог спрятаться парень. Следователь был в недоумении, где искать беглеца. Зашли в первый попавшийся дом. Спросили об Аркадии. Но никто его не видел. В окно Грек увидел начальника партии, Николая Фомича и распахнул створки окна.

– Герман Васильевич, может, вы скажете, где ваш подчинённый Аркадий Матросов?

– С полчаса назад мы с ним разговаривали возле крыльца конторы, а куда он ушёл, не могу знать, любезнейший.

Холодный тон начальника не обескуражил следователя, он хорошо понимал, что они сегодня поломали рабочий график предприятия. Но чем он мог помочь этому милому человеку?

<...> Начальник партии продолжил свой путь, а Николай Фомич сел на подвернувшийся табурет и задумался. А думать было о чём.

– А ведь я могу предположить, где скрывается Аркаша, – как бы разговаривая сам с собой, промямлил Федька и замолчал, будто сам испугался своей догадки.

– Ну-ка рожай, парень, раз заикнулся, – поднял голову Николай Фомич.

Некоторое время в комнате стояла тишина, казалось, Федька раздумывал, говорить или нет о своей догадке.

– Рядом с домом, где я квартирую, живёт одинокая старуха, я почти уверен, что Аркадий может прятаться там.

– У старухи? – в глазах следователя недоумение.

– Если я ошибаюсь, можете, меня расстрелять, а потом посмертно реабилитировать, но проверить бабку не мешает. Вы знаете, какая хитрая эта старуха, притворяется совсем немощной, а я подсмотрел, она бежит шибче любой молодухи.

– И на этом основании ты утверждаешь, что она может прятать преступника?

– Но что нам мешает проверить? – вмешался Грек, – я несколько раз видел, как к ней шастали какие-то не работающие у нас фраера. Не любовников же водит к себе бабка.

– Ну, парни, подведёте вы меня под монастырь, – почесал затылок следователь. – Ладно, ведите меня к этой бабке, но в дом к даме я пойду один. Придётся вам ждать меня снаружи.

\*\*\*

Бабка сидела на своём обычном месте, возле ворот, на лавочке. В такой ранний час старуха уже занималась рукоделием – вязала свой бесконечный носок. Несомненно, такое рвение к работе казалось подозрительным, и Николай Фомич не преминул отложить в голове соответствующую фишку. Старая не удивилась ранним гостям, только руки, поддевая петлю, слегка дрожали. Но у кого они в такие годы не дрожат? Подслеповато прищурив глаза, она осмотрела ранних пришельцев, кажется, она даже Федьку не узнавала или сделала вид, что не знает.

– Доброе утро, гражданка! – вежливо поздоровался Николай Фомич.

– Какая я вам гражданка? Меня зовут Агафья Фоминична, – с достоинством ответила старая женщина, а в глазах её сверкали искорки ненависти, которые трудно притушить.

– Скажите, вы одна проживаете в доме? – Следователь не знал, как подступиться к главному, ведь у него не было ордера на обыск

– Да, уже очень давно я живу одна, муж и сыновья не вернулись с фронта.

– Сочувствую, но у меня есть сведения, что некий молодой человек скрывается в вашем доме от закона.

– Клевета! Я не в том возрасте, чтобы прятать у себя молодых людей.

Как ни в чём не бывало старая продолжала петля за петлей наращивать свой носок. Казалось, ничто не сдвинет её с места.

– Я следователь районной прокуратуры, и прошу вас пройти с нами в дом для досмотра помещения.

– Может, у вас и документ есть, позволяющий беспокоить старую женщину – вдову и мать погибших фронтовиков?

– Я не собираюсь делать у вас обыск, поэтому никакого ордера не требуется, хочу лишь убедиться, что вы не прячете у себя преступника, я обязан. Я это сделаю, несмотря на ваши возражения, пройдёмте, Агафья Фоминична.

Старуха была в замешательстве, и поведение старой женщины все больше убеждало следователя, что они на правильном пути. Нехотя

бабка поднялась с лавочки, сделала несколько шагов к калитке и вдруг, схватившись за сердце, медленно осела на землю возле ворот. Николай Фомич и Федька подхватили бабульку и постарались усадить её обратно на лавочку, следовательно решил послать Грека за водой, но парня уже и след простыл. Николай Фомич повернулся к Федьке.

– Бегом, Фёдор, в соседний дом за водой, да, может, у мужиков есть что-нибудь от сердца, хотя едва ли.

Федька уже бросился к дому, где сам квартировал, но из-за угла появился Грек, он пинками гнал перед собой жалкого, измазанного в грязи и с приличным синяком под глазом Аркадия.

– Бросайте свою старуху, – улыбнулся парень, – она комедию перед вами разыгрывала, чтобы этот фраер успел скрыться. Я сразу это понял и бросился за огороды, там самая ближайшая дорожка к лесу.

– Ну, здравствуй, красавчик, значит, в лес думал удрать? – следовательно с любопытством рассматривал задержанного.

– Раньше надо было ноги делать, – сочувственно советовал Федька.

– Что ж ты его не связал, хотя бы его же галстуком? – смеялся Николай Фомич. – Вдруг сбежит, парень-то, видно, шустрый.

– Мы тоже не пальцем деланы! – Грек был не на шутку взволнован. – Нравится мне такая работа – жмуриков ловить. А меня могут взять в ментовку, Николай Фомич?

– Наверяд ли, ведь у тебя, вероятно, имеется судимость?

– И не одна! – не может скрыть гордости Грек. – Разной мы закваски, гражданин начальник, но что-то вы перепахали во мне, как будто позвоночник переломали. Особенно Утюг постарался. Такой парень и вдруг мент! <...>

## БАЙКА-БЫЛЬ

Осень. На слиянии рек Лены и Чуи в пойме стоит деревушка Усть-Чуя, по обе стороны рек высятся лесистые холмы и горы, покрытые снегом. Вдоль берегов рыбаки – взрослые жители и ребяташки – ставят уды и сети, добывая налимов, ленков, хайрюзов, ельца. По ночам уже стало примораживать, а днём всё ещё становится теплее, и ребяташки после школы весёлой гурьбой бегут проверять свои снасти.

К седьмому ноября охотники-любители начинают возвращаться домой, насторожив капканы, кулёмки и другие ловушки. Так как выпало много снега и с собаками сложно добывать соболя и белку, промысловики выхо-



дят к Новому году, несколько раз проверив ловушки. Они возвращаются с отросшими бородами и усами, в суконных куртках и обрезанных шинелях, на ногах – чирки или ичиги, на камусовых лыжах или голицах. Кто-то из них может тащить маленькую нарту, на которой гораздо удобнее вывозить из тайги добытое. Их всегда сопровождают верные друзья – собаки-лайки. Охотники стараются приходить к вечеру, чтобы как можно меньше их видел народ: боятся сглаза...

Идя по лесной дороге, не видя деревни, мужики уже чуют приближение жилья. Ноздри их щекочет еле «слышный» запах дыма, мерещится далёкий лай собак... И сил прибавляется, на душе становится радостнее и теплее. Когда они проходят по деревне, их встречают лаем деревенские собаки. А лайки с гордо поднятой головой, чуть оскалив зубы, полные особого собачьего достоинства, проходят мимо них презрительно, чувствуя поддержку хозяина.

Но именно дворовые собаки, подобно сторожевому колокольчику, первые извещали хозяйку о приближении охотника-кормилица. Она быстро затапливала баньку и начинала гоношиться на кухне.

Вечереет. Становится прохладно. Охотник, подойдя к дому, голиком охлопывает себя. Снимает тяжёлые поняшки и заносит их в избу. Он степенно здоровается с домочадцами. Ребятишки с шумом окружают отца. Они с нетерпением ждут, когда он достанет подарки от лесовичка: серу, кедровые шишки, рябчиков, белочек.

Хозяин сдержанно чмокает в щёчку хозяйку – Анну и начинает неспешно вытаскивать из своего дорожного мешка гостинцы. Анна уже покупала баньку, приготовила свежее бельё и отправила мужиков помыться.

Отдохнувши с дороги в баньке, раскрасневшийся хозяин садится поужинать. Сначала выпивает водочки за удачный сезон, за хозяйку и за всё хорошее. Узнаёт деревенские новости. Рассказывают про себя. Ребятишки, разинув рты, слушают его с восхищением, и только за полночь и дети, и взрослые, уgomонившись, ложатся спать.

И вот наступает утро. Деревня просыпается. На восходе солнца становится холоднее. Затопились печи. Дым сначала тонкой струйкой идёт по небу, а потом расстилается тонким покрывалом над всей деревней. В хлевах мычат коровы, требуя еды и дойки. Ребятишки собираются в школу. Мужики, позавтракав, укладывают пушнину в брезентовый мешок и, скучковавшись по двое и трое, идут в контору коопзверпрохоза, которая стоит на пригорке в центре деревушки. Она рублена из сосновых брёвен, с небольшими зарешеченными окнами. У конторы имеется веранда с кладовыми. В огороде построены склады и большой ледник-подвал, где хранятся рыба и мясо в бочонках.

В самой конторе – просторная прихожая, вдоль неё стоят лавки и стол. За ним сидят охотники и ждут своей очереди сдавать пушнину. Они так накурили, что табачный дым стоит столбом, «хоть топор вешай», поэтому приходится то и дело открывать дверь – проветривать. Они шумно разговаривают, незлобно шутят друг над дружкой, обсуждают охоту, делятся интересными случаями своей отшельнической жизни.

На стенах висят плакаты и таблицы с наглядной агитацией. В следующей, гораздо лучше освещённой комнате охотовед принимает пушнину, внимательно и деловито осматривая шкурки, выявляя дефекты и записывая данные о них в канцелярскую книгу. Потом связывает их, прикрепляет к «вязанке» бирку и относит на склад. Подведя итог в ведомости, выдаёт аванс за сданную пушнину. Охотники, довольные, «бегут» домой, покупая по дороге в сельпо водки, чтобы проставиться и обмыться с друзьями прошедший охотничий сезон, свой охотничий фарт...



Два шурина, Ренька и Алексей, встретились в конторе. Дождавшись своей очереди, богато сдали пушнину, обмыли улов с друзьями и пошли домой уже немного захмелевшие.

Зайдя по дороге в магазин, купили несколько бутылок водки, закуски, ребятишкам конфеты и пряники, потом двинулись в направлении к Ренькиному дому. У калитки их радостным лаем встретили собаки. Ренька на них незлобно прикрикнул, и они успокоились, завиляли хвостами, ласкаясь к хозяину. Мужики, хлопав чирки от снега, зашли в сени. Дома их встретили радостно ребятишки и Анна, дородная статная женщина в цветастом платье, прикрытом нарядным фартуком с карманами. На голове у хозяйки был повязан платок, прикрывавший густые тёмные волосы. Карие глаза Анны радостно сияли.

Ренька отдал ей продукты, водку и аванс. Анна унесла всё на кухню, где уже на плите томились кастрюли, от которых аппетитно пахло чем-то вкусным. Помимо печки на небольшой кухне расположился стол, шкафчики с посудой, бочка с водой и умывальник. Прихожая же, видимо, выполняла и роль столовой: в ней рядом стояли шифоньер и большой обеденный стол. На стене висели две рамки с фотографиями родных и натюрмортом под стеклом. За заборкой были ещё две комнаты. Одна для Реньки и Анны и одновременно детская. В ней стояли две кровати и стол для письма. Другая комната, по всему видно, – зала. В ней стоял сервант, в углу – этажерка с книгами, наверху которой «восседала» шкатулка, в ней, очевидно, хранились наиболее ценные вещи. У стены – двуспальная кровать, а у печи, которая была центром всего дома, притулился большой кованый сундук. Посредине залы под лампочкой – круглый стол. На подоконниках красовались цветы: алоэ, герань и базилик. И снова на стене, в таких же рамках, как и в прихожке-столовой, фотографии родных и близких.

Анна быстро поставила на стол кастрюли с сохатиной, налила похлёбку в чашки, нарезала «хозяйскими кучками» сало и хлеб. Ренька сбегал в погреб, принёс мерзлую сохатиную печень.

Далее начали происходить ритуальные, «святые» действия, которые из года в год повторялись во многих поселковых семьях, когда после окончания охотничьего сезона добытки возвращались в семьи...

Мужики сели за стол и расчали первую бутылку. Ренька разлил водку по рюмкам, пригласил Анну их поддержать. Она только пригубила «за компанию» и пошла на кухню кормить ребятишек. Так уж принято: когда родители с гостями гуляют, то детей за столом не должно быть. Вторую рюмку выпили за охотничий фарт. А после третьей, как это водится, разговор пошёл веселее.

– Ну, что, Лёха, как сезон? – начал хозяин дома, хитро прищурившись, неспешно пережёвывая нарезанную пластиками печень солью и перцем.

Ренька, с двенадцати лет привыкший к охоте, тёмной масти, волосы зачёсаны назад, уши маленькие, глаза карие, лоб высокий, в руках чувствуется сила, жилистый. А Лёха – светлее, сухопарый, редкие светлые волосы, нос длинный, глаза светлые, говорит слегка нараспев.:

– Да так себе: 18 соболей да белок штук 350... А вы как сходили? – нарочито небрежно, как растянувшая на солнцепёке сомлевшая лайка, ответил вроде бы мимоходом Лёха.

– У нас получше: 23 соболя, ходового было много, да белок 400 штук наколотили. Ты-то нынче с мясом или как? – спросил Ренька у Алексея, скосив плутовато глаза в сторону, словно боясь, что тот будет уточнять детали их промысла.

– Трёх сохачей завалили, двух на речку выгнали, а одного на ма-рях... Пришлось залабазить, теперь надо на лошадях вывозить. А вы как? Ведь у вас угодья-то хорошие, сохатый и олень-то водятся... – неспешно отвечает Алексей, слегка лениво потягиваясь, выгибая и распрямляя спину, вроде как расправляя плечи, но внимательно наблюдая исподлобья за реакцией Реньки.

Выпили ещё. Ренька снова сходил за мясом, чтобы подрезать строганины.

– Да участок-то нормальный... – уплетая строганину, продолжил Ренька. – Сохача большого завалили, двух излюбрей. Так что мы с мясом. Да добыли ещё медведицу с пестуном, в берлоге... – раздухарялся подзадорённый Алексеем охотник,

– Да, Ренька, вы молодцы, но у меня собаки Загря и Байкал зверовые получше твоих! – запальчиво отпарировал Лёха, заводясь оттого, что, со слов Реньки, добыл меньше зверя. – Мои собаки две берлоги обнаружили. Я тесик сделал, вот скоро идём добывать. А ты с нами пойдёшь?

Мужики, допив бутылку, решили перекурить.

Ренька, стремясь удивить Алексея, принёс большого жирного тайменя, расколотил обухом топора рыбу, и получилась знатная расколodka, которую, как положено, щедро заправили перцем и солью.

Ренька немного погодя дал согласие добывать медведей. Разлил водку по стопарям, и разговор свернул в другое русло... Мужики начали обсуждать рыбалку. В этот раз инициатором был Лёха, так как чувствовал, что заврался, и надо было сменить тему.

– А как вы порыбачили, Ренька?

Ренька спокойно ответил Алексею:

– Да мы с сыном заездок поставили на Малой и добыли ленка и хайрюза, килограмм 700.

Услышав эту новость, Лёха парировал:

– Но у нас рыба рано скатилась с речек, и пришлось брать плавежом, да поставным полтонны хорошей рыбы: ленка, жигалет и хайрюза. Да сорной рыбы: щук, ельца, нельмы, налима и ельца – килограмм 300...

– А мы в Сиговой яме взяли четыре бочонка сигов, а за Большим островом – три бочонка валька да пуд тайменя! – срывался Ренька, явно задираясь перед Лёхой. Слова его звучали для Лёхи, как жалиющие укусы маленького, но проворного острозубого зверька.

– А мы... мы... мы три бочонка тайменя засолили! – теперь уже не удержался Лёха, нервно передвигая на столе оставшуюся закуску и суча ногами под столом, как кобель хвостом в предчувствии лакомства от хозяина.

Азартно выпили ещё по одной. То ли от выпитого, то ли от разгорячённого разговора у мужиков всё больше и больше распаялось воображение. Теперь уже хвастались всем, чего у них было лучше и больше, даже тем, у кого дети сильнее и умнее.

Так сгоряча они допили вторую и зачали третью бутылку водки. После третьей выпитой бутылки по «расписанию» была борьба. Сначала они поборолись на руках. Потом потянулись на пальцах, потом, то ли в шутку, то ли всерьёз, на кулаках. Выпустив воинственный пар, успокоились и продолжили разговор уже о том, у кого сетей больше...

Алексей заявил, что у него их много, все капроновые, аж во всю стенку!

Это была последняя капля, которая переполнила чашу терпения: у Реньки было поменьше сетей, поэтому он ответил Лёхе с запалом:

– А у меня, у меня... телевизор большой, аж во всю стенку! Сын купил!

Алексей остекленевшим взглядом уставился Реньку, махнул рукой и сказал коротко:

– Домой! Всё...

Потом мотнул худой головой, засопел и стал сосредоточенно собираться домой.

Вечерело. Ребятишки помогли матери управиться по хозяйству: напоили коров, дали сена, натаскали дров, сделали школьные домашние задания и отпросились побегать по улице с друзьями.

А на кухне Анна, добродушно посмеиваясь над мужиками-хвастунами, уже готовила ужин. Проводив Алексея, который шёл покачиваясь, до калитки, попросила ребятишек проводить гостя до дома. А сама пошла укладывать своего добытчика на кровать, чтобы позже, утром, рассказать ему на «свежую голову» про его фокусы и фантазии.

Над деревней стоял дым. Похолодало. Красное солнце уже скрылось за хребтом, освещая последними лучами верхушки деревьев, отражаясь красным отблеском в окошках деревенских домов. Значит, наступает первый мороз.

На улице ребяташки весело играли в прятки и катались с угора на санках, купали друг друга в снегу, радуясь приходу зимы. День заканчивался. Все расходились по домам, за ужином обсуждали прошедший день и строили планы на будущее. В окнах домов постепенно потухал свет, люди ложились спать. Наступило время рождения снов и грёз.

• *Портретная зарисовка*

## НЕПОКАЗУШНАЯ КРАСОТА

Человек – это жилище души. Он как живой дом, в котором всё приспособлено для того, чтобы для души он не стал темницей. Но и чтобы сквозняки не гуляли, и не топтали пол своими грязными сапогами незваные гости, которые не способны уважать традиции и обычаи домочадцев. Когда смотришь на Владимира Дмитриевича Крестьянникова, невольно представляется дом, который стоит на высоком берегу Лены. Крепкий, коренастый, приземистый и ладно срубленный из лиственничных брёвен «в чашу». Крыша покрыта сосновым драньём. Она, подобно его голове, слегка прикрытой остатками кудрей, – светится и продувается ветрами... Но не пропускает ни дождя, ни снега и способна выдержать полуметровый снег, который, как тяжкий груз прожитых лет, долгими зимними вечерами и ночами испытывает на прочность человеческое строение.



Среди этой простоты и основательности по-особенному смотрятся глазницы окон. Они небольшие, но с переплётами, которые напоминают густые брови хозяина. По обе стороны – резные наличники и ставни. Их живые линии издали можно принять за морщины, которые, как будто песчаные дюны, белыми волнами расходятся по древесному лицу бревенчатых стен. И среди этих «волн» в радостный для души день лукаво сверкают на солнце стёкла глаз-окон. И всё это вместе, как ни странно,

Родные берега

характеризует хозяина жилища как человека зажиточного, крепкого и крутого нрава, который знает себе и дому своему настоящую цену. Цену неброской, непоказной, не для всех, но – красоты... Её дополняют сени с резным крыльцом; широкие и высокие ворота, на которых врезан отдельный вход в виде двери, украшенной самодельно коваными засовом и ручками.

Да! Для некоторых этот дом может показаться чересчур угрюмым, одиноким и закрытым от мира. К тому же он опоясан глухим забором «двухметрового роста». Возможно, хозяин его соорудил от чужого похотливого и бессердечного сглаза или от лихих во всех смыслах людей...

Поэтому мало кто знает, что в ограде возле крыльца, на солнечной стороне, стоит скамья. На ней в былые времена собиралась вся семья послушать байки дедушки и бабушки о стародавних временах. Дети, разинув рот от восторга, слушали рассказы стариков об их отзвеневшей юности, представляя себя на их месте. Среди них был и сегодняшний хозяин дома, который, когда угасал вечер и наступала ночь, мчался с другими молодыми на вечерку, где теперь уже танцевала и пела по угору реки у костра до самого утра новая молодая сибирская поросль. Там, под звёздным таёжным небом, под шелест ленских волн и треск веток в костре рождались новые байки, которыми полон теперь дом Владимира Дмитриевича. Он ими щедро делится со всеми, кто готов прийти на огонёк его души, мерцающей в тёплых глазах, видящих сквозь стены времени нечто такое, что от большинства из нас ускользает в суете буден и напрасно, очень напрасно забывается...



## СКАЗКИ

### Поход за сказками

*В лес за сказками пошла,  
Там Лесовичка нашла –  
Сказок – полон кузовок –  
Выбирай себе, дружок!  
Про лису и про волчонка,  
Про медведя и зайчонка,  
Про деревья и кусты  
И про пчёл, и про цветы!  
Много сказок – выбирай,  
Только не ленись – читай!  
Вот спасибо, старичок,  
Старичок-лесовичок!  
Старичку я поклонилась –  
И домой я возвратилась.*

## ЛЕСНАЯ СКАЗКА

В одном сказочном лесу все звери жили дружно, никто никого не обижал, все помогали друг к другу. Зайчата играли с волчатами, львята с бельчатами, лисята с мышатами... Птицы тоже дружили между собой. Всем было хорошо и уютно в этом лесу.

Но однажды из старой сказки к ним залетела Баба-яга в своей ступе, ей не понравилось, что всем хорошо и весело живётся в волшебном лесу, что нет там ни злобы, ни зависти, и никто никого не обижает.

Задумала старая пригласить в этот лес своих друзей: Кощея Бесмертного, Дракона и Кикимору, чтобы навести свои порядки.

Никто из обитателей леса не обратил внимания на старушку в ступе. Все звери и птицы продолжали жить и веселиться, и обедать за общим столом.

Енот стирал всем одежду, медведь ходил за дровами, волк смотрел за хозяйством, а сорока варила кашу и всех кормила, только лиса ничего не хотела делать – боялась замарать свою красивую шубку.

Вдруг над лесом раздался гром и треск, вокруг стало темно, небо затянулось тёмными тучами – это в лес возвратилась Баба-яга со своими друзьями. Баба-яга отправила своего кота Баюна на разведку – посмотреть, чем занимаются обитатели волшебного леса. Но там было всё по-прежнему: взрослые – занимались хозяйством, малыши – резвились и играли, они даже пригласили к себе котика, но хитрому Баюну только этого и надо было, чтобы всё получше рассмотреть.

До самого вечера пробыл Баюн в лесу, и только к ночи он возвратился к своей хозяйке и рассказал ей, как весело он провёл день. Ещё больше разозлилась Баба-яга и отправила Дракона, чтобы тот поджёг сказочный лес.

Дракон закурил сигарету и бросил окурок прямо на сухую траву, потом развёл костёр, который не собирался гасить. Сухая трава загорелась, а от неё загорелись деревья и кусты... Все лесные жители от мала до велика принялись тушить свой лес, но Кощей с Ягой и Драконом мешали им.

Тогда на помощь лесным жителям поспешила добрая фея Флора. Она размахнула своей волшебной палочкой – и огонь погас, второй размахнула она своей палочкой – и погасила злобу и зависть в сердцах Кощея и Бабы-яги, а Дракон превратился в маленькую шустрюю ящерицу, которая быстро уползла под корягу, Кикимора спряталась в болоте... Третий размахнула она своей палочкой – всё в лесу стало, как прежде, а кот Баюн стал очень добрым котиком и подружился со всеми обитателями леса.

Улетая, фея сказала: «Живите дружно, берегите свой лес, никому не давайте свой дом в обиду, но всех угощайте лесными дарами и всем показывайте дорогу к дому».

## СКАЗКА О ЮНОМ ХУДОЖНИКЕ

В одном из городов жил маленький мальчик Андрюша, который очень любил рисовать. Он рисовал всюду – в альбомах, на книгах, на полу, на асфальте, на обоях и даже на постельном белье и на праздничной скатерти. Андрюша рисовал всем, что могло рисовать – карандашами и фломастерами, ручкой и красками, угольком и кирпичиком...

А поскольку Андрей был ещё маленьким – его рисунки получались не очень удачными. Мама часто ругала сынишку, говорила, что нельзя рисовать где попало. Андрюша соглашался с мамой, но через день забывал и снова всюду рисовал.

Когда мама сделала в квартире очередной ремонт, она купила сыну много-много альбомов и раскрасок, чтобы тот рисовал только там. Андрей очень обрадовался и целую неделю рисовал в альбомах, но это скоро надоело мальчику, и он быстренько изрисовал все обои в своей комнате, да ещё сделал рисунки на своей одежде.

Увидев такое, мама ахнула и даже заплакала, и забрала у сына краски и кисточки. Наш юный художник только вначале огорчился, а потом пошёл на улицу, нашёл обломок кирпича, пришёл домой и стал рисовать солнышко прямо на полу...

Мама не знала, что делать. И тут на помощь ей пришёл добрый волшебник Спектр. Он пригласил юного художника с собой в поход. И мама решила отпустить своего сынишку с волшебником. Она собрала сыну в дорогу рюкзачок и попросила волшебника последить за мальчиком, чтобы Андрюша вовремя кушал и не простудился в дороге, ведь он ещё маленький...

Волшебник Спектр отвечал за все цвета на свете и за тем, чтобы всё было красиво в этом мире.

Спектр взял Андрея за руку, и они вышли на улицу. Там волшебник позвал свою дочку Радугу, которая опустилась прямо к ногам путешественников.

– Ну, Андрюша, ступай на радугу и ничего не бойся, – сказал волшебник.

Прямо по радуге, как через мост, они перешли в один из волшебных городов, где не было никаких красок, кроме белой и черной. Город казался мрачным и грустным. Даже не было солнышка в небе, на земле не было травы, не росли цветы, не было птиц...

Андрюша открыл свой рюкзачок, чтобы достать цветные карандаши, но все карандаши стали чёрными. Андрей очень огорчился и хотел

*Л. Зимина. Сказки*



заплакать, но Спектр объяснил мальчику, что в этом городе все дети рисовали, где попало, не слушались своих родителей – вот краски обиделись и ушли из города, оставив только чёрные и белые цвета.

– Неужели нельзя попросить краски вернуться? – спросил Андрюша.

– Нет, город заколдовала злая колдунья Сажа, и краски не смогут вернуться в город, пока не найдётся добрый мальчик, готовый помочь жителям чёрно-белого города. Но при этом есть одно условие: рисовать только там, где это надо, и не тратить лишние краски по пустякам... – ответил Спектр.

– А как это, тратить краски по пустякам? – спросил Андрюша

Тогда волшебник объяснил, что если травка летом зелёная, то её надо раскрасить зелёным карандашом, если небо голубое – то голубым, а там, где уже постарались другие художники, – ничего трогать нельзя! И нельзя рисовать где попало.

– И даже на обоях? – спросил юный художник.

– Нигде! – строго сказал Спектр, – ведь краски могут обидеться и уйти из твоего города.

Андрей заплакал и сказал, что хочет домой к маме.

– А ты разве не хочешь помочь жителям чёрно-белого города раскрасить их дома и улицы, вернуть в город краски и выгнать злую колдунью Сажу? – спросил Спектр.

– Конечно, хочу! Но я маленький и ничего не умею, – ответил Андрюша и перестал плакать.

Путешественники позвали Радугу и по ней перешли в лес, где пели птицы, росли красивые цветы, светило яркое солнышко и текли прозрачные ручейки.

Волшебник дал Андрею волшебное лукошко и велел сложить в него те краски, которые могут понадобиться в заколдованном городе, не брать при этом чёрных и белых красок, ведь их там достаточно...

– А где же мне взять такие краски? – спросил Андрюша.

– Ты возьми свои карандаши из рюкзака и прикоснись ими ко всему тому, что может тебе понадобиться в заколдованном городе, а моя дочка Радуга поможет тебе.

Андрей подумал и сказал, что в первую очередь он взял бы с собой солнышко, небо, речку, дождик и радугу. Может быть, дома там просто грязные, и их надо помыть, ведь когда краски обиделись и ушли, дети продолжали всюду рисовать чёрными красками и сажой, а если дождик их помоеет, а солнышко заглянет в окошки, Радуга поможет вернуть все цвета – будет снова красота!

Ещё надо взять с собой соловья, бабочек и других лесных жителей, чтобы с ними вернулись радость и счастье. Надо взять дождик, чтоб он полил Землю, чтоб зазеленела, чтоб снова и выросли в городе очень

красивые цветочки. Чтоб в город снова жизнь пришла, а Сажа в печку чтоб ушла...

– Ты молодец! - удивился Спектр. – Пойдём скорее расколдовывать город!

Вернувшись в чёрно-белый город, Андрей достал из лукошка лучик солнышка – и всем стало тепло. Когда он достал кусочек неба, по нему поплыли белые облака, но Сажа не хотела уходить восвояси и покрасила облака в чёрный цвет, на небе появились чёрные грозные тучи. Тут Андрюша выпустил из лукошка дождик – он прогнал грозные тучи. Дождик помыл все дома, полил землю, и тут появилась Радуга, всё вокруг зацвело, запели птицы, запорхали бабочки...

В город вернулись краски. А злая Сажа спряталась в печку и стала там жить.

Из домов выбегали люди, они обнимали и целовали своего спасителя. Все дети этого города пообещали, что будут рисовать только там, где им разрешат, и будут слушаться своих родителей.

Тогда Андрюша достал из лукошка свои карандаши и раздал их детям расколдованного города.

Андрюша пообещал Спектру, что тоже не будет рисовать где попало, будет слушаться маму, и они счастливые вернулись домой.

А когда Андрей вырос, то он стал художником, а Радуга часто ещё заглядывала в гости к своему доброму другу и помогала подбирать цвета для новых картин.

## **НАДО ДЕДУШЕК ЛЮБИТЬ, КАК БЕЗ БАБУШЕК НАМ ЖИТЬ?**

Хотите – верьте, хотите – нет, но дело было так...

На одной планете дети не слушались своих бабушек и дедушек. Когда родители уходили на работу, они оставляли своих детей с бабушками и дедушками. Бабушки и дедушки очень любили своих внуков и внучек и старались им угодить, повкуснее их накормить, вовремя спать уложить, почитать стихи им, сказки, встретить из школы, проверить уроки, сводить на кружки и в спортивные секции, но детям совсем не нравилась такая опека и забота.

Дети начинали вредничать и капризничать, и если они выходили гулять, то убегали от бабушек, бродили по лужам, залазили в грязь и выбегали на проезжую часть. Когда приходили домой, не хотели мыть руки, когда садились за стол – привередничали и не хотели кушать то, что им приготовили бабушки, спать днём они тоже не хотели. Дети не хотели ни писать, ни читать – им надо было только прыгать, бегать, играть да сидеть за компьютером. Не могли сладить со своими внучата

ми старенькие бабушки и дедушки. К вечеру дети упрашивали бабушек и дедушек не рассказывать родителям о том, как они вели себя днём.

Однажды на эту планету прилетел доктор Непослушайкин, и, увидев, как дети вели себя, он пожалел дедушек и бабушек. Доктор взмахнул своей шляпой, и все бабушки и дедушки с этой планеты исчезли.

Дети остались одни. Как же ребята вначале обрадовались своей самостоятельности. С этого времени, когда родители уходили на работу, дети оставались дома одни и делали всё, что хотели. Без присмотра взрослых они целыми днями носились по улице, даже не вспомнив, что надо делать уроки. Некоторые, очень шустрые дети были невнимательными и попадали в дорожно-транспортные происшествия. Многие из детей, когда прибежали домой, даже не помыв руки, бежали к холодильнику, чтобы перекусить, а потом садились играть в компьютер или смотреть телевизор.

Вечером возвращались с работы родители и, вместо того, чтобы отдохнуть, шли на кухню готовить ужин, стирали, гладили – им даже некогда было проверить, как их дочки и сыночки сделали домашние задания, как приготовились к школе. Родители маленьких детей, ещё не ходивших в детский садик, вынуждены были взять отпуска по уходу за малышами. Время бежало быстро, и после ужина надо было ложиться спать, чтобы завтра рано встать и пойти на работу. Дети шли в школу с неподготовленными уроками и, конечно, стали хуже учиться.

Между тем дедушки и бабушки, оказавшись в шляпе, попали на огромный красивый остров с пальмами и кипарисами около моря. На острове были все удобства, у каждого старичка и старушки была своя комната. Стоило им о чём-то подумать, чего-то пожелать – всё у них появлялось, как по щучьему велению. Пожилых людей опекали, за ними ухаживали, им предлагались развлекательные программы, их водили в походы и в театры, показывали фильмы на любой вкус. Всё у них было хорошо, но в глазах у них всё равно была грустинка – они соскучились по своим семьям, по своим озорникам-внучатам, по своим дочкам и сыночкам.

А тем временем, дома очень не хватало бабушек и дедушек. Ребятам стало очень стыдно за своё поведение, и они решили пойти на поиски бабушек и дедушек, чтобы попросить у них прощения и уговорить их вернуться домой.

В самом начале они подняли все справочники и географические карты, все записные книжки, перезвонили всем родственникам и знакомым, но нигде не могли найти своих бабушек и дедушек. Многие искали их по Интернету и через Интерпол, но и их поиски ни к чему не привели. Вдруг маленькая Ирочка вспомнила про доктора Непослушайкина, после появления которого исчезли все старики, и ребята отправились на поиски загадочного доктора. Они побывали в каждом уголке Земли, прошли, проехали, пролетели тысячи километров, пока не попали в далёкую

Родные берега

загадочную страну, где жил доктор Непослушайкин. Дети стали умолять доктора вернуть им бабушек и дедушек, но доктор сказал:

– Я даю вам время подумать о своём поведении, и если вы дадите мне честное слово, что не будете капризничать, будете слушаться и помогать своим бабушкам и дедушкам, будете уделять им больше внимания, никогда не будете им грубить и докажете свою любовь к ним делами – то я верну их домой.

В течение месяца дети старались вести себя хорошо. Они, приходя из школы, самостоятельно делали уроки, наводили порядок дома, читали много книжек и во всём помогали своим родителям и младшим сестрёнкам и братишкам. Они так старались, что доктор Непослушайкин раньше времени приподнял свою шляпу – и старики, загоревшие и отдохнувшие, оказались у себя дома.

Как же все были рады их возвращению! В честь них в городе организовали грандиозный праздник с салютами и фейерверками, угощениями и праздничным концертом, устроенным детьми. Бабушки и дедушки даже заплакали от такого внимания родственников. На этом празднике все поклялись доктору Непослушайкину, что никогда-никогда в жизни не обидят стариков и друг друга, что всегда будут помогать друг другу во всём-всём-всём...

**Наталья Растошинская**

**Лирические миниатюры**

**КАК СЛОВО ПОМОГЛО**

*Счастье – рядом, стоит лишь  
дать  
Себе труд осознать это...*

Моё филологическое счастье началось в 6-м классе обычной средней иркутской школы. Оно ворвалось в класс в образе Тамары Семёновны – учителя русского языка и литературы. Мне не надо настраиваться, чтобы вспомнить, представить её обожаемый образ – стремительная, румяная, с сочными губами, она именно врывается в двери класса, и начиналось чудо познания родного языка в игровой форме. Мы наперебой, по её команде, сыпали синонимами, антонимами, цитатами, рифмами, сравнениями и т. д. В работу вовлекался весь класс, и школьный звонок, прерывавший уроки любимого Педагога, воспринимался как досадная помеха. На тот период Тамаре Семёновне было примерно лет 45, и её энергетика была так сильна, она была таким совершенным воплощением наших представлений о красоте, что в период наивысшего духовного подъёма на уроке мы могли бы выполнить любой её приказ!

В дальнейшем, любясь радугой или умытым ливнем листом, с сияющей каплей на конце, я ощущала такую же радость, эйфорию от созерцания нерукотворной красоты. Пришло понимание о прекрасном не только в слове, в образе, но и в окружающем мире. Через несколько лет я оказалась в Дагестане, где в советское время было много образованных русских людей. Один из них предоставил мне, старшекласснице, возможность пользоваться его личной библиотекой с изданиями произведений мировой литературы. Надо ли говорить, каким счастьем



было это событие! Крепли сформированная Учителем любовь к родному слову, уважение к человеку-творцу.

Учёба в университете оказалась тоже счастьем, и моя профессиональная жизнь правоведа была связана с письменным и устным словом. Когда доводилось внимать ораторам, великолепно владеющим речью – ощущала знакомое чувство восторга, что охватывало когда-то при общении с моим первым филологом.

Ну, а как же слово помогло в личной жизни, при общении с близкими и любимыми? Полагаю, это риторический вопрос. Выразить любовь к родной земле, мужу, детям, внукам, уважение – к наставникам, коллегам возможно лишь посредством продуманного, идущего от сердца слова. Я читала о молчаливой любви, но глубоко убеждена, что культура выражения эмоций через слово – важнейшая из культур. Счастье – рядом, потому что и сегодня, в мои осенние годы, я общаюсь с родным словом, создавая необременительные миниатюры, встречаясь с единомышленниками. Так пусть же Дар Речи и Свет Слова будут всегда с нами, и светлая память Вам, дорогая Тамара Семёновна!

## **КРУЖЕВА ОСЕНИ.**

В известной басне говорится, что попрыгунья-стрекоза «лето красное пропела, оглянуться не успела, как зима катит в глаза». Я женщина, и хочу оглянуться. Были времена, когда я имела глупость не любить ноябрь, февраль, жаловаться на погоду и плакать об ушедшем лете. Осень представлялась мне порой несения неизбежных и грустных жизненных тягот и как бы «обмирания» в ожидании благодатного мая. Да, конечно, были знакомы понятия «золотая», «щедрая», «урожайная» осень, но они почти не касались сердца. Я мирилась с этим временем года лишь потому, что без осени не бывает весны.

Прошли десятилетия, и осень, теперь уже МОЯ осень, в виде моего нынешнего возраста, встала за плечами и с иронией спросила: «Ну как, что скажешь ты сейчас?» И я, пристыженная, присмирившая, ощутила, наконец, терпкое очарование этой поры – запах грустных листьев, тепло желанного солнца, зябкость вечеров и неизбывное желание наслаждаться этими дарами и любить, любить, пусть не так неистово, как в летнюю пору, зато любовью зрелой, с горчинкой, по-осеннему! Да, осень прощается с летом, но наполняется энергией новых дел – новый урожай, новый учебный год, новые подруги и наставники, новые размышления о жизни и представления о себе...

Прости меня, подруга-осень, ты прекрасна в кружеве облаков, золотых листьев и тончайшей паутины! Прими мою любовь! А о красоте госпожи-зимы поговорим позже, когда вновь придёт пора оглянуться...

---

Родные берега

## **ТАК ТЕБЕ И НАДО!**

Третьеклассница Лизочка, белокурая и розовощёкая шалунья, после 4-го урока выскочила из окна первого этажа школы № 24. Удачно приземлившись, она едва уловимым движением открыла свой изящный сиреневый рюкзачок и отпрянула с выражением непередаваемого ужаса на лице. На учебнике истории восседала и пялилась на Лизу круглыми мерзкими глазами настоящая лягушка!

Лизочка пронзительно завизжала, захлопнула рюкзак и молниеносно забросила его под яблоню. Шли минуты, а Лиза, скорая на проделки и проказы, не знала, как ей быть. Позвать на помощь? Но с девчонками она не водилась, считая их нюнями и фуфырами, а мальчишек разогнала сама, мстя за поражение в монополии. Убежать домой? Но как объяснить родителям исчезновение школьного рюкзака и учебников? Наконец, ей удалось убедить себя, что увиденное недавно – дурной сон, и не без дрожи в руках она поплелась к рюкзаку.

Кажется, лягушка именно этого и ждала, поскольку, сидя на рюкзаке, глумливо уставилась на Лизу, дыша отвисшим животом и надувая отвратительные щёки. «Свершилось!» – вспотела Лиза, неожиданно вспомнив, что не далее как вчера в пылу ссоры с одноклассницей Катькой пообещала превратить её в жабу. С рёвом сорвав с головы бандану, Лиза бережно обернула лягушку, напрочь забыв о чувстве гадливости, ещё недавно владевшем ею, и размазывая слёзы, понеслась к Катькиному дому. Ужасные картины скорого объяснения с матерью лягушки громоздились в её голове!

Этими слезами упивался Серёжка, крадучись за нашей шалуньей и мстительно приговаривая: «Так тебе и надо!» Сердце его ликовало: ох, не зря он рисковал многим, принеся в школу лягушку и тайком запихав её в Лизочкин рюкзак.

Много лет спустя, поженившись, они любили вспоминать этот день. Она – как самый ужасный в её детстве, он – как самый приятный!

## **НА ДЕТЕКТИВНУЮ ТЕМУ**

Ей всё удавалось, и даже чужая зависть никогда не мешала. Она всегда играла какую-то роль, не подозревая, что живёт не своей жизнью, но знала главное – она непременно станет ошеломительно, баснословно богатой, и неважно – какой ценой. Это непременно сбудется, ведь ей всегда и всё удавалось. Богатство – вот тот порог, перешагнув который, не надо думать ни о чём. Другие, нанятые ею люди будут думать о том, как выполнять её желания, вернее, веления холёного пальчика. Итак, свершилось... Засунув в карман яркой куртки пистолет, прехорошенькая рыжеволосая дама неопределенного возраста надела чёрные очки и

перчатки и, нервно хихикая и пританцовывая, стала выгребать в открытую экстравагантную и очень большую сумку из навороченного сейфа золотые украшения, рубли, евро, доллары.

Ей удалось беспрепятственно покинуть место, где ещё недавно громоздились сокровища, и поместить своё юркое тело в сверхскорый лайнер. Надо ли рассказывать подробно, как споро и хищно принялась она утолять свой аппетит, перелетая из страны в страну и скупая многое без всякого разбора!

Находясь в состоянии азарта, она не сразу обнаружила, что деньги, как игрушки из «Цветика-семицветика», не только не убывали, но стремились к ней отовсюду, привлекая стада алчных, чужих ей людей обоего пола! Как гонимая амоком, металась она между людьми, но жажда её не утолялась. Неожиданно всплыли в памяти смутные, ветхозаветные бабкины наставления о зрелости души, умении сделать кого-то счастливым и прочая дребедень, и – о, чудо – она проснулась! Глянула на дату: свой «налёт» она планировала лишь через два дня, но настолько вжилась в главную мечту своей жизни, что во сне увидела всё, даже то, чего знать не хотелось.

Пожалуй, впервые она принялась думать. И отложила овладение чужим богатством на неопределённый срок. Она поняла, что между женщиной, несущей в сумке много денег, и Счастливой Женщиной не всегда стоит знак равенства. Но она найдёт решение, ведь ей всегда и всё удавалось...

### • *Басни в прозе*

## **МОЯ СКАЗКА**

В одном очень красивом лесу, на краю большой и солнечной поляны растёт огромный старый-престарый Дуб. Это не обычный Дуб, а Дом для птиц и животных, которые живут в корнях, кроне и дуплах Этого Дома.

Все они имеют свой характер, и хотя никто не брал уроки психологии, ладят меж собой, понимая, что главное – не мешать друг другу.

К примеру, даже в весеннюю лунную ночь молодой Леший, как бы ни был влюблён, отмолчится, затихнет под корнями Дуба-Дома. Он знает, что полнолуние всецело принадлежит Русалке, которая в эту пору будет томиться в ветвях, облитых серебром, и петь волнующе и нежно.

Такая ночь – не для сна, об этом знают даже травы, которые перестают шептаться и замирают, как и всё вокруг.

А если Кот Учёный затеет свою сказку, то все в Дубе-Доме превращаются в одно большое Ухо и мечтают только об одном – чтобы сказка длилась бесконечно.



Всем детям известно, что Добро и Зло, Сказка и Басня живут рядом, по соседству. Так вот, в недобрый час оказалась рядом с нашим Домом-Дубом дородная Свинья, давно не евшая желудей, и повела себя, как водится, по-свински.

Но не тут-то было! Вдруг все поняли, что тупую силу не победишь мечтами, надо действовать! И действовать сообща – громко ухать, грозно размахивать крыльями и хвостами, демонстрировать клыки и вздыбившуюся шерсть! Так и сделали, да ещё посвистели и издевательски поохотали вслед убежавшей Хавронье. Отстояли свой Дом. Так случилось в Сказке, у Лукоморья. А что доброго мы сделали в жизни?

## **КОГДА ПАРА ТЕБЕ НЕ ПАРА**

*Под впечатлением от сказок  
Г. Х. Андерсена*

Когда-то на старинном фарфоровом заводе умелые и искусные руки изготовили изящную пару – кофейник и чашечку. Руки летали вдохновенно и украсили тонкое и нежное, цвета слоновой кости фарфоровое поле дивными цветами и райскими птицами. Когда эту пару поставили на резной новенький поднос – все восторженно залюбовались рукотворным чудом. Затем другие проворные руки упаковали пару в душистую коробку и отправили в солидный дом в качестве приятного подарка. Так пара оказалась на кухне. Нужно сразу заметить, что над чашечкой мастер колдовал после кофейника, начав с большого изделия. По этой причине кофейник страшно важничал и смотрел на чашечку свысока, но та не претендовала на первенство и скромно стояла, чуть позвякивая точёной ручкой. Они знали о своём предназначении быть парой, но это не вызывало особых чувств.

Но однажды случилось невероятное! Кухарка налила в кофейник превосходный горячий шоколад и доставила пару в нарядную гостиную, где он, как мужчина, был вынужден поделиться лакомством с чашечкой!

Аромат шоколада опьянил и объединил обоих, они стали неразлучны. Добавлю с грустью, что милая чашечка недолго упивалась женским счастьем. Скоро ей пришлось убедиться в неблагородстве своей половины – так деликатно сформулировала она про себя, поскольку от рождения была наделена мягким сердцем и кротким нравом. Сказать по совести, кофейник выказал себя не только высокомерным франтом, но и эгоистичной и деспотичной натурой, частенько доводя чашечку до слёз. Как же интересно стало на кухне! Вся утварь: кастрюли, тарелки и прочие свидетели событий - живо переживали происходящее, обменивались впечатлениями и гадали, что же будет дальше.

---

Н. Растошинская. *Сказки*

Даже пыль, случайно залетавшая в форточку, раскрывала уши и не желала сдаваться мокрой тряпке. А приятели кофейника – пивные кружки от скуки стали наговаривать на бедняжку, утверждая, что та – не пара красавцу, поскольку неказиста, да ещё и прохладна. Ну, неспособна оценить величавое клокотанье пара и тонкий аромат вливаемого в кофейник напитка. Толстая сахарница искренне сочувствовала ей и, подбоченившись, советовала перебраться на соседнюю полку, где жили другие чашки. Чашечка учтиво благодарила тётку-сахарницу, но понимала, что без помощи кухарки это сделать невозможно. И потом, тихонько рассуждала она, те чашки коротали дни без чайника и сливочника, а она имела счастье пить один напиток с кофейником и безраздельно любоваться им. Что тут поделаешь! Чашечка была совсем не глупа, но не знала жизни и всем женским существом надеялась на ответные чувства.

Но злое сердце глухо! Кофейник отдалился от подруги. Он часто горячился, полагая, что чашечка его недостойна, и однажды в гордости своей надменной решил добыть свободу. «Ах, так!», – вскричал фарфоровый глупец в ходе очередной ссоры и залил чашечку крутейшим кипятком. «За что?», – хотела та воскликнуть, но не успела – осколки разлетелись, рассыпались цветы, вспорхнули птицы. Как же скучно стало обитателям кухни без чашечки-девочки! Все жалели, что так скоро разбилась её жизнь, и вспоминали красоту, нежность, неспесивость! А что кофейник? Безумец не учёл, что чашечке был парой. Погоревала кухарка, да и закинула его в дальнюю кладовку. Не нужен ей чванливый одиночка. Кухарка рассказала мне по секрету, что и сейчас кофейник живёт в кладовой. Он жмётся в пыли между веником и старым горшком, похудел и, верно, уже страдает аллергией. Иногда он хочет по привычке раскипиться, да кто ж воды нальёт?

## **СВЕТОЗАР И МАШЕНЬКА**

*Посвящается Маше Г.*

Жила да была одна девочка по имени Маша. Девочка росла доброй и заботливой. Был у Маши лишь один недостаток: она боялась хозяина темноты – Темнотаута, поэтому спала при включённой лампочке и никогда не входила одна в неосвещённое помещение.

Однажды её семья переехала в деревянный дом. Дом как дом, ничем особо не примечательный, но был в нём чердак. Мама с папой сказали, что там темно и пыльно, поэтому лучше туда не ходить, пока они не наведут на чердаке порядок.

Но девочка никогда в жизни не видела чердаков. Ей ужас как захотелось посмотреть этот таинственный чердак! Она, пока мама с папой не видели, преодолев свой страх, отправилась туда одна (!).

На чердак вела старая ветхая лестница без поручней. Осторожно, стараясь не соскользнуть с её узких перекладин, Машенька с фонариком в одной руке, другой держась за верхние ступеньки, поднялась наверх. Девочка отважно открыла дверь и вошла внутрь.

Внезапно дверь сзади сама закрылась. От пыли, которая зависла в воздухе, дышалось с трудом. Под ногами недовольно скрипел пол, а мрак ворчливо расступался перед слабым лучом карманного фонарика. Внезапно он погас... и Машенька очутилась в полной тьме...

Коленки её дрожали от страха, лоб покрыли капельки холодного пота, сердце сжалось от ужаса... Девочка растерялась, хотела было уже



повернуть назад, но было непонятно, где же дверь. И в этот самый момент она увидела лучик света — он исходил из дальнего угла чердака. Машенька приблизилась к спасительному лучику. Фонарик её вдруг вновь заработал, и она смогла разглядеть большой старинный кованый сундук, из-под крышки которого просачивался свет. На сундуке, как и везде вокруг, толстым слоем лежала пыль. В огромном железном навесном замке торчал ключ. Девочка повернула его, и замок с лязгом упал под ноги. Маша с трудом приподняла тяжелую крышку. Перед ней возникло странное сияющее существо, которое из-за переливов света сложно было разглядеть. Одно девочка рассмотрела точно: вместо рук у него были колоски света.

– Ты кто? – с изумлением воскликнула она, чихнув от пыли.

– Светозар, – ответило существо, – а ты кто?

– Меня зовут Маша. Что ты делаешь в сундуке? – спросила девочка, вновь чихнув.

– Я спрятался, – ответил Светозар.

Он выпрямился и потянулся своими колосковыми руками. Потом выбрался из сундука.

– От кого ты прячешься?

– От Темнотаута.

– Как? И ты его боишься?!

– Да, – ответил Светозар.

– Но ты ведь сам излучаешь свет! Как же ты можешь его бояться? – удивилась девочка.

– Ты права. Но у меня не так много света. Те лучики, из которых я создан, – здесь Маша рассмотрела, что у Светозара руки, как и всё тело, вовсе не из колосков, как ей показалось прежде, а из переплетённых лучиков света, – они скоро погаснут, а я сам ещё не научился светиться. Чтобы быть бесстрашным и сильным, мне нужна поддержка от Солнышка. Оно даёт силы, и никогда-никогда его свет не иссякает! Только вместе с моими братьями и сёстрами – солнечными лучиками я бесстрашный и непобедимый!

– Почему же ты оказался один?

– Я влетел в чердачное окно, но его кто-то затворил. Вот так я здесь и очутился. А Темнотаут пытался меня своей тьмой поглотить! Я увидел открытый сундук, в него и спрятался. Но его взяли и закрыли на замок.

– Я помогу тебе, – сказала Маша.

У неё мгновенно созрело решение. Она положила на пол вновь погаснувший фонарик, а сама побежала к окну. Ногой запнулась обо что-то, упала, поцарапала коленку. Руки испачкались в пыли. Темнотаут то скрежетал зубами, пугая девочку, то мерзко пищал. Потом начал летать над ней, устрашающе хлопая крыльями и почти касаясь её головы. В другое

время Машенька умерла бы от ужаса, но сейчас она напрочь забыла о себе. У неё была одна мысль – помочь Светозару, спасти его, чтобы он не погас во тьме без своих солнечных братьев и сестёр.

А Светозар изо всех последних сил светил, отгоняя прочь Темнотаута. Но тут случилось удивительное: Маша вдруг засветилась сама! Она почувствовала, что у неё полностью исчез страх, будто испарился. Стёкла в окне, похоже, давно уже не было, а деревянные ставни были закрыты изнутри. Девочка отыскала заржавевший крючок, но тот никак не поддавался. Девочка подняла с пола какой-то тяжёлый предмет и постучала им по крючку снизу. Наконец он выскочил из петли, и ставни нехотя и с громким скрипом распахнулись. На чердак сквозь оконный проём хлынул свет. Машенька обернулась к Светозару... а тот слился с солнечными лучами... и исчез!

– Спасибо, Машенька! – послышался его голос. – Если тебе понадобится моя помощь, ты, глядя на Солнышко, позови меня. Я тотчас прилечу. Не бойся никогда Темнотаута. Он бессилён даже перед маленьким лучиком фонарика. А у тебя теперь такой огонь в сердце горит, что он сильнее десяти тысячи фонариков! Знай, этот огонь загорается от героических поступков.

– Прощай, Светозар! – ответила Маша.

Отыскав на полу фонарик, она осторожно спустилась с ним с чердака по шаткой лестнице. Девочка поспешила к отцу, ведь именно он ей поведал в своё время о Темнотауте.

Отец, посмотрев на дочь, ахнул:

– Маша! Где ты так выпачкалась?!

Девочка, увидев себя в зеркале, рассмеялась. Её лицо было чумазым, руки и ноги грязные, а платье такое, будто лазила в печной трубе; на ноге кровоточила ранка. Только сейчас Машенька заметила, что колено от удара болит, а ссадина больно щиплет.

– Папа, только никуда не уходи! Я сейчас приду! Маша сбегала в ванную и помылась. Потом быстренько переоделась, заклеила пластырем коленку и прибежала обратно. Они с отцом вышли на крыльцо и сели прямо на ступеньки. День был солнечный и тёплый.

Дочь рассказала отцу обо всём, что случилось с ней на чердаке, а после спросила:

– Папа, почему же в моём сердце загорелся огонек, я ведь никаких героических поступков не совершала.

– Солнышко ты моё, – отец ласково прижал к себе дочурку, – для тебя это был настоящий героический поступок. Вспомни, как ты боялась Темнотаута, ты даже спать ложилась при включённой лампочке. А на чердаке ты преодолела свой страх, чтобы помочь Светозару. Ты забыла о себе, думала только о том, как его спасти, как открыть окно,

чтобы пустить на чердак свет. Тебе самой кажется это пустяком. Но в тебе проснулось бесстрашие. Теперь ты ничегошеньки не боишься!

– Да, папа, – вздохнула Машенька, – не боюсь, потому что вдруг поняла, что я не одна, поэтому мне никакой Темнотаут не страшен!

– Нам всё по силам, доченька, когда мы вместе. С нами Господь! Вокруг отца и дочери резвились, бегая наперегонки, солнечные лучики, а с голубого неба им улыбалось Солнышко.

Сказка сочинена совместно  
с литературным клубом «Родные берега»  
во время занятий по сказкотерапии

## ЛИСТОПАД

*«...Сегодня так светло кругом,  
Такое мёртвое молчанье  
В лесу и в синей вышине,  
Что можно в этой тишине  
Расслышать листика шуршанье.  
И. А. Бунин «Листопад»*

Золотые листья медленно кружились и падали. Сквозь стволы берёз и редких сосен просвечивало синее небо и пригревали лучи вечернего солнца. Машенька гуляла по осеннему лесу, держа в руке букетик из сухих травинок и цветов. Скоро волосы у неё украсились жёлтыми берёзовыми листьями. Она шла по тропинке, которая была еле видна среди золотой опавшей листвы.

Вдруг Машенька услышала глубокий вздох, потом ещё один. Девочка взволнованно спросила: «Кто это? Что-то случилось?» Никто не ответил, и Машенька решила, что ей почудилось. Она продолжала идти вперёд по тропинке.

Внезапно перед ней возникла прекрасная женщина. Её огромные, распахнутые печальные карие глаза смотрели на верхушки деревьев. Небольшой розовый рот. Маленький нос. Часть каштановых волос была собрана на затылке в аккуратный пучок, который украшал веночек из маленьких белых и жёлтых цветочков. Остальные волосы волнистыми локонами струились вдоль её бледного лица. Тонкий стан незнакомки облегало причудливое платье. Каркас его был сплетён из берёзовых веток и лиловых листьев.

Родные берега

Ткань платья составляли жёлтые, коричневые и бурые опавшие листья. Такие же, как и в волосах, маленькие белые и жёлтые цветочки были разбросаны по подолу платья. С рук невиданной женщины спускались до самой земли прозрачные, как шёлк, похожие на огромные тёмные листья, лоскутья ткани. Тонкие кремового цвета пальцы были повернуты немного вверх. Ладони приоткрыты, будто ловили падающие листья. На запястье правой руки сидела маленькая птичка.

Машенька оторопела... Потом набралась смелости и воскликнула, глядя на женщину: «Кто вы?!» – «Я – Фея опавших листьев!» – прошелестела в ответ прекрасная незнакомка. «Опавшие листья?!» – Машенька с испугом подняла ногу и старалась ею раздвинуть листья, чтобы ступить на землю.

«Потому Вы так тяжело вздыхали, что я наступаю на листья!» – сокрушённо сказала Машенька. Фея тихо ответила ей: «Опавшие листья страдают, что упали с дерева и не могут, как прежде, качаться на ветру. Они плачут, что не могут больше ловить солнечные лучики и быть, как прежде, зелёными. И я утешаю их. Я забираю всю скорбь умирающих листьев! И отдаю Земле радость. Иначе вся Земля утонула бы в печали и слезах опавших листьев!»

«Но ведь очень много опавших листьев! Кто помогает тем, которые на другом конце Земли?» – поинтересовалась девочка. «Одновременно я нахожусь везде, где падают листья! И покидаю лишь те листья, которые покрывает снегом Зима. Под снегом сухие листья спят и не плачут. Иногда опавшие листья сгорают от лесных пожаров. Эту боль я тоже забираю себе!» – Фея опавших листьев снова глубоко вздохнула, посмотрела печальным взором на листопад и так же внезапно исчезла, как и появилась.

Машенька шла по золотым листьям; иначе пройти было невозможно, поскольку они густо покрывали тропинку. Девочке так хотелось помочь Фее опавших листьев! Она пыталась облегчить её боль от страданий миллионов умиравших листьев, которую Фея забирает себе. И девочка посылала падающим листьям мысли утешения, мысли любви и радости в их прощальном пути: «Вы так полезны земле! Благодаря вам все растения получают новые силы, а на деревьях и кустах весной распускаются молодые зелёные листочки!»

В лесу стоял шорох от падающих листьев, которые, переливаясь в лучах заходящего солнца, продолжали кружиться, медленно опускаясь на землю и устилая её прекрасным золотым ковром. Листопад продолжался.

## **УЛЫБКА**

Однажды Человека так одолели горестные мысли, что он и не заметил, как обронил свою Улыбку.

М. Попова. *Сказки*

А Улыбка упала на ромашку. Она лежала и думала: «И что теперь мне делать без своего Хозяина?!» Да здесь Бабочка опустилась на соседний цветок. Увидела Улыбку и восхитилась: «Какая большая и радостная! Заберу-ка я её с собой!» Бабочка говорит Улыбке: «Забирайся на мои крылья. Вместе летать будем!» Забралась Улыбка на крылья к Бабочке. Улыбка решила, что так быстрее своего Хозяина отыщет.

Но Бабочка порхала с цветка на цветок, а на крыльях её играла Улыбка. Все вокруг восхищались: «Чудо-то какое! Вы только посмотрите на крылья удивительной Бабочки! У неё крылья-то улыбаются!» И Улыбка поняла, что ничего доброго из этой затеи с Бабочкой у неё не получится и отыскать своего Хозяина она так не сумеет. И слетела Улыбка с крыльев Бабочки. Бабочка же так и порхала над цветами, не заметив, что и она Улыбку потеряла.

Улыбка тем временем встретила с Лягушкой-квакушкой. Она подумала, что, может быть, с Лягушкой-квакушкой быстрее Хозяина отыщет. И попросила её: «Возьми меня с собой, Лягушка-квакушка!» Лягушка-квакушка ответила Улыбке: «Взяла бы я тебя, да у меня самой во-о какая улыбка! Куда мне ещё одна!»

Каждый, кто встречал Улыбку, что-то ей советовал или приглашал с ним бегать, прыгать, летать или ползать. Но Улыбка всех расспрашивала о своём Хозяине. Наконец она встретила с одинокой Черепахой. Черепаха была старой и очень мудрой, поэтому сразу подсказала, что можно сделать: «Сядь на меня, я отвезу тебя к Ласточкам. Они свили гнездо на крыше дома твоего Хозяина, за широкой рекой. Ласточки часто прилетают за кормом для птенцов на берег реки. Попросишь Ласточек отвезти тебя домой!» Улыбка взобралась на панцирь к Черепахе, и они поехали. Приехали на берег реки.

Черепаха сразу же уползла, а здесь и солнце закатилось. И пришлось Улыбке ночевать одной на берегу реки. Ночью было довольно прохладно, да ещё сыростью от реки потянуло. Улыбка от холода совсем съёжилась и спряталась под листом Лопуха.

Лопух ей так обрадовался, что засветился весь! Улыбка же за день сильно намаялась и уснула крепким сном, свернувшись калачиком прямо на земле. А Лопух так и светился всю ночь от радости! Ночью дождик прошёл, да Улыбке под Лопухом тепло и сухо было.

Улыбка проснулась с первыми лучами солнца. Поблагодарила Лопух за приют. Набралась сил от солнечных лучей. Напилась дождевой воды, что на листьях Лопуха скопилась. Ночью рядом с ним выросли огромные грибы Дождевики. Улыбка с трудом между ними пробралась и тотчас же Ласточек встретила. «Ласточки, отвезите меня, пожалуйста, домой!» – попросила Улыбка. Одна из Ласточек, с полным клювом разных червячков, крыло распростёрла перед Улыбкой. Та взобралась на него, да так домой и



прилетела на крыле Ласточки. А Хозяин, когда улыбку потерял, почувствовал, что жизнь его стала ещё труднее. Совсем мрачный сидит Хозяин Улыбки на крыльце, думу тяжёлую думает и никакого выхода из сложившейся ситуации не видит.

А здесь Ласточка Улыбку принесла. И пролетела прямо перед лицом Хозяина. Улыбка с крыла соскользнула. И на своё законное место вернулась. А Человеку отчего-то вдруг легче стало. Он чувствует, что... улыбается! «Интересно! Такие серьёзные проблемы, а я сижу и улыбаюсь!» – подумал Человек.

А когда он улыбнулся, к нему решение его проблем пришло. Оказалось, что всё не так страшно, как прежде рисовалось! Человек, радостный, вошёл в свой дом. А в его глазах и на его губах Улыбка сияла.

И лица всех его домочадцев в ответ осветились новыми улыбками

## **ТЕРЕМОК**

В глухом лесу, на большой цветочной поляне, покрытой белыми ромашками с золотыми серединками и красными нежными маками, стоял маленький живописный теремок с резными наличниками и крыльцом. Около крыльца росла рябинка. Через лёгкий сквозной забор крошечного палисадника виднелись прекрасные розы. Хозяйкой этого уютного теремка была добрая девочка Леночка.

На восходе солнца Солнечные лучики будили девочку одновременно с природой, озаряя её лицо. Жителям леса нравилось бывать в теремке. Хозяйка угощала своих гостей пирожками с земляникой. В знак благодарности за угощение белочки приносили Леночке кедровые орехи, медведи – мёд, ёжики – грибы, зайцы – вкусные коренья, а птицы ей пели нежные песни. Каждый старался порадовать чем-нибудь свою любимицу. В теремок даже волки забегали, чтобы отведать чая с лесными травами! Правда, никаких гостинцев не приносили.

Однажды Леночка собирала на лесной полянке грибы. Глядит, а перед ней в земле небольшое углубление. Леночка удивилась – ещё вчера здесь была ровная поляна! Девочка заглянула в ямку, и её обуял страх... Да страх-то настолько сильный, что она бросила свою корзинку, рассыпав грибы, и убежала домой в теремок. Дома она никак не могла успокоиться, пока не вошла в свой потаённый чуланчик, в котором на полочках стояло много маленьких горшочков. Девочка открыла один из них. В тот же миг весь чуланчик наполнился светом, музыкой и радостью. Успокоившись, Леночка закрыла горшочек, поставила его обратно на полку и вышла наружу.

Смотрит, а дома гости: пять белочек, ёжик, три зайца, енот, барсуки, и на столе стоит брошенная корзинка с грибами. Гости встревожены и о яме страха, как её сразу прозвали, рассказывают.

Решили все вместе к яме сходить, чтобы засыпать землёй. Когда же на грибную поляну вернулись, увидели, что яма-то в два раза больше стала!

– Нет! Без медведей нам не справиться, – испуганно зашумели звери.

И отправили птиц за косолапыми. Но пока мишки до грибной поляны добрались, солнце село. Уговорились встретиться на рассвете и разошлись по домам. Белочки остались с Леночкой в теремке ночевать.

Тревожную ночь провели жители леса, плохо спали, только о яме и размышляли. Утром же обнаружили, что та опять выросла, а из её глубины такой страх исходил, что подойти к краю никто не отважился.

– Что делать?!

И Леночка вспомнила о своих чудесных горшочках. Её подружка Сказочница, которая жила в городе, посылала Леночке на все праздники по сказке. А где сказки хранить, как не в горшочках?! И девочка слепила для сказок глиняные горшочки. Да на каждом написала, какая в нём находится сказка. В пасмурные дни, когда жители леса в теремке вместе собирались за горячим чаем с брусникой и грелись у камина, хозяйка теремка открывала крышку горшочка – и весь мир согревался красками солнца. Солнечные лучики вылетали из глиняного горшочка и рассказывали сказку, а звери и птицы зачарованно вместе с хозяйкой теремка слушали.

Утром Леночка позвала с собой в потаённый чуланчик белочек и дала им по горшочку, да сама взяла несколько штук. Снова все отправились к яме страха, которая ещё глубже стала! Открыла Леночка горшочек со сказкой «Мальчишка и мгла». Вышел из сказки бесстрашный Мальчишка со своим фонариком, да как начал светить в яму! На дне сразу что-то недовольно заворчал и зашевелилось. А девочка тем временем крышки с остальных горшочков сняла. Солнечные лучики из других сказок присоединились к бесстрашному Мальчишке и вместе осветили дно ямы.

Здесь-то все и рассмотрели, как что-то чёрное и лохматое сидит в яме и землю ест! Тогда Тучка из сказки «Тучка и Солнышко» принялась поливать яму страхом дождём, пока дождевая вода не наполнила её до краёв. Из глубины ямы на поверхность воды всплыл лохматый чёрный Ужас. Он быстро выбрался из воды и пустился наутёк от Солнечных лучиков, света фонарика. Так и убежал неведомо куда! Вода впиталась в землю, братья из сказки «Как мешки без благ остались» засыпали пустую яму землёй. Да и жители леса им по своим силам помогали. Леночка спрятала сказки обратно в горшочки и унесла их в свой потаённый чуланчик.

Жители леса вновь собрались в теремке у Леночки перед камином за чашкой чая. В это время птицы новую сказку для Леночки принесли от Сказочницы. И в который раз маленький теремок наполнился светом и радостью.

А на засыпанной яме дивные колокольчики расцвели. И всем, кто приближался к ним, цветы радостно звенели, будто приветствовали. Хрустальный звон синих колокольчиков разносило по всему лесу, что и в теремке было слышно!

## **СТЕКЛЯННЫЙ КУБ**

На глазах у всех Андрей ударился о... воздух! Моментально на его лбу выросла шишка. Ребятишки рассмеялись. Игорь его передразнил и тут же закричал от боли, со всей силы стукнувшись обо что-то невидимое так же, как и Андрей. Все, как по команде, вытянули руки и наткнулись на что-то твёрдое и прозрачное. Так и пошли с вытянутыми руками по часовой стрелке вдоль этого стеклянного куба, как назвали его. И наконец нашли вход.

– Что будем делать? – спросил Андрей. – Давайте кто-нибудь один войдёт. И, если что, пусть крикнет – придём на помощь.

– Можно я?! – сказала Соня. – Если не выйду и буду молчать, заходите следом.

– Куб-то прозрачный! Что там с тобой может случиться?! – рассмеялся Игорь.

Но все остались снаружи, когда она вошла. Невидимая дверь за ней закрылась, и... Соня исчезла!

– Где она? Куда пропала? – испугались ребята.

По другую сторону куба было видно деревья, кусты, траву, но девочки не было!

А Соня плыла на паруснике по океану. Свежий ветер обдувал её и в лицо швырял солёные брызги. Внезапно сильный вихрь подхватил Соню и посадил на облако.

– Где я? – удивилась Соня.

Но видения были настолько яркими и захватывающими, что она не успевала подумать, откуда взялся океан и как можно сидеть на облаке?! Соня почувствовала себя слегка утомлённой и вспомнила о друзьях. В

это же мгновение ощутила сильный толчок, и неведомая сила вытолкнула её из куба.

Ребята с ужасом смотрели на девочку.

– Где ты пропадала целый час? Тебя там не было, – закричали дети, – понимаешь, не было! Куб стеклянный и прозрачный, а ты исчезла! Около мальчишек лежали большие камни. Андрей и Игорь хотели уже разбить ими стеклянный куб. Но Таня испугалась, что камни могут нечаянно попасть в Соню, и не позволила сделать этого.

– Там такое, такое... Чудесное!!! – воскликнула Соня. – Там океан и облака!!!

– Девочки первые, чур, я вторая, – быстро сказала Таня.

– Не задерживайся! – кричали ей вслед мальчишки.

– Хорошо, не больше часа, как Соня! – ответила Таня и исчезла в стеклянном кубе.

Дверь за ней сразу затворилась. Таня превратилась в пчелу. И с нектаром летела в улей. Потом на дельтаплане парила над морем. И вдруг стала ромашкой! Ровно через час Таня сидела около друзей. Теперь в кубе был Андрей.

– Что это? – размышляли ребята. – Почему и как всё это происходит? Не успела Таня рассказать о своих впечатлениях, как появился Андрей, а в стеклянном кубе уже исчез Игорь. Андрей в глубинном скафандре извлекал со дна океана затонувший корабль. А Игорь забирался в пещеры и проходил успешно самые опасные сифоны.

Только Игорь вернулся, как ребята его посвятили в возникший план. Надо войти всем вместе в куб. И посмотреть, что будет! Но войти ненадолго.

– Давайте на два часа! – договорились ребята.

Так интересно и хорошо было в кубе! В детях проснулся дух исследователей непознанного. Соня, Игорь, Андрей и Таня взялись за руки, чтобы дверь не закрылась за одним из них, и прямо кучей ввалились в стеклянный куб. Проход тотчас закрылся. Ребята исчезли друг для друга! Игорь восходил на Эверест. Андрей летал на космическом корабле и обнаружил, что все планеты обитаемы, только с разными формами жизни. Соня превратилась в чайку и летела над океаном туда, где вода сливается с небом. Потом она опустилась на воду и качалась на волнах.

Вдруг... стала дельфином! И спасала людей с потерпевших крушение кораблей.

А Таня очутилась на кухне. Её мама, которая уже скоро год как жила в далёкой Африке, стряпала вкусный пирог с малиной и угощала дочь. После чая с пирогом Таня с мамой пошли гулять. И они вместе катались на слонах по настоящей Африке! Через два часа все четверо почти кубарем вылетели из куба, по-прежнему крепко держась за руки.

– Это куб иллюзий, – произнёс Андрей.

– Нет, этот стеклянный куб исполняет все наши тайные желания, даже небольшие, – парировала Таня. – Даже самые маленькие желания исполнялись, о которых я давно забыла.

– Это верно, – поддержала её Соня.

– С этим стеклянным кубом надо быть очень осторожным, вернее, со своими желаниями, раз все они исполняются, – сказал Игорь.

Солнце клонилось к закату. Все мысленно попрощались с кубом и, поблагодарив его за свои приключения, отправились домой. По дороге они рассказывали и пересказывали друг другу, что видели и где были. Рассказы их обрастали новыми подробностями, которые наслаивались и наслаивались одна на другую! Наконец самим стало трудно отделить реальность происшедшего в стеклянном кубе от вымысла. Ребята пришли к выводу, что их спасло неосознанное ограничение по времени. Если бы они не стали друг друга ограничивать, то, может быть, так и не вернулись бы из куба.

На следующий день сговорились встретиться утром у околицы. Всю ночь ребята не спали. Каждый придумывал себе новые желания и, чтобы они длились подольше, дольше о них и думал. Родители были очень удивлены, как рано поднялись их дети. Быстро позавтракав, ребяташки исчезли на улице.

Дети решили на этот раз целый день провести в кубе! Ведь и по-есть можно там, только представив еду. Неслучайно Таня вернулась с выпачканным малиновым вареньем ртом. Только остальные зверски проголодались. Дети с радостью бежали к опушке леса, на которой стоял их желанный стеклянный куб. Но... куба не было, он исчез! Целый день они напрасно прочесывали опушку и соседний лес. Стеклянный куб как загадочно появился, так же загадочно и исчез.

Смеркалось. Пора было возвращаться домой.

– А был ли он на самом деле, этот куб? – вдруг спросила Таня.

– И как всё это происходило?! Может, нам приснилось?! – воскликнул Андрей.

– Конечно, был! Откуда же на губах у Тани появилось малиновое варенье? Не в карманах же она его держала! А я покорил Эверест! – произнёс Игорь.

– А я летала чайкой и сидела на облаке! Какой удивительный и загадочный этот стеклянный куб! – сказала Соня. – Попасть бы в него ещё хоть один раз!

### **СКАЗКА О КОРОВЕ И НЕ ТОЛЬКО...**

Светило жаркое солнце, корова лениво пощипывала траву, отмахиваясь от полчищ паутов и слепней. Вымя коровы полностью облепили жалящие насекомые. Боль была просто нестерпимой! Наконец корова так устала от жаркого солнца и своих страданий, что решила полежать в воде. После того как её туловище наполовину скрылось в прохладной воде небольшой тихой речки, боль в покусанном вымени утихла. Корова вздохнула с облегчением: знали бы люди, как тяжело работать коровой! И травы нужно много съесть. И не получить солнечный удар. И защититься от полчищ паутов, слепней и мошкар.

Наша героиня-корова обладала философским складом ума, и это ей помогало стойко переносить трудности и подавать пример несгибаемости своим подругам по стаду. Только племенному быку подавать пример было нечего: огромный бычина с кудряшками, обрамлявшими его лоб, в жару только и делал, что лежал в речке, перегораживая её и внушая трепет случайным путникам, которые спешили поскорее скрыться из поля зрения этого огромного быка со страшными крутыми рогами, зловеще пережевывающего свою жвачку.

Корова постоянно о чём-нибудь размышляла, мечтала. Например, её давно мучил вопрос, почему от разноцветных луговых цветов, зелёной травы молоко у неё белое?!

Вдруг на морду коровы села бабочка. Корова попыталась её слизнуть языком, но бабочка перелетела выше и... корова, сфокусировав на ней свой взгляд, рассмотрела чудесные разноцветные узоры на её крыльях.

– Расскажи, пожалуйста, бабочка, как тебе удалось так красиво раскрасить свои крылья. У тебя все кругляшки разного цвета, и их так много! – спросила корова.

Бабочка ответила, что собирает пыльцу с цветов и ею раскрашивает свои крылья.

Корова печально вздохнула и открыла бабочке свою затаенную мечту:

– Сколько ни старалась, сколько ни ела цветов – молоко у меня продолжает быть белым.

Бабочка заметила:

– Возможно, потому, что цветы нельзя все подряд съесть. Я, например, раскрашиваю свои крылья по очереди, то одним цветом, то другим.

Бабочка полетела дальше, передохнув на носу у коровы. А корова, воодушевлённая новой мыслью, неспешно поднялась и отправилась на луг.

Сначала она ела только красные цветы, через некоторое время перешла на оранжевые, затем стала жевать одну зелёную траву... Вечером хозяйка-молочница с удивлением смотрела на зелёные струи молока цвета луговых трав. – Не заболела ли корова, – заволновалась хозяйка.

Следующий ковшик наполнился оранжевым молоком... от неожиданности молочница вылила его в то же ведро, где было зелёное молоко.

А корова довольно косила взглядом, любясь своим цветным молоком: «Опыт удался! Мечта моя исполнилась! Спасибо бабочке!» В это время молочница вылила в ведро из ковшика голубое молоко цвета незабудок. Больше всего оказалось жёлтого молока: корова увлеклась одуванчиками...

Когда ведро было наполнено, озадаченная хозяйка вышла из коровника и внесла молоко в свой дом. Заглянула в ведро, а молоко-то – белое с желтоватым оттенком цвета одуванчиков! Хозяйка решила, что перегрелась на солнце, работая на огороде:

– Нужно почаще в тени отдыхать, да и в следующий раз надеть шляпу с большими полями.

Молочница и подумать не могла, что цветное молоко перемешалось, превратившись в белое.

А корова в эту ночь видела цветные сны. Она летала по разноцветному лугу и, как бабочка, была лёгкой и невесомой. Не было ни одного паута, ни одного слепня! Дул прохладный ветерок. Корова не нужно было есть цветы. И она собирала с них пыльцу, раскрашивая свои крылья, такие же как у бабочки, только значительно больше, в цвета радуги.

Вокруг порхали прекрасные бабочки, стрекозы. А жаворонки где-то в поднебесье выводили нежные мелодии, и им подпевали цветы и травы. А хозяйке-молочнице всю ночь снилось разноцветное молоко. Внезапно оно поднялось струями в небо! И на голубом огромном небосводе родилась радуга. Хозяйка увидела, что по радуге в небо идет её корова! И тогда хозяйка без боязни встала на прекрасную прозрачную радугу и пошла вслед за своей кормилицей-коровой...





## **ИРКУТСКИЙ ДВОРИК**

Старый иркутский дворик в центре города. Несколько двухэтажных домов старинной постройки с высокими окнами, на которых ещё сохранились резные наличники. От времени деревянная резьба кое-где потрескалась и, отвалившись, нарушила гармонию узора. По ставням на окнах, покосившимся, с облупившейся краской, можно догадаться: хозяина нет, значит, квартира съёмная. В летнее время сюда часто заглядывают туристы, чтобы успеть заснять на камеру уходящие в прошлое уголки города. В одном из этих домов живёт наша героиня – дама непреклонного возраста.

Глубокая ночь. В тёплой, уютной квартире тишина. Женщина проснулась от непонятного, едва слышного звенящего шороха. Для неё уже стало привычным вставать, когда все ещё спят. Неторопливо выбравшись из своего «уютного гнёздышка», она подошла к окну, раздвинула шторы, а там... настоящая сказка! За стеклом она увидела изумительную картину: миллионы «снежных бабочек» под мягким светом уличного фонаря, медленно кружась, прикасаясь к друг к другу хрустальными крылышками, издавали тот самый непонятный звон. Всё пространство дворика было укутано белым пушистым одеялом.

Ещё вчера вечером голые деревья и кусты от холода, казалось, испуганно прижимались к стареньким стенам домов, а сейчас, укутанные

белой пеленой, расслабленно опустили свои веточки. Любимая клумба под окном, из которой днём торчали высохшие кустики и травинки, превратилась в огромную пушистую подушку. Только бездомные соседские машины сердито сверкали стёклами из-под нависших «белых бровей».

Сердце женщины наполнилось радостью, восхищением и какой-то пульсирующей печалью. От переполнявших её чувств непроизвольно на глазах появились слёзы, слёзы умиления и благодарности. «Как хорошо жить!» – с восторгом прошептала она. И прислонившись лбом к холодному стеклу, прикрыв глаза, продолжала вслушиваться в неповторимые звуки падающих снежинок. Поняв, что до утра ей уже не уснуть, она зажгла свечу, села за стол, подперев руками голову, и глубоко задумалась.

Погружённая в свои мысли, она не заметила, как на щеках высохли слёзы, а в душе воцарились покой и умиротворение. Мысленно она была уже там, вдалеке, под кровом родного дома, где она, ещё беспечная босоногая девчушка, потом девушка, и вот уже мать двоих дочерей. Работа, дом, тяжёлые девяностые годы – и всегда кому-то нужна. Вся жизнь промелькнула перед её мысленным взором, как в немом кино. Дети выросли, родные ушли в мир иной... Но всё-таки сколько было счастливых моментов, которые никогда не забываются.

## **РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА**

До встречи Нового года осталось совсем мало времени. Бабушка со своей внучкой развешивала на ёлке яркие сверкающие игрушки. Это занятие доставляло обеим огромное удовольствие. Бабушка осторожно вынимала из коробки очередной «реликт», так она называла старинные игрушки, и приговаривала:

– Энтотой матрёшке уже около ста лет, от моей бабки досталась, а вот энта, – объясняя, протирает толстую стеклянную бабу, – в нашей деревне очень вредная старуха была, так мы прозвали её Федорихой. – А вот энта пирамидка из стекляруса осталась одна, – вздохнула бабушка и продолжила, – их было много, сверкали, как жемчуга заморские. – Так матка моя по-маленьки всё разобрала, изготавливала ватну корону и разошьёт всё бусинками, да и платье марлево длинное до полу, красиво, всё из mine королевишну делала...

Бабушка замолчала, вытирая слёзы уголками косынки. Стараясь её успокоить, девочка достала из коробки разноцветные бумажные цепочки-гирлянды и сказала:

– А помнишь, бабуль, когда я ещё маленькая была, мы с тобой эти колечки раскрашивали и клейстером склеивали?

Высокая ёлка стояла посреди комнаты, украшений оказалось мало-вато, и бабушка решила прикупить что-то новенькое.

Когда она ушла, девочка, усевшись на любимый широкий подоконник, стала смотреть из окна пятого этажа на переливающийся всеми цветами радуги город. Ей казалось, что машины, как самолёты в небе, летят по дорогам туда-сюда. Девочка смотрела сверху на людей, торопливо идущих по своим делам, занятых предпраздничной суетой.

Ярко светящиеся окна домов и мигающие звёзды на чёрном бархатном небосводе перемешались, образовав над городом уютный купол. Такую картину она увидела в стеклянном шарике, когда вешала его на ёлку. Девочка весело рассмеялась, представив себя внутри этой игрушки. Тут на подоконник запрыгнула кошка и, усевшись к ней на колени, нежно замурлыкала, доверчиво рассказывая про свои кошачьи дела.

Каждый вечер, когда солнышко пряталось за гору, укладываясь спать, девочка желала ему спокойной ночи, и последние его лучи, заходя на небе звёзды, успевали коснуться её сердечка, оставляя внутри маленький желтый шарик, похожий на пушистого цыплёнка. Девочка, прижав к груди ручонки, вся светилась от счастья, согретая живым солнечным комочком.

Вскоре бабушка вернулась из магазина и принесла с собой неповторимый запах Нового года, это были, конечно же, мандарины. Внучка радостно запрыгала вокруг бабушки, хлопая в ладоши. Кошка, свернувшись калачиком, спала, но от шума удивлённо открыла глаза, укоризненно поглядела на девочку, закрыла кончиком хвоста носик, что-то сердито заурчала.

– Угомонись, фантазёрка, – проговорила бабушка, – лучше пойдём ёлку приберём...

И они увлечённо принялись развешивать новые украшения. Последним украшением был серебряный дождь.

– Всё, ёлка готова к встрече Нового года! – сказала с облегчением бабушка, торжественно объявив: «Ёлочка, зажгись!», – и включила гирлянду. Комната сразу преобразилась. По стенам и потолку разлетались разноцветные «зайчики»!

– Бабушка, а где же Дед Мороз и Снегурочка? – воскликнула девочка.

– Ой, мнешеньки, забыла! – всплеснула руками бабушка и достала из шкафа самое главное украшение для Нового года. Девочка, как завожжённая, стояла и с восхищением смотрела на лесную красавицу.

Закончив эту приятную работу, не зажигая света, бабушка села в кресло, подставив под ноги невысокую скамью и пододвинув свою волшебную корзинку с разноцветными клубками, начала вязать, что-то тихонько напевая. Иногда она молча посматривала на внучку затуманенными глазами и вздыхала. Нити из корзинки торопливо бежали к её рукам, догоняя друг друга, спицы, быстро мелькающие, в сумерках поблёскивали серебряными искрами.

---

Н. Увакина. *Иркутский дворик*

Пока бабушка вяжет, клубки постоянно спорят между собой, то один клубок толкнёт другого, то третьего.

– Сейчас моя очередь, – шепчет один клубок.

– Нет, моя! – спорит другой.

Девочка постояла, послушала их и, погрозив пальчиком, прошептала:

– Слушайтесь бабушку!

Забравшись на своё любимое место у окна, она с улыбкой смотрела в звёздное небо. Бабушка всегда ей приговаривала: «Хорошо тебе – улыбайся, когда тяжело, тоже улыбайся, и счастье тебе всегда будет улыбаться».

Бесконечные звёзды всё мигали и мигали, как будто переговаривались между собой и поглядывали на девочку в окошке. Внезапно одна звезда сорвалась и стремительно полетела вниз. Девочка очень испугалась за неё, чтоб она не упала на землю и не разбилась, но звезда вдруг остановилась за окошком, протягивая к ней свои золотые лучики-ручки:

– Здравствуй, радость моя, я твоё счастье... – прошептала звезда своим хрустальным голоском, напоминающим весенний ручеёк, журчащий под снегом.

Девочка удивлённо и восторженно смотрела на звезду, а её маленькое сердечко, переполненное нежностью, выплёскивало в окружающий мир золотые капельки любви.

– Бабушка, бабушка, – прошептала девочка, – ко мне звезда прилетела.

А золотые капельки продолжали струиться при каждом её слове. Бабушка звезду не увидела, но вокруг её маленькой внучки распространилось какое-то нежно-золотистое свечение:

– Ох, ты, мнешеньки, звёздочка ты моя! – приговаривала бабушка. – Я с рождения говорила твоей матке, что необычного ребёнка подарила ей Вселенная, вот так и случилось.

– Не огорчайся, я всегда с тобой, – серебряный голос с нежностью и любовью продолжала окутывать девочку своей добротой. – Как позовёшь, так и прилечу... – прошептала звезда и, качнувшись, мгновенно взмыла ввысь, растворившись в огромном звёздном пространстве.

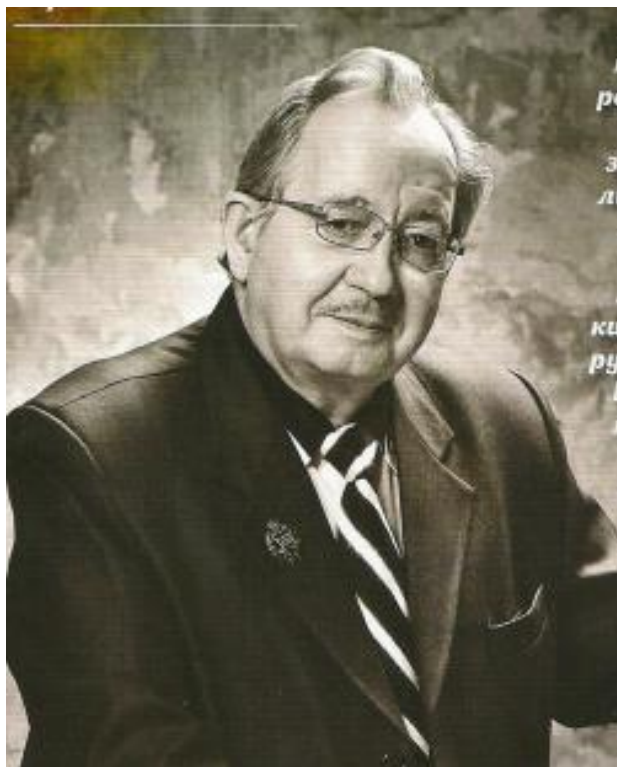
– Бабушка, что это было? – спросила девочка в недоумении.

– Да сон тебе приснился, сон. Сидишь, всё сидишь в тишине, вот сон тебе и приснился...

Только с той поры стала девочка замечать, что всё вокруг стало меняться, всё лучше и лучше, как будто дверь открылась в новую жизнь.

# ПУБЛИЦИСТИКА



**Виталий Зоркин**

*В этом году у Виталия Иннокентьевича Зоркина очередной юбилей. Высшая народная школа от всего сердца поздравляет педагога и журналиста с этим событием, желает ему крепкого здоровья и новых творческих успехов.*

**ГАЙДАР В СИБИРИ... И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**  
*Невыдуманные истории об авторе и А. Гайдаре*

Уже прошло более ста лет со дня рождения известного детского писателя Аркадия Гайдара (Голикова). Тысячи людей выросли на его книгах. Повести и рассказы Гайдара изданы в нашей стране более девяти сот раз, общим тиражом около 57 миллионов экземпляров. Их читали почти на ста языках мира. Страницы этих книг продиктованы честной и мужественной жизнью Гайдара.

В 13 лет арзамасский реалист Аркадий Голиков записал в дневнике номер винтовки – оружия, доверенного ему Революцией. В 14 добровольцем вступил в Красную Армию, в пятнадцать – командовал ротой, в шестнадцать – батальоном, в семнадцать – полком в Воронеже и целым боевым районом во время подавления антоновского мятежа на Тамбовщине.

Гайдар исколесил родную страну сначала в боевых походах, позже – в журналистских командировках. Он жил во Льгове, Щиграх, Арзамасе, работал на Севере, в Архангельске, на Урале и Дальнем Востоке, побывал на Украине и в Крыму, в Средней Азии, на Каме и Дону, в Подмосковье и в Сибири... За 15 лет работы в литературе им созданы светлые талантливые книги:

«В дни поражений и побед», «Р.В.С.», «Школа», «Дальние страны», «Военная тайна», «Голубая чашка», «Судьба барабанщика», «Чук и Гек». В 1940 году Гайдар закончил повесть «Тимур и его команда». Книге этой суждено было вызвать небывалое – целое тимуровское движение.

«Нам дороги все крупницы из жизни Гайдара, необходимы все свидетельства людей, знавших его», – написал Николай Тихонов. Именно эти слова заставили меня взяться за перо и попытаться освежить почти забытые эпизоды жизни во время пребывания его в Сибири. Ну, а далее всё по порядку...

Но сначала небольшое авторское отступление.

В конце 80-х годов прошлого века, будучи на стажировке в журнале «Дальний Восток», я согласился выполнить просьбу главного редактора Хабаровского книжного издательства Пузанова – разработать для них серию «Дальневосточная историческая библиотека». Это случилось после того, как я выступил перед хабаровскими писателями и долго рассказывал о своих поисках и находках на тему «Сибирские землепроходцы и мореходы» (замечу в скобках, что из предложенных мною 20 имён вышло 3 книги с моими вступительными статьями и комментарием, а затем издательство почти закрылось).

После моего выступления вопросов было много. Последний был явно на засыпку: знаю ли я, что Гайдар был в Хабаровске, работал в газете «Тихоокеанская звезда» и даже успел полежать в больнице. Про больницу я не знал, но на первую часть вопроса ответил. Да, в конце 1932 года он было назначен постоянным разъездным корреспондентом. На эту должность его пригласил бывший редактор газеты «Правда Севера» Шацкий, с которым Гайдар работал в 1929-1930 гг. в Архангельске.

С января 1932 г. Шацкий стал главным редактором краевой газеты «Тихоокеанская звезда». В этой газете Гайдар опубликовал около 20 статей, очерков и фельетонов. Здесь же, в Хабаровске, он стал писать повесть «Военная тайна» и затем «Мальчиш-Кибальчиш».

Мой ответ, вероятно, удовлетворил слушателей, но через дня два-три, почти в конце моего отъезда в Иркутск, меня пригласили выступить в Хабаровской краевой библиотеке. Я согласился, поскольку, разрабатывая историческую серию, пользовался книгами из редкого фонда, в частности, редкими документами о Хабаровске, полученными ими из Москвы. После выступления были вопросы, и один из них такой: знаю ли я, что Гайдар был в Иркутске? Я ответил, что не только знаю, но и брал года 4 назад у полковника в отставке Шорохова интервью. Он рассказал мне, как вместе с Гайдаром (тогда еще Голиковым) они участвовали в рейдах в Красноярском крае по поимке банды Соловьева.

...После моего ответа ко мне подошла директор библиотеки и сказала: «У нас скоро юбилей библиотеки, она носит имя Гайдара. Не могли бы вы позвонить в редакцию газеты «Правда», где работает Тимур Гайдар, и попросить его, чтобы он прислал нам телеграмму-

поздравление с юбилеем библиотеки? Нам это делать как-то неудобно, а вы – как часть нашего города, можете это сделать». Я позвонил, Тимур Гайдар был в командировке, но его коллеги пообещали передать мою просьбу. На следующий день я улетел в Иркутск, так и не узнал, прислал поздравление библиотеке сын Гайдара или нет.

Прошли годы. Наступили «лихие девяностые». И в один из дней я узнал, что в Иркутск прибыл внук Аркадия Гайдара Егор Тимурович и будет выступать в научной библиотеке госуниверситета – в одном из залов Белого дома... Не помню, о чём говорил экономист Гайдар, зато хорошо помню вопрос, который я задал ему и его ответ, поразивший, думаю, не только меня одного, но и многих присутствующих. Я спросил: «А знаете ли вы, что Аркадий Гайдар из Иркутска уехал воевать против банд Соловьёва?» Ответ был таков: «Меня история этого дела не интересует!»

Оказалось, что эта тема тогда многих не интересовала. Я предлагал двум-трём газетам города ввести рубрику «Знаменитые гости нашего города» и рассказывать о мореходе Витусе Беринге, три года руководившем строительством Московского тракта, о Георгии Седове, который в 1909 году останавливался в Иркутске, следуя далее от Качуга на север для исследования Колымы, и о многих других. Но даже фамилия Гайдара не заинтересовала «акул пера»...

В своё время для газеты «Байкал-61» я собрал всё, что можно было найти по теме «Гайдар в Сибири». Может быть, кому-то из читателей покажется, что я слишком много уделяю внимания банде Соловьёва, используя документальный материал журналиста Бориса Камова? Но факты, полученные из «первых рук», т. е. очевидцев событий, как раз и говорят о том, что враг был силён, хитёр и умён. И Гайдар и его сослуживцы потратили немало сил, чтобы банды Соловьёва и других уничтожить. Документальное расследование, рассказы старожилов помогают лучше понять события тех давних лет.

Итак, уважаемый читатель, давайте «окунёмся» в историю. Окунёмся и увидим, что одни и те же факты или события трактуются не всегда одинаково. В Москве незадолго до отъезда в Сибирь в штабе частей особого назначения республики Гайдару было выдано предписание: «Начальнику штаба частей особого назначения Восточно-Сибирского военного округа. Одновременно с сим препровождается в Ваше распоряжение бывший командир 58-го отдельного Нижегородского полка тов. Голиков для назначения на должность не ниже командира отдельного батальона. О прибытии и исполнении донести».

Приехав в Иркутск, Голиков подал рапорт: «Начальнику штаба ЧОН ВСВО: Доношу, что сего числа прибыл в Ваше распоряжение для назначения на командирскую должность в частях вверенных вам войск». Из Иркутска предстояло ехать в Красноярск, а там – куда пошлют.



Теперь приведу более подробный рассказ друга Гайдара писателя Р. Фраермана из его книги «Любимый писатель детей» («Московский рабочий», 1964, с. 62-63). Вот что он пишет: «Зимой, в начале 1922 года, Аркадий уезжает в Москву, мечтая поступить в Военную академию. Но неожиданно для него самого академию приходится отложить. Его срочно посылают в Сибирь, к границам Тувы на борьбу с офицерскими бандами Соловьёва... Он уезжает в Иркутск. По дороге в Сибирь Аркадий заезжает в дивизию к отцу. Они встречаются впервые за несколько лет. Пётр Исидорович в это время уже был комиссаром штаба 35-й дивизии. Штаб жил в поезде. Отец и сын встретились в узком коридоре штабного вагона как два воина, отправляющиеся в разные походы, и как самые родные люди. Отец нашёл Аркадия уже совсем взрослым, сильно возмужавшим. У отца Аркадий отдохнул недолго. **Через две недели, к назначенному сроку, он прибыл в Иркутск на место своего назначения и вскоре же начал действовать во главе особого кавалерийского отряда в самой глубине Хакасской тайги.** (Вероятно, Фраерман никогда не был в Сибири и не знал, что в то время добраться до Хакасской тайги было не так-то просто. И «вскоре» вряд ли могло означать «быстро»). Именно тут, в тайге, пробираясь верхами и пешком по звериным тропам и гоняясь за бандитскими шайками, прятавшимися в непроходимых лесных чащобах, он совсем подорвал своё здоровье. Болезнь проявилась с особенной и внезапной силой.

После возвращения из Иркутска Гайдару по приказу Реввоенсовета дают длительный отпуск... Он понимает, что военная карьера его кончилась. Болезнь преградила дорогу в академию».

По книге Р. Фраермана получается, что с отцом Гайдар встретился не в Иркутске, а где-то в другом месте? Так ли это? Откроем книгу Бориса Осыкова «Аркадий Гайдар. Литературная хроника» (Воронеж, 1975, с. 6). Автор пишет: «Литературная хроника рассказывает о всей жизни Аркадия Петровича Гайдара. Автор пользовался и печатными материалами (газетами, журналами, книгами), и архивными, находящимися в государственных хранилищах и у частных лиц, документами и письмами». Что ж, теперь откроем «Хронику» на страницах 50-51.

### **Хроника боевых действий**

«1922 год. Начало года. Едет в Сибирь. **На станции Иркутск короткая встреча с отцом, в штабном вагоне 5-й армии Восточно-Сибирского округа.** П. И. Голиков – военный комиссар рабоче-крестьянской инспекции этой армии. (И чтобы окончательно «закрыть вопрос», где встречался Гайдар с отцом – в Иркутске или нет – приведу свидетельство самого Аркадия Гайдара. 28 января 1923 года, получив из Арзамаса письмо от отца, он отвечает ему: **«Получил сегодня в пер-**

**вый раз после нашего свидания с тобой в Иркутске обстоятельное письмо, чему очень обрадовался.** Как и всякое ваше письмо, оно со-держало много нового...» И так, сам Гайдар сообщает, что встреча была в Иркутске. Далее я вновь возвращаюсь к «Хронике» жизни Гайдара).

**2 февраля.** Командующий частями особого назначения и сводных отрядов Сибири определяет «прибывшего в его распоряжение Голикова Аркадия для назначения на должность не ниже комбата».

**19 марта.** Голиков прибывает в село Ужур, в штаб сводного 6-го отряда **ЧОН**а Сибири (прибывает через полтора месяца, а не «вскоре» – как пишет Р. Фраерман). «Зачислен на все виды довольствия... с назначением... на должность комбата» (24 марта).

**29 марта.** Приказ командующего ЧОН Енисейской губернии: «...территорию Ачинского и Минусинского уездов, лежащую к западу от реки Енисея, разделяю на три боевых района с назначением начальников и распределением согласно нижеследующего: ... (боерайон) № 2 – Голиков комбат. Пехоты – 165, пулемёта – 4, территория к западу от реки Енисея и к югу от реки Чёрный Уюс и «далее на Большой Улун и южнее станции Сок по рекам Орда и Сухая».

**Разведсводки:** 31 марта – 1 апреля. «По донесению комбата Голикова, он с отрядом в пять штыков и одним пулемётом в 11 часов 31 марта выступил из Божье Озерное для обследования района. 1 апреля комбат Голиков выступил на деревню Нижне-Покровскую на преследование банды Родионова». 6 апреля комбат Голиков направляет в штаб секретную оперативную сводку: «Доношу, что 5 апреля 1922 г. в 12 часов я прибыл в село Божье Озерное. Сообщаю следующее: в 6 часов утра 4 апреля 1922 г. я выступил с 40 человеками и пулемётом. Ехали по дороге, ведущей из Б. Озерного в тайгу. Продвинувшись 20 вёрст до места первой стоянки бандитов, санный путь окончился. Оставив пулемёт и 14 человек, в 12 часов двинулся с 26 человеками дальше.

Пройдя 8 вёрст, дошёл до второй стоянки бандитов, на которой валялись обрывки разных вещей, ящик из-под патронов и разное тряпье.

Очевидно, отбиралось, что с собой брать. Ещё одну версту далее – кровь от заколотых лошадей.

Далее всякая возможность идти окончилась из-за глубокого рыхлого снега. Причём сообщаю, что по утопанной лыжне вполне можно пройти двум человекам. Под большим количеством снег оседает пластами.

Замечателен также тот факт, что кто-то из деревни имеет с ними сообщение, так как вплоть до самого места второй стоянки виден след лошади и лёгких санок, каковой ведёт потом обратно.

Вернувшись к 6 часам к месту стоянки пулемёта, я продвинулся вверх по реке Кучкюрют на простокишинскую тропу, которая постепенно перешла в дорогу...»

**Из оперативной сводки штаба ЧОН Енисейской губернии к 24 часам 19 апреля:**

«...Штаб 6-го сводотряда находится (в) Ужуре при резерве 94 штыка, 58 сабель, 5 пулемётов. (В) распоряжении начальника второго боевого района Голикова находится отряд Виттенберга – заместителя Козлова...»

**Из сводки к 24 часам 20 апреля:**

«...15/IV банда неизвестного количества и командования прошла через ст. Копьево, забрала (у) служащих хлеб и лошадь, направляясь (на) реку Чёрный Уюс. Розыск банды проводится отрядом Голикова».

19 апреля к комбату Голикову обращается управляющий рудника Богодарованный: «19 апреля в 4 часа дня была банда 60 человек. Взято золото, ограблены склады. Убито 3 человека.

Просим принять меры: охранить рудник от разграбления и защитить жизнь людей.

Комбат направляет на рудник отряд под командованием Козлова.

20 апреля Козлов доносит комбату: «Ввиду возрастания банды до 60-70 человек, а также прихода продуктов на рудник банда имеет цели вторично захватить таковой. Имея в распоряжении 20 штыков, считаю отряд малочисленным, а потому прошу усилить отряд до 40 человек...»

Хлеб в числе 253 пуда для рудника находится в Яловой, который должен следовать немедленно в рудник с отрядом, и отряд должен быть большим, чем банда. По сведениям граждан, банда соединилась вместе в один отряд: Соловьёв, Кулаков, какой-то Родионов, и хотят во что бы то ни стало напасть на обоз с хлебом, который пойдёт на рудник...»

Голиков запрашивает у командира 6-го сводотряда подкрепление, а сам немедленно выступает на помощь с отрядом в 20 штыков.

Донесение комсводотряда-6 Кудрявцева в штаб ЧОН:

«Сообщаю, что комбат Голиков выступил с 20 штыками в разведку в район Яловая... напал на след бандитов и выступил для розыска в тайгу в 100-150 вёрст, где ведёт усиленную разведку. Голиков потребовал для усиления его отряда 30 штыков при 2 пулемётах. Подкрепление было послано. Командовал операцией Голиков».

26 апреля из Ужура «на усиление района Голикова... выслано 6 штыков [под] командой Галузина».

30 апреля. Ещё «10 штыков [под] командой Клевича» направлены в д. Соленоозерскую «на усиление района Голикова».

2 мая. Из д. Балахта «высланы 9 штыков [с] одним пулемётом [под] командой красногвардейца Барсукова [в] распоряжение Начбоеучастка-2 Голикова для усиления района».

Май-июль. Отряды под командованием начальника 2-го боеучастка А. Голикова преследуют бандитов в тайге, устраивают засады, стремясь в решительном бою завершить их разгром.

Август. Отозван в Красноярск, в штаб ЧОНа Сибири.

2 августа 1922 г.

### УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего бывший начальник 2-го боевого района частей особого назначения и СО Енисейской губернии тов. Голиков Аркадий, действительно прикомандированный к штабу ЧОН и СО Енисейской губ., что подписями и приложением печати удостоверяется.

Действительно по 2 сентября 1922 г.»

Август-сентябрь. Готовится к поступлению в академию Генерального штаба Красной Армии (Б. Осыков. «Аркадий. Литературная хроника», Воронеж, 1975, с. 51-53).

Материалы «Хроники» найдены автором в госархиве и партархиве Красноярского края. Из этих кратких сообщений и донесений видим, какая непростая обстановка была в этих местах, где себя вольготно чувствовали бандиты.

В журнале «Костёр» в семидесятые годы прошлого века писатель и журналист Б. Камов опубликовал отрывки из своей книги «Обыкновенная биография». В обращении к читателям «От автора» он пишет:

«В отрывке «Голиков против Соловьёва» Аркадию Петровичу восемнадцать лет, но обратите внимание, сколько смелости, изобретательности, неутомимости и таланта требовала от Голикова его работа...

Сибирские главы книги написаны мною, в первую очередь, по материалам Государственного архива Красноярского края и Красноярского партийного архива. И всё-таки, наверное, я не справился бы с этой труднейшей темой, если бы не помощь талантливого краеведа Николая Сергеевича Владимирова, который первым прошёл «боевыми дорогами Аркадия Голикова» (его статья напечатана в журнале «Молодой коммунист», № 6, 1967 год), если бы не ребята-гайдаровцы из школы № 16 города Черногорска, которые вместе со своей учительницей Надеждой Александровной Карповой отыскивали многих людей, знавших комбата Голикова, и сообщили мне адреса...»

К сожалению, печатная площадь не позволяет опубликовать всё из интересного рассказа Бориса Камова «Голиков против Соловьёва», поэтому я выбрал два отрывка, которые помогут читателю узнать новое и о Соловьёве, и о поступках Голикова, о его разведывательной и оперативной деятельности.

### Кто такой Соловьёв?

Тут действовали остатки колчаковских отрядов и просто уголовники. Но «самой старой и замечательной бандой», как говорилось в одном документе, считалась банда Ивана Соловьёва.

Родился Соловьёв в селе Форпост того же Минусинского уезда, в котором теперь преимущественно и действовал. Отец его был не богат. Если верить молве, Соловьёв заслужил у Колчака лычки урядника, однако не побоялся вернуться в родные края, открыто поселился в деревне Горное Озеро. В двадцатом году его арестовали. Вместо допросов водили на работу, и Соловьёв однажды сбежал и опять появился в своём селе.

«Иван, ты откуда? – удивились соседи. – «Да вот оттуда». – «А ежели оттуда, то теперь-то куда, в котору сторону?» Он ответил: «В котору». – «Ну и зря, – посоветовали ему. – Лучше бы вернулся, откуда прибёг...»

Возвращаться охоты не было. Собрал Соловьёв шесть человек (все родня) – и в тайгу. Раздевали прохожих. Грабили обозы и села. Сперва негромко – то есть без программ и лозунгов. Барахлом обзавелись. А в товарищи к ним никто не шёл. Уж очень их компания считалась неавторитетной. Но тут появился в уезде и был разбит отряд колчаковца полковника Олиферова. Самого полковника красноармейцы в ночной схватке застрелили в упор. Остатки разгромленного отряда подались на юг. А человек тридцать повстречали Соловьёва, который предложил им влиться в его банду.

Делать нечего – влились. В банде появился штаб. Правой рукой Соловьёва стал двадцативосьмилетний прапорщик Королёв, агроном по образованию. Начальником штаба (у бывшего урядника!) – полковник Макаров, монархист. Макаров ходил в золотых погонах. В лес привёл жену и дочь, которые вели с бандитами беседы «за царя».

Соловьёв сразу объявил себя командиром «Горно-партизанского отряда имени Великого князя Михаила Александровича», но отряду с таким громким названием нужна была не менее громкая программа, и Соловьёв со штабом выдвинул два лозунга: «За освобождение (?) инородцев<sup>1</sup>» и «За Учредительное собрание»...

Лозунги никого не манили. И вербовать людей Соловьёв начал так: приходил в село, уводил сельсоветчиков и партийцев.

– Кто хочет бороться за Учредительное собрание и вступить в мой отряд? - спрашивал Соловьёв.

Два-три «охотника» делали шаг вперёд. «Остальные, значит, не хотят?» Остальные не хотели. Тем, которые согласились, давали винтовки и приказывали расстрелять «остальных», после чего Соловьёв заявлял: «Вы совершили преступление, убив своих товарищей...»

Осенью 1921 года у Соловьёва было двести сабель, а в следующем году – четыреста двадцать. Наша агентура докладывала: все распоряжения Соловьёва выполняются беспрекословно.

<sup>1</sup> Иногородцами в царской России звали всех людей не русской национальности. Банда Соловьёва действовала на территории Хакасии, инородцами здесь сч

Атаман почувствовал такую силу, что издал приказ, в котором запрещал кому бы то ни было углубляться в тайгу «более чем на пять километров от края ея. Захваченные будут расстреливаться на месте».

### Пинкертоновщина

Начал он с того, что поменял армейское седло на мягкое хакасское, переоделся и отправился со своим знакомым, Фёдором Кочкиным, просто так, по большой дороге. Со всеми, кто попадал навстречу, здоровался и закуривал (взял с собою полный кисет и номер «Красноярского рабочего»). Голиков щедро делился табаком и выслушивал, кто что знал: «Соседей моих сын у Ивана Николаевича служит, так он сказывал...» Или: «Еду за дровами вчера, а они навстречу: «Дядька, далеко в лес не ходи – заблудишься». И хохочут».

Когда возвращались, кисеты у него и Кочкина были пусты, во рту горчило, а самодельный его блокнотик был весь исписан только ему понятным шифром. У них в Арзамасе в реальном училище весь класс играл в шифры. У Голикова их было целых два: один – простой, другой хитрый. Второй, хитрый, теперь пригодился.

Беседы на большой дороге давали немало, а тут ещё он договорился, что отец Фёдора, который жил в дальнем селе, выдаст его за племянника из Ужура.

Голиков попал на «помочи», когда село помогало солдаткам, оставшимся без мужей. Помогая «маломочным», мир демонстрировал свою послушность советской власти, призывавшей не оставлять без внимания ни один осиротевший дом, – и одновременно страховался от Соловьёва, поскольку много «погибших» и «пропавших без вести» находилось в банде.

«Помочи проходили празднично. К Голикову скоро привыкли, развязались языки. О чоновских отрядах здесь знали не меньше, чем о Соловьёве. Когда же кто-то произнёс: «А Голик-то, новый командир...», Голиков даже вздрогнул, на мгновение представив, что бы с ним сделали, подметь кто: «А Голик-то, вон он, родненький, сидит с липовым своим дядькой и давится поднесённым пирогом с вязигой».

Конечно, это была непростительная «пинкертоновщина», но себе Голиков объяснял её так: для того чтобы посылать на такое других, он должен это испытать сам.

### Аграфена

Несколько раз Голикову помогала Аграфена Кожуховская, у которой он снимал в Форпосте комнату и столовался.

Сначала жил при штабе и работать приходилось круглые сутки: есть ли дело, нет ли, – все прут в штаб. И тогда комбат поселился у Аграфены.

Было ей под сорок. Жила с мужем, которого Голиков видел мало. Сноровистая и весёлая, Аграфена делала все быстро.

С постояльцем своим Аграфена была то уважительна, то насмешлива, в зависимости от того, видела ли она в Голикове в ту минуту мальчишку или командира, но во всех случаях относилась к нему с такой смущавшей его предупредительностью и заботой, какой он не знал с тех пор, как покинул арзамасский дом.

Бывало, придёт: «Обед готов?» – «У меня всегда готов, чтоб тебя, Аркаша, не задерживать». Он сам просил, чтобы по отчеству не звала: «Вы зовите меня без людей Аркаша».

Садится. Если с ним гость – Аграфена приглашает гостя. Ставит тарелки, суп, котлеты – прямо со сковородкой.

После котлет попьет чаю с печеньем (печенье он любил, и хозяйка ему нарочно пекла). И опять отправляется.

– Да куда же ты? – кричит ему из кухни Аграфена. – Отдохни хоть часик.

– Некогда, – ответит он, – давно что-то про Ваньку ничего не слышно.

Ванькой между собой звали Соловьёва. Аграфена Соловьёва знала: училась в одной школе. «Он, пока не стал бандитом, так ничего, хороший был парень, – говорила Аграфена. – Семья большая. Жили небогато. Избушка на одном боку. И чего в бандиты записался – до сих пор не пойму».

Голиков делился с ней мыслями про Ваньку. Просил совета, поскольку Соловьёв охотился за ним, комбатом, не меньше, чем комбат за Соловьёвым. Только охота у них была разная.

Узнав, что начальнику боерайона только восемнадцать, что он очень молод, стал Соловьёв прельщать его письмами. Какому-нибудь мужику по дороге в Форпост вручался конверт: А раз на конверте: «Передать Голикову. Срочно», – то сразу и приносили.

А в письме: «Аркадий Петрович! Приезжай погостить. Самогон, я знаю, ты не пьёшь, так у меня смирновская есть. С честью встречу – с честью провожу. А не сможешь приехать – так и быть, ящичек подброшу. Кто-нибудь передаст...»

«Спасибо, – отвечал, – Иван Николаевич. Я водку-то и свою не пью. А твою-то и вовсе пить не стану. Я лучше из Уюса напьюсь».

А сам, как получит записку, целый день ходит задумчивый. Всюду ему чудится Соловьёв. Ни разу в лицо его не видел, а все Соловьёв перед глазами. Увидеть, поймать Ваньку – другой мечты не было.

Всё время ощущение – Соловьёв рядом. Это ощущение будило его ночью. Он одевался. Пристёгивал маузер. Засовывал на всякий

случай в карман несколько «лимонок», обходил посты, потом забирался на холм повыше, лежал и слушал: нет ли конского топота, не донесутся ли какие голоса. Однажды донеслись. «Тревога!» Тревога оказалась ложной. А уехал на сутки из Форпоста – без него был заколот часовой.

Велел Голиков оцепить лес, сам задержался в штабе. Когда уже садился на коня – подали записку: «Карауль не карауль, а меня тебе всё равно не укараулить... Иван Соловьёв».

Дня через два попросил Аграфену: «Сходила бы ты, Кожуховская, на Песчанку (то была изрытая ямами гора, откуда брали песок). Вы с Соловьёвым односельчане. Тебя никто не тронет».

Аграфена позвала двух молодух, и они переплыли в лодке на другой берег Уюса. А вскоре Аграфена вернулась: на руке кузовок, ягод в нем почти нет, больше травы. Вошла к нему – отдала перевёрнутой ладонью честь: «Так точно, Аркадий Петрович, в ямине спрятались. Вся Иванова конница под скалою стоит. Коней тридцать. Сами же сидят кашу варят. С ними ли Ванька – не заметила. Блиско подходить побоялась».

Аграфена доложила весело. Для неё страхи остались позади. А Голикову было не до шуток. Где взять столько лодок? Да и заметят сразу. А заметят – постреляют в воде.

Он дал команду: «По коням!» И в объезд, чтоб пересечь Уюс в неприметном месте, но не успели, сделав обход, ступить в воду – бандиты открыли из-за камня огонь. Били, правда, с дальнего расстояния – и он махнул рукой: приказал переплывать на другой берег.

На том берегу завязался бой. Из бойцов тяжело ранило Петухова. От брошенного, тоже раненого бандита узнал: был у Песчанки и Соловьёв.

...За ужином Аграфена устроила ему вдруг нахлобучку: «Что это, Аркадий, твои ребята на тебя жалуются. Как бандитов увидишь – так всё: вперёд! вперёд! И сам всё первый».

Смутился: «Мне бы Соловьёва живьём взять!»

– А я как посмотрю, – покачала головой Аграфена, – мальчишка ты, Аркадий, мальчишка...

Соловьёва взяли позже, когда Гайдара в Сибири уже не было.

### **Иркутский чекист воевал вместе с Гайдаром**

В феврале 1984 года бывший чоновец, позже – полковник в отставке Шорохов вспоминал: «На основании данных разведки сводный отряд чоновцев и чекистов под командованием начальников двух боерайонов – Аркадия Голикова и Василия Уланова – в июле 1922 года провёл операцию по ликвидации банды Соловьёва. Разгром бандитского лагеря, который находился на высокой труднодоступной горе Поднебесный зуб, проходил в трудных условиях.



Подниматься по скальным террасам под оружейным огнём было сложно. Несмотря на все трудности, бандитский лагерь был разгромлен сокрушительным ударом. Многие бандиты в бою были убиты или ранены, захвачены в плен. Но часть их разбежалась мелкими группами по тайге, а Соловьёв сумел вывести известным ему ходом по скальному склону свой штаб и около 40 преданных ему бандитов и скрыться в тайге.

В населённые пункты, вблизи которых скрывались бандиты, командование ЧОН высылало боевые группы. Соловьёв пытался объединить банду, но это ему не удавалось, и он стал изыскивать возможности скрыться подальше от родных мест, бежать в Монголию.

Наш взвод чоновцев под командованием Исаева в первых числах августа прибыл в село Ужур, где находился штаб сводного отряда. В этот же день мы выехали в Саралинский улус, откуда поступили данные о набеге группы до 30 бандитов, которые разграбили имущество многих семей. Через несколько дней мы настигли эту группу, преследуя её, в перестрелке убили шесть бандитов, больше десятка сдались нам и были доставлены в Ужур. Почти одновременно с нами в Ужур прибыл Уланов, доставивший около 20 бандитов, захваченных в бою на Поднебесном зубе, и передал их коменданту арестного помещения, где их допрашивали прибывшие из Красноярска уполномоченные ГПУ Анатолий Николаевич Данилов и Сергей Васильевич Шкитов. Через день прибыл Голиков, доставив больше десятка бандитов.

Прибывший в Ужур начальник губернского отдела ГПУ Р. Х. Лепсис с двумя чекистами провёл совещание, на котором присутствовали все чоновцы. Голиков и Уланов докладывали обстановку и оперативные мероприятия. Я запомнил один пример из доклада Голикова, который мне пригодился в дальнейшей работе. Разыскивая бежавшего со своим штабом Соловьёва, он получил данные, что Соловьёв был в охотничьей избушке золотопромышленника Иваницкого, бежавшего в 1919 г. в Харбин, разговаривал с хакасом Мурташом, охотником, бывшим слугой владельца приисков. Соловьёв требовал показать место спрятанного Иваницким золота. Мурташ отвечал, что не знает. Ничего не добившись, Соловьёв пригрозил ему, затем скрылся в тайге. В заключение выступления Голиков сказал: «Всё равно найду Соловьёва и его штаб, где бы он ни скрывался, из-под земли достану, я обязан покончить с этим врагом».

На следующий день он с отрядом выехал на розыски в район села Копьева. Наш взвод и другие разъехались для выполнения своих заданий. Голиков долго искал Соловьёва. Однажды встретили группу бандитов, в перестрелке нескольких убили и до десятка взяли в плен. Но Соловьёва обнаружить не удалось.

Состояние здоровья Голикова резко ухудшилось, ранения и контузии не дали возможности покончить с бандой Соловьёва. В конце

сентября 1922 года Голикова отзывают с должности начальника 2-го боерайона и прикомандировывают к штабу ЧОН Енисейской губернии.

Борьба с остатками разбежавшейся банды продолжалась ещё около года. Чоновцы распространили обращение Сибревкома об амнистии бандитов при добровольной сдаче ими оружия и явке с повинной. Узнав об амнистии, стали являться в органы Советской власти вовлечённые в банду угрозами, а за ними и другие.

23 февраля 1923 года в Красноярском драмтеатре проходило торжественное заседание, посвящённое пятой годовщине Красной Армии. На этот праздник были приглашены и мы – чоновцы, участвовавшие в борьбе с бандой Соловьёва. Начальник 26-й Златоустовской стрелковой дивизии зачитал приказ о награждении. О Голикове было сказано: из 19 прожитых лет – 5 прослужил в Красной Армии, за заслуги в борьбе с бандой Соловьёва награждается малиновыми шароварами и деньгами.

В перерыве мы поздравили его с наградой. Зная, что он уезжает в Москву на учёбу в Военную академию РККА, пожелали успехов. Это была наша последняя встреча с Аркадием, отважным и смелым командиром.

Много лет спустя, в 1937 году, в своей биографии он писал: «Я был тогда очень молод, командовал, конечно, не как Чапаев. И это у меня не так и то не эдак. Частенько оступался, срывался, бывало даже самовольничал, и тогда меня жёстко за это свои же обрывали и сдерживали, но всё это пошло мне только на пользу... я любил Красную Армию и думал остаться в ней на всю жизнь. Но в 1923 году из-за старой контузии в правую половину головы я вдруг заболел... Долго меня лечили и наконец в апреле 1924 года, когда мне исполнилось двадцать лет, я был зачислен по должности командира полка – в запас... С тех пор я стал писать. Вероятно, потому, что в армии я был ещё мальчишкой, мне захотелось рассказать новым мальчишкам и девчонкам, какая она была жизнь, как оно всё начиналось, да как продолжалось, потому что повидать я успел всё же немало...

А летом 1923 года Соловьёва удалось схватить. В ноябре неделю продолжался показательный процесс над бандой Соловьёва. Я с товарищами-чоновцами присутствовал на суде. Судили 106 бандитов, десять наиболее опасных осудили к высшей мере наказания, многих – к различным срокам тюремного заключения.

Так было покончено с бандой Соловьёва. В 1924 году на территории Сибири, в том числе в Иркутской и Енисейской губерниях, с бандитизмом в основном было покончено. Части особого назначения были расформированы. Кадровый командный состав ЧОН влился в регулярные части Красной Армии.

Меня, молодого коммуниста, по рекомендации уполномоченного ГПУ А. Н. Данилова, ведущего следствие по делу банды Соловьёва, в

1925 году городской райком партии направил на работу в Красноярский окротдел ГПУ. Вначале был рядовым сотрудником, а в 1927 году назначен уполномоченным особого отдела 26-й Златоустовской дивизии по борьбе с бандитизмом. Я организовывал разведработу и участвовал в ликвидации бандитских группировок.

В 1928 году, работая уполномоченным экономотделения окротдела ГПУ, я вспомнил выступление Аркадия Гайдара на совещании в Ужуре летом 1922 года, о его беседе с Мурташом о золоте. Рассказал руководству и получил разрешение заниматься поиском золота, спрятанного в хакасской тайге. Добыв точные данные, в сентябре 1928 года опергруппа выехала в тайгу. Помогал нам Мурташ. На третий день в мокрой яме под корнями сгнившей берёзы клад был найден. Доставленный в Новосибирск клад был сдан в краевую контору Государственного банка. Свыше пяти пудов чистого золота в слитках поступило в доход государства. Так чекисты внесли свой вклад в фонд индустриализации страны».

**Р. С.** Когда материал мой был уже готов, я созвонился со своим старым приятелем, полковником милиции Робертом Фроловым. И сказал мне то, о чём не сказал при встрече сам М. Шорохов. Оказывается, в 30-е годы он был приговорён к расстрелу.

**Александр Гордин**



## **ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ МАЛОТИРАЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

*По моим наблюдениям и наблюдениям некоторых моих коллег журналистов и писателей<sup>2</sup>, в последние десятилетия начал появляться особый род народной письменной литературы, которая сознательно ориентируется на небольшой круг читателей и выходит в свет «штучным тиражом». Её авторы – люди, которые не ставят перед собой цель донести до человечества какую-то новую истину или поразить их воображение невиданной формой литературного произведения. Они, используя современные технические средства и право данное обществом свободно самовыражаться, берутся за перо, чтобы поделиться с близкими им людьми своими мыслями, чувствами (мысли должны становиться книгами!) и оставить о себе добрую память...*

*Как это по-человечески правильно – «объясниться» ещё при жизни с теми, кто тебе дорог. И разве не естественно желание любого*

<sup>2</sup> Д.Карелина, гл. ред. [http:// www.boiee-drugot.ru/](http://www.boiee-drugot.ru/) Мысли должны становиться книгами (10 причин издавать книгу малым тиражом)

человека сделать хоть что-нибудь, чтобы о нём как можно дольше помнили? Нет, не абстрактное человечество, а твои дети, внуки... Особенно это важно сегодня, когда мы наяву наблюдаем разрыв между поколениями, испытываем острый дефицит знаний о жизни наших ближайших родственников. Разорванные родовые связи пагубно сказываются на полноценном осознании того, что мы представляем собой как личности, зачем мы были явлены этому миру, каково наше предназначение для будущих потомков. «Иван, не помнящий родства» напоминает дерево с обрубленными корнями, которое засыхает, не способное духовно плодоносить и производить новые жизненные смыслы. Книга может помочь выполнить эту родовую функцию, способствовать продолжению межпоколенческих связей на уровне одной семьи. А значит, и на уровне общества в целом. Разумеется, это не обязательно должно быть художественное произведение. И, разумеется, это может быть не только книга, но и иной «информационный продукт» (фильм, фотографии, аудиозапись), любой электронный носитель, способный доставлять информацию на личностном уровне от одного поколения к другому.

Мне, как человеку по понятным причинам предвзятому, ближе живое письменное слово. На мой взгляд, перед величием слова меркнут рампа, краски, звуки, светотени и т. п. Оно было и является средоточием чувств, мысли и некой невыразимой тайны, дарованной нашими предками... Со слова начинается человек мыслящий и остаётся таковым до последнего слетающего с его уст слова-вдоха, когда душа покидает бренное тело и устремляется с ним в божественную высь, в вечность...

Парадоксальность ситуации, сложившейся на информационном рынке России в отношении малотиражной литературы, заключается в том, что издание такого формата художественной, публицистической и научной литературы стало носить «массовый характер». «Массовый» не в том смысле, что книги, журналы и прочая печатная продукция выходят большими тиражами, а потому, что издавать малыми тиражами свои произведения сегодня предпочитает большое количество людей и творческих коллективов. Благодаря этой своеобразной «моде» в совокупности такой, по сути штучной, литературы издаётся во много раз больше, чем традиционной массовой. Точные цифры неизвестны, такой вывод делается исключительно на основе эмпирического наблюдения, потому что, к сожалению, серьёзных исследований на эту тему почти не проводится. Но, судя по имеющимся в нашем распоряжении данным по Иркутской области, дело обстоит именно так. В частности, нам известны следующие факты.

В небольших населённых пунктах Иркутской области вообще отсутствуют массовые издания художественной литературы. Но зато

активно издаются самиздатским способом и малотиражным в типографии произведения самодельных писателей.

Показательна в этом смысле самиздатская деятельность г. Усоля-Сибирского. Так, например, в этом городе в начале 2000-х годов членом городского литературного объединения при газете «Усольская городская газета» Владимиром Тихомировым в домашних условиях была издана серия поэтических сборников «Без тормозов», включающая в себя произведения нескольких десятков усольских авторов, общий тираж которых составил более 5 тысяч экземпляров.

Это сборники стихов, рассказов, публицистики: Александр Воропай «Дух старого «Изумруда» (2005 г.), «Лабиринты жизни» (2002 г.), «Проклятый весною» (2005 г.), «У мудрости своё лицо» (2003, 2005 гг.), «Монолог живых и отпетых» (2006 г.); Виктор Колчин «Щемящая нежность родимой земли», «У нас в России...» (2005 г.); Наталья Пеменовская «Час нектара» (2005 г.); Руслан Кузнецов «Страна фантазмагория» (2004 г.); Ольга Чуйкина «Голос сердца» (2002 г.); Валентина Астапенко «Подснежник» (2005 г.); Сергей Антонов «Прикосновение» (2003 г.); Валерий Туровец «Четыре времени любви» (2005 г.), «Моя муза особого рода» (2003 г.); Виктор Малышкин «Третья планета» (2005 г.); «Без тормозов» №1, 2, 3 (коллективный сборник стихов по итогам фестиваля авторской песни «Прибайкальский БАРД-ак», 2005 г.); Александр Гордин «Язык шершавый сумрака» (2009 г.); «Скрипка дерева» (2007 г.); «Ночной уют странников» (2007 г.); «Восхождение» (опыт литературоведческого эссе о творчестве М. Цветаевой, 2005 г.) и мн. др.

К этому можно добавить опыт самиздата на базе газеты «Усольские новости и мировые репортажи»: Сергей Шаршов «Преизбыток» (2005 г.); Олег Сурусин «Изнанка» (2004 г.); Анатолий Гретченко «Не горюй, Гаврилов!» (сборник рассказов, 2004 г.); Александр Гордин «Себя забывший бог» (сборник научно-популярных статей о творчестве М. Волошина, 2004 г.); «Приангарье» (альманах газеты «Усольские новости мировые репортажи» по ежегодно публикуемым материалам на тематической странице с одноимённым названием, 2007-2014 гг.).

Кроме того, в эти же годы изданы в местных типографиях, но малым тиражом (до 1000 экземпляров) книги таких усольских авторов: Светлана Балкина «О любви»; «Стал судьбой моей «Химпром» (коллективный сборник стихов, 1996 г.); «Усольские эскизы» (литературно-художественный сборник, 2001 г.); Николай Сиротенко «Искушение» (2001 г.); «Лебединый луг» (2006 г.); Юрий Кочура «О любимой» (2001 г.); «Исповедь» (2003 г.) и мн. др.

И это только те книги, которые по тем или иным причинам оказались на личной книжной полке автора этой статьи. Разумеется, их было издано авторами Усолье-Сибирского в этот период гораздо больше.

Сколько таких, образно говоря, «издателей В. Тихомировых» в Иркутской области, никто не исследовал... Но совершенно очевидно, что совокупный тираж малоформатной самодеятельной художественной литературы значительно превышает тиражи книг профессиональных писателей, которые также издаются сегодня ограниченными тиражами.

Другой показательный пример: большинство малотиражной литературы приходится на научные издания, которые в основном «привязаны» к научно-исследовательской работе вузов. Это сборники статей по итогам проведённых научно-исследовательских конференций, монографии и учебные пособия.

Так, например, ежегодно кафедра социальной педагогики и психологии Педагогического института Иркутского государственного университета (далее – ИГУ) выпускает подобный сборник, объединённый темой «Социально-педагогическое сопровождение личности, оказавшейся в трудной жизненной ситуации» (по 100 экз. 2014-2017 гг.). Подобным образом поступает кафедра журналистики и медиаменеджмента факультета филологии и журналистики ИГУ, с той лишь разницей, что каждый год тема меняется, но выпуск сборника обязательно приурочен к Байкальскому фестивалю прессы, который проходит ежегодно ИГУ.

В Педагогическом институте ИГУ издаются десятки монографий, учебных пособий, тираж которых не превышает 300 экземпляров. Их совокупный тираж значительно превосходит все вышедшие в свет и имеющиеся в библиотеке университета экземпляры столичных «большетиражных» изданий. Хотя о больших тиражах даже в отношении этих изданий можно говорить с большой натяжкой. Например, популярный учебник по медиаменеджменту известного российского преподавателя С. М. Гуревича «Экономика отечественных СМИ» (Москва, 2009 г.) имеет тираж 1700 экземпляров на всю страну! В Иркутске таких изданий всего несколько десятков. А, например, учебник начинающего автора А. И. Гордина по его авторскому специальному курсу «Искусство мыслить» (Издательство «Иркут», Иркутск, 2014 г.), который больше нигде, кроме ИГУ, не преподаётся имеет тираж 300 экземпляров! Таких пособий ежегодно в ИГУ издаётся сотни! И это тенденция. Подобным образом тиражная политика формируется по всей стране. Это даёт основание даже без точных научных исследований говорить о том, что малотиражная научная литература, которая ежегодно пополняет библиотеки высших учебных заведений страны, опять-таки своим совокупным тиражом тотально доминирует на издательском рынке России. Т. е. значительно превышают совокупный тираж массовых академических всероссийских изданий, которые в сложившейся ситуации и массовыми-то считать едва ли возможно, даже если их тираж равен 3000-5000 экземпляров. Простое математическое деление на количество вузов, где, например, есть отделения журналистики (а теперь только ленивый не открывает это направление), доказывает, что того же

учебника С. М. Гуревича катастрофически не хватает. Например, в Иркутске до последнего времени обучали журналистике в 4 вузах. Теперь в трёх: Байкальском государственном университете, Иркутском национальном исследовательском техническом университете и Иркутском государственном университете. Сколько таких вузов по стране? Выручает Интернет, но это уже другая история...

Похожая ситуация складывается в другом полномасштабном (т. е. не на уровне самиздата) издательском сегменте – художественной литературе. Книга известного русского писателя, проживающего и творящего свои произведения в Иркутске, А. Г. Байбородина, изданная в престижном московском издательстве «Вече» в серии «Сибириада», в которой издавались В. Распутин, А. Астафьев, В. Шукшин и др., вышла в свет в 2013 году в количестве 4000 тыс. экземпляров! Ещё меньше тираж книги стихов В. Скифа «Русский крест», которая увидела свет в известном московском издательстве «Молодая гвардия» в не менее известной серии «Библиотека лирической поэзии» – 2000 экземпляров.

А только за последние годы членами литературного клуба Высшей народной школы г. Иркутска выпущены в свет такие книги, как: В. Дикова «К поэзии седую голову склоню...» (2013 г. – 30 экз.); В. Крестьянников «Каникулы на Тунгуске» (2014 г. – 30 экз.), «Командировка на Кавказ» (2016 г. – 30 экз.), «Повести. Стихи» (2016 г. – 30 экз.); А. Гордин «Голос ослепшей птицы» (2011 г. – 50 экз.), «Сибирский валенок» (2013 г., 2 выпуска – 200 экз.), «Предчувствие» (2015 г. – 100 экз.); А. Волчук «Судьбы крутые повороты» (2016 г. – 100 экз.). Здесь же в течение нескольких лет издаются альманахи «Родные берега» (2014 г. – 50 экз.), «Народное обозрение» (2014, 2015, 2016 гг. – 150 экз.).

Ещё один пример. В 2015 году увидела свет издательская серия «Скрепка» – проект «Поэты в городе» Иркутского регионального представительства Союза российских писателей, в которую вошли небольшие сборники стихов в мягком переплёте И. Горчарук «Светильник», В. Орочина «Уа!!», А. Рычкова-Закаблукская «В богородский сад», А. Семёнов «На языке людей», Ю. Соколов «Тихий праздник», С. Шаршов «Островитянин» и др. – все по 300 экземпляров! Никто не занимался количественным исследованием подобных изданий, но, без всякого сомнения, их совокупный тираж в Иркутске значительно превышает совокупный тираж книг, изданных нашими профессиональными писателями в центральных всероссийских, а стало быть априори как бы «массовых изданиях».

Нечто подобное происходит и в публицистике. Например, любопытен опыт издания родословных книг. В последние десятилетия у россиян повысился интерес к жизни своих предков как на уровне государства, так и на уровне жизни отдельных семей, родов. По данным Иркутского обла



стного государственного архива, множество людей, проживающих на территории Иркутской области, активно посещают хранилища документов, пытаясь узнать хоть что-нибудь о своих предках, особенно тех, кто канул в небытие во время репрессий в 30-40-е годы. Многие увлечённо и скрупулёзно изучают своё родословное древо (С. Бутаков, В. Скороход и т. п.). Результатом таких поисков нередко становятся книги, выходящие небольшими тиражами.

Так, нам известно по крайней мере о двух таких книгах преподавателя А. Костюченко: «Прекрасная родословная» I и II том (600 экз.) – и предпринимателя А. Манькова (автор-составитель В. Скороход): «Маньковы – Семейный портрет на фоне эпохи» (500 экз.). Без всякого сомнения, такого рода литературы увидело свет в 90-е и начало 2000-х годов гораздо больше. Но это тоже пока «белое пятно» в истории иркутского «книжного дела».

Модным стало рассказывать об истории отдельных предприятий, видах спорта, культурных учреждениях, творческих коллективах и т. п. То есть писать исторические очерки. У меня перед глазами несколько книг, которые можно считать «каплей в море малотиражной литературы» (у некоторых из них даже нет полноценных выходных данных и «стеснительно» не указан тираж): Е. Боярских, Е. Иванова, Т. Кальянова, С. Карнаухов, М. Рожанский, С. Шмидт «Письма об истории и для истории» (750 экз.); А. Ильинский «Время оставляет следы» (?<sup>3</sup>); А. Гретченко «Мой край – родное Белоречье» (1000 экз.); В. Скороход, А. Ильинский «Автоколонна 1946» (?); А. Ильинский «Усольский трамвай 40 лет в пути» (?); «Солдаты усольской земли» (составитель – Т. Кулиш, 300 экз.); В. Шадрин, А. Ильинский, В. Скороход «Крестьянский долг» (500 экз.); «Земля усольская» (авторы-составители В. Скороход, А. Ильинский, 2000 экз.); А. Красноштанов «Наше Усолье-Сибирское» (?); И. Широбоков «Река по имени Время» (500 экз.) и мн. др.

Очень распространена в Иркутской области уже на протяжении более чем двадцати лет практика издания малотиражных газет, которые издаются преимущественно частными лицами, общественными организациями, движениями тиражом 999 экземпляров<sup>4</sup>: «Русская беседа», «Золотое поколение» («Твой собеседник»), «Народное обозрение», «Народный контроль», «Маланка» и мн. др. Всего более 50 газет.

Эти факты, взятые только из ближайшего окружения одного человека (в данном случае автора этой статьи), конечно, не отражают полной картины того, что в реальности происходит с малотиражными изданиями на информационном рынке Иркутской области. Можно только догадываться, какого масштаба достигает тенденция – обращаться к помощи малотиражных изданий – в масштабах России... О чём это

<sup>3</sup> ? – этим знаком обозначены издания, тираж которых не указан в выходных данных, но он, по сведениям автора, невелик.

<sup>4</sup> Т.е. не требующем государственной регистрации (прим. – Автора)

говорит? О чём угодно, только не о том, что писать в России стали меньше. И, соответственно, читать тоже... Правда, встаёт вопрос о качестве изданий и об уровне культуры чтения, т. е. о культуре потребления данного информационного товара. Очевидно, можно согласиться, что уровень такой культуры не очень высок. Но это отдельная тема разговора, которой мы лишь слегка коснёмся в данной статье...

Интересно, что представители западной цивилизации, мышление которых ориентировано исключительно на продажу информационного продукта, сталкиваясь с фактами некоммерческого тиражирования в России малоформатных изданий, просто не в состоянии понять мотивации столь активной издательской деятельности такого рода. Например, одна из них (моя двоюродная сестра, проживающая в США уже более 30 лет) в разговоре с автором этих строк, познакомившись с некоторыми моими, так сказать, «собственными образцами», настойчиво предлагала мне разные маркетинговые ходы-лазейки для извлечения прибыли. Она искренне сожалела, что я, а шире – все мы – не проявляем необходимой деловой хватки. Убедить её в том, что нельзя всё мерить только «денежной меркой» в этом виде деятельности, не представлялось возможным. Она просто не понимала логики моих рассуждений.

Такие понятия, как «саморазвитие», «жизнетворчество», «благотворительность» и т. п., которые могут быть не сопряжены с извлечением собственной выгоды, западному бизнесмену просто непонятны в силу разных экономических обстоятельств, а также, в частности, по причине социального (общественного) воспитания<sup>5</sup>, а для иных ещё вдобавок и в силу менталитета. Их сознание откалибровано иными ценностными установками. Они не верят в искренность таких душевных порывов, подозревая либо какой-то подвох (неискренность, двойные стандарты и т. п.), либо элементарную лень, инертность человека, который является производителем такого информационного продукта.

Хотя, конечно, попытки заработать на малотиражной литературе и на отечественном информационном пространстве предпринимаются. Происходит это в основном через Интернет. Это преимущественно либо научная, либо научно-популярная, либо откровенно гламурная, либо приближённая к ней политическая или, того хуже, «жёлтая литература». Одни только названия последней разновидности чего стоят: Турман Роберт «Тибетская книга мёртвых» (2015 г.), Чаянов А. В. «Мистические повести» (2010 г.), Рабинович А. «Большевики у власти», «Стивен Козн и Советский Союз/Россия» (2008 г.), Эмбла Ива «Дневники Сигюн»<sup>6</sup> (2015 г.), Шадт С. В. «Сыщик поневоле»<sup>7</sup> (2015 г.), Дакар Д. Джокер

<sup>5</sup> Народная пословица гласит: «С кем поведёшься, от того и наберёшься»

«Фабрика героев. Джокер. Особые поручения. Игра королей»<sup>8</sup> (2015 г.) и т. д., и т. п. Надо ли говорить, что это явление связано, прежде всего, с проникновением в отечественное информационное пространство чуждых ценностей. Оно не имеет ничего общего с продолжением традиций отечественного самиздата, главным образом потому, что делать деньги на душах людей на Руси никогда не было принято.

Впрочем, в погоне за прямой экономической целесообразностью образовательной деятельности некоторые вузы предпринимают попытку выйти на коммерческие рельсы. Вот один из образчиков таких попыток, читаем в Интернете: «Научная библиотека Сибирской автомобильно-дорожной академии»<sup>9</sup> предлагает создать организацию, которая бы занималась реализацией **малотиражной литературы** и имела бы книжные магазины во всех региональных центрах страны...»

Но современное информационное общество неоднородно и многослойно. Кто-то хочет нас убедить в том, что оно всё сплошь состоит из массы активных потребителей информации, у которых невысокий (средний или даже низкий) уровень культуры потребления. Конечно, это не так: кому-то хочется желаемое выдать за действительное. Часто культуру потребления информации «определяют» по уровню образования, да ещё формального. – Чушь!

Культура потребления информации, действительно, может быть связана с уровнем образованности, но это вовсе не обязательное условие. Если уж действительно с чем-то большим она связана, так это с культурой мышления. А мышление человека имеет слабую привязанность к современному образованию, которое по сложившемуся стечению обстоятельств более привязано к визуализации сознания, чем к развитию его с помощью чтения. Проще говоря, в массе своей люди предпочитают получать информацию более из аудиовизуальных источников (телевидения, радио, Интернета и т. п.), чем из письменных текстов (книг, журналов, газет и т. п.). Но читающая аудитория (теперь уже элита!) не исчезла совсем. И не исчезнет никогда. Почему?

<sup>6</sup> «Сигюн, принцесса из Ванахейма, прибывает в Асгард вместе со своим отцом, чтобы, вступив в династический брак с наследником золотого трона Асгарда, стать залогом мира между двумя народами. Она полна решимости исполнить своё предназначение, однако...» (из аннотации к книге).

<sup>7</sup> «Даже самая, казалось бы, незначительная деталь не ускользает от внимания сыщика поневоле Игоря – нового знатока детективного дела, который смело может занять почётное место в первой шеренге известных литературных сыщиков...» (из аннотации к книге).

<sup>8</sup> «Трудная задача поставлена перед Мэри Александрой Гамильтон, полукровкой: стать лучшей – во всём...» (из аннотации к книге).

<sup>9</sup> [bek.sibadi.org/cgi-bin/cgiirbis\\_64.exe?](http://bek.sibadi.org/cgi-bin/cgiirbis_64.exe?)

Такие люди наиболее ценны для общества: они обладают высоким уровнем критического и творческого мышления; они – лидеры мнений и генераторы идей; они сохранили способность к индивидуальному мышлению; и именно они ценят более всего не массовую информацию, а эксклюзивную. И одновременно они являются её производителями.

Собственно, в этом феномене нет ничего нового. Так было, очевидно, всегда. По крайней мере, если говорить о письменности, то она изначально была своего рода эксклюзивом, потому что ориентировалась на небольшой круг посвящённых в тайну письма людей.

С развитием технических возможностей и повышением элементарного уровня грамотности, расширением круга «читателей и писателей» среди жителей планеты письменность, т. е. фиксированная информация на уже множестве материальных носителей, включая дискеты, флешки, ноутбуки, интернет-ресурсы и тому подобные, приобрела характер массового информационного продукта, а значит и массового потребления.

Но удивительное дело! Чем больше становилось потребителей такого рода информации, тем ниже было качество данного интеллектуально-информационного товара.

В нашу эпоху информационного капитализма, когда информация стала окончательно для большинства потребителей товарной единицей, содержание которой откровенно фабрикуется её заказчиками и производителями, произошло несколько парадоксальных вещей, которые изменили саму суть некоторых образцов информационного продукта.

Прежде всего, в результате жёсткой конкуренции на информационном рынке, где ценятся оперативность, сенсационность и массовость распространения информации, вдруг **начала возрождаться ценность штучного информационного товара.** Этому обстоятельству способствовало несколько причин.

**Причина А. Свобода слова.** Это означает не только говорить и писать «что захочу», но и доступность издательских баз, которые в СССР работали под строгим надзором КПСС, которые курировали литотделы КГБ, выполнявшие функции цензуры. Прежде всего цензуры политической, которая обеспечивала информационную безопасность граждан Советского Союза. В тот период это автоматически означало обеспечение государственной безопасности.

**Причина Б. Эксклюзив самиздата.** В ранние годы перестройки в СССР (1985-90 гг.) люди жадно читали не только сенсационные материалы в массовых изданиях (газеты «Московский комсомолец», «Литературная газета», журналы «Огонёк», «Знамя», «Новый мир» и т. п.), но и эксклюзивные самиздатовские журналы, газеты, бюллетени, номера которых переснимались на фотоплёнку, множились на первых ксероксах, переписывались от руки или перепечатывались на печатных машинках. Этот феномен получил своё продолжение, после того как самиздат фактически «умер», в книгопечатании и в издании малотиражных общест

венно-образовательных газет, которые не преследовали коммерческих целей.

**Причина В. *Думающие читатели – неформальные лидеры межличностного общения.*** Сегодня популярно у думающей аудитории в «широко известных узких кругах» (интеллектуальные тусовки, узкие специалисты, политические группировки и т. п.) распространение информации с помощью книг, журналов, альманахов, бюллетеней, которые имеют эксклюзивный тираж, исчисляющийся несколькими сотнями, десятками экземпляров. Причём это самые разные книги: научные, научно-популярные, публицистические, художественные. Их потребители – немногочисленная аудитория. Как правило, это люди думающие, которые являются неформальными лидерами мнений в своих референтных сообществах (социальных группах). В результате, по закону двухступенчатого распространения информации, содержание этих книг, выходящих малыми тиражами, быстро распространяется сначала среди друзей, родных и знакомых автора, а далее, по принципу «сарафанного радио», волнами расходуется вширь, становясь духовно-нравственным достоянием всё большего и большего количества людей.

Да! – Происходит это не так оперативно, как, например, в электронных и печатных СМИ. Но... гораздо действеннее (качественнее) воздействует на сознание людей. Почему? Да потому, что межличностное общение – было, есть и будет всегда эффективнее виртуального (опосредованного), которое менее убедительно, а потому более (заочно) опровергаемо.

**Причина Г. *«Подмоченная» репутация массовых печатных изданий.*** Сегодня массовые издания, включая СМИ, имеют «подмоченную» репутацию. Например, думающий потребитель информации быстро разобрался, что книги по «ширпотребной психологии», которыми завалены прилавки всех книжных магазинов<sup>10</sup> – интеллектуальное жульничество, сулящее быстрый успех в профессиональной деятельности и в личной жизни.

Другой пример: сегодня только духовно слепой и умственно глухой верит многочисленным образцам т. н. жёлтой прессы, хотя ещё совсем недавно, каких-нибудь 10-20 лет назад, был настоящий «массовый психоз» от чрезмерного потребления подобного рода информации.

**Причина Д. *Высокий художественный уровень полиграфического исполнения некоторых эксклюзивных образцов.*** Специалисты в области книгоиздания констатируют, что книге как акту духовно-нравственного транслирования информации постепенно возвращается первоначальный социальный статус. И это связано не только с качеством содержания информации, которую предлагают книги такого рода, но

<sup>10</sup> От подобного рода псевдонаучной литературы трещит по швам Интернет (прим. – Автора)

и с её внешним видом, уровнем художественного оформления, которое также может быть очень высоким, на грани искусства.

Так, некоторая часть книг издаётся на таком высоком уровне художественного оформления, что сама по себе является произведением искусства. Подобные книги сразу же после выхода в свет становятся реликтовыми изданиями, имеющими очень высокую себестоимость, а также стоимость потребительскую. Конечно, такие книги по карману не каждому. И, несмотря на небольшой тираж, издание таких книг – дело прибыльное. А значит, их производство вполне в духе идеологии капитализма вообще и информационного капитализма в частности. Например, такой книгой мы можем назвать: «Уильям Шекспир. Трагедии. Комедии. Сонеты», издательство «Эксмо», Москва, 2010 г». «Пилотный» тираж этой книги составил всего 1000 экземпляров. Несмотря на высокую стоимость, она разошлась во мгновение ока. На основании поступивших заявок был сформирован новый тираж – 71 000 экземпляров, который в современном книжном художественно-литературном книгоиздании считается фантастическим.

**В чём же конкретно может быть привлекательность издания книг, журналов, альманахов и другой печатной продукции малыми тиражами?** Интересно на этот вопрос отвечает Дита Карелина, главный редактор книжной серии «Более другие», которая выходит тиражом 100 экземпляров. В своей небольшой статье «Мысли должны становятся книгами» она называет десять причин издать книгу малыми тиражами:

1. **Любая книга – это история.** И Ваша история имеет право на жизнь. Я часто говорю, что первый тираж книги издаётся – «для друзей и знакомых, для случайных людей, которые давно «о чём-то размышляли, но не смогли сказать, найти в других книгах». Авторы обижаются – мол, что это за книга, которую издаёшь ни для миллиона читателей, а для пары сотен. Но ведь только читатель может оценить действительную значимость произведения. И ему нужно дать этот шанс. И из этого мерно вытекает второй пункт.

2. **Тираж для целевой аудитории.** Печать малыми тиражами позволяет издавать пробное количество для распространения среди знакомых или немногочисленных поклонников (для начинающего автора) или же для тех, кто действительно может (должен, достоин) прочесть эксклюзивный материал (для популярного автора).

3. **Специфическая литература с ограниченным спросом.** Третий пункт тоже немаловажен – печать малыми тиражами позволяет издавать специфическую литературу с ограниченным спросом. Так, существуют темы, у которых априори не может быть широкого круга читателей. Например, точечные научные исследования, процесс и результаты которого непонятны, а поэтому малодоступны широкой аудитории. Это может быть информационный продукт для какого-то локального сообщества, конкретного населённого пункта, организации. По

такому принципу издаются различные подарочные издания для важных гостей города, организаций и т. п. В Иркутске долгое время для этих целей при поддержке областной администрации издавался иллюстрированный качественными художественными фотографиями альманах-журнал «Время странствий», рассказывающий об уникальной природе, культурных традициях Прибайкалья. Мы можем предположить также, что к этой категории изданий могут относиться те, которые осуществляют информационное сопровождение сексуальных меньшинств, религиозных сект, клубов по интересам, например, спелеологов и т. п. Словом, любого редкого вида человеческой деятельности или межличностных отношений. Тут-то и приходит время издавать книги десятками или сотнями – в зависимости от цели и круга потребителей.

**4. *Пилотный тираж.*** Печать книги партиями может дать вам шанс внести дополнения, прояснения или новые данные в ранее написанный текст. Такая небольшая партия у специалистов называется – «пилотным выпуском», который позволяет доработать издание, для того чтобы уже при более количественном тиражировании избежать как можно большего числа ошибок.

Так, когда книга попадает в руки компетентного читателя (мы говорим скорее о специальной литературе, хотя это касается и «художки»), он может заметить неточности, недоработки или некоторое количество недостающих данных. Да и сам автор куда лучше видит книгу со стороны, когда она предстаёт перед ним в своём завершённом виде, цельной и осязаемой.

**5. *Доступность автору.*** Печать малым тиражом – доступна автору. Это позволяет не отстаивать очереди в издательствах в расчёте на бюджетные проекты, не обивать пороги, не надеяться и не просить, а просто опубликовать свой материал и двигаться дальше<sup>11</sup>, возможно, сдавая книги в магазины, предлагая целевой аудитории, продавая через Интернет или на мероприятиях (поэтических чтениях, научных конференциях, специализированных выставках) при необходимости.

**6. *Непосредственный контроль над распространением издания.*** Если вы издадите книгу малым тиражом, то сможете контролировать, где, как и на каких основаниях она распространяется. В наше время массового и поверхностного действительно значимые открытия, исследования, рассуждения и находки тиражируются именно так и отправляя

<sup>11</sup> Сегодня это очень распространённая практика в локальных научных сообществах. Например, в Педагогическом институте Иркутского государственного университета 99% профессорско-преподавательского состава уже на протяжении более чем десяти лет издаёт свои учебные пособия, монографии, сборники статей к научно-практическим конференциям за собственные денежные средства тиражом от нескольких десятков до нескольких сотен книг.

ются по назначению. Так, почти вся наша историческая серия является эксклюзивной и востребованной до экземпляра<sup>12</sup>.

**7. Более наглядная презентация интеллектуального труда автора потенциальным издателям.** Издание книги скорее привлечёт внимание литературного агента или издателя, способного отдать её в крупную книжную сеть, взять под крыло. Малый тираж позволяет вам позиционировать свой труд не в качестве рукописи, а в качестве готового продукта для раскрутки или продажи.

**8. Закрепление авторства.** Несмотря на то, что книга издаётся малым тиражом, вы получаете ISBN и (с), что навсегда закрепляет за Вами авторство и право на данный труд.

**9. Использование в корпоративных целях.** Издание книг малым тиражом может быть использовано в корпоративных целях: публикация юбилейного издания для коллег и партнёров, печать подарочных изданий с символикой для детей сотрудников, издание специальных инструкций и рекомендаций, а также особенных указаний для работников компании или же новых сотрудников (менеджеров, распространителей, реализаторов, рекламных агентов и т. п.).

**10. Мобильность.** Наконец, издание малым тиражом – это быстро. Вот!<sup>13</sup>

Мы бы добавили к данной классификации Диты Карелиной ещё несколько пунктов.

**11. Акт издательского творчества.** Издание малым тиражом может быть ещё и актом личного издательского творчества. Это тот случай, когда авторы не ограничены во времени. Они неспешно самостоятельно делают макет, подбирают иллюстративный материал, осуществляют компьютерную вёрстку и в типографию приносят уже готовый стандарт-макет своего издания, который остаётся только перевести в ПДФ. Именно по такому принципу издаётся в Высшей народной школе г. Иркутска, которая осуществляет свою деятельность при Педагогическом институте Иркутского государственного университета, научно-популярный, художественно-публицистический альманах «Народное обозрение».

**12. Более информационно-безопасная продукция.** Кроме того, важно понимать, что «современное информационное общество представляет собой особый тип и социального структурирования, и власти»<sup>14</sup>. Это означает, что человечество, как уже говорилось выше, живёт в условиях информационного капитализма, в котором важнейшей и особой товарной единицей является информация, которая стала средством

<sup>12</sup> Д. Карелина имеет в виду серию «Более другое», которая была основана в 2009 году.

<sup>13</sup> Карелина Д., главный редактор <http://www.bolee-drugoe.ru/>

<sup>14</sup> Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. Академический Проект, М., 2009. –386 с.



заработка денег со всеми вытекающими отсюда последствиями. Главным из них является приоритетность материальной составляющей над духовно-нравственной, выраженная в таких сентенциях, как «бизнес и ничего личного», «деньги не пахнут», «ради красного словца, не пожалею и отца» и т. п. Это ключ к пониманию того, что, например, те же средства массовой информации в погоне за прибылью, в условиях конкуренции (важного условия капитализма), не гнушаются применением самых омерзительных информационных технологий, их мало заботят социально-психологические аспекты воздействия информации на социальное самочувствие потребителей. Как следствие, процветают различные виды информационного насилия: рекламное, идеологическое и пр.

Важно понимать, что это становится предпосылкой для деформирования процессов социализации различных категорий граждан, которые становятся в условиях информационного капитализма очень зависимыми от информационной социализации, которая, в свою очередь, имеет тесную взаимосвязь с их информационной безопасностью.

В этом смысле малотиражная литература, априори не являющаяся массовой, более безопасна и не может быть инструментом информационного насилия. То есть она более человечна и гуманна, даже если имеет противоположное этим ценностям содержание. Сам характер эксклюзива указывает на то, что такого рода книги адресованы небольшому количеству людей, которые, во-первых, могут и не дать дальнейшего хода распространению заложенных в книге идей, а, во-вторых, при необходимости тираж подобного издания легче нейтрализовать, если содержание книги несёт в себе какую-то общественную опасность. Практика показывает, что экстремисты не обращаются к практике малотиражной литературы, потому что считают её малоэффективной. Они активно используют в своей подрывной деятельности так называемые внеколлективные социально-психологические приёмы массового поражения сознания: заражение, внушение и подражание. Они базируются на главном законе рекламной информации – разрыве в достоверности, который предписывает концентрироваться на положительных характеристиках товара, опуская (не упоминая) его негативные стороны или последствия его употребления. Термин «внеколлективный» указывает, что данные приёмы применяются к людям, находящимся вне сплочённого коллектива единомышленников, т. е. проще говоря, по отношению к атомизированной толпе, большой массе часто бессознательно действующих людей.

Поэтому экстремистская литература имеет огромные тиражи и мощную финансовую поддержку.

**13. Это один из способов информационной самообороны.** Информационная безопасность, по мнению С. Г. Кара-Мурзы, может обеспечиваться методами, определяющимися особыми социально-

психологическими правилам поведения, которые должны снизить уязвимость к воздействию манипуляторов. Личностная и общественная информационная безопасность в современном информационном обществе непосредственно связана с таким явлением, как информационная война, которая включает в себя различные формы и методы манипулирования сознанием, а через него и поведением, т. е. фактически деятельностью человека, которая, разумеется, определяет основные направления его социализации в целом и информационной в частности.

Методы информационной самообороны различны, среди них одним из важнейших является создание своих информационных текстов, которые способны разрушить навязываемые стереотипы. В этом смысле малотиражная литература (научная, художественная, публицистическая) является одним из таких средств информационной самообороны, обеспечивающим информационную безопасность личности или творческому сообществу.

Таким образом, малотиражная литература может быть инструментом социально-педагогической вакцинации для выработки социально-психологического иммунитета к некритическому восприятию информации. А именно:

- стать основой формирования дискурсивного сообщества<sup>15</sup>,
- коллективно-творческим делом, развивающим и сплачивающим людей, инструментом информационного сопровождения и поддержки социальных проектов<sup>16</sup>,
- общественной трибуной для конструирования социальных смыслов, формирования социальной мобильности, системы ценностей и т. п.

Мы, похоже, нарисовали некую идеалистическую картинку на тему феномена малотиражной литературы. Но в практической жизни часто очень хорошие социальные начинания, инициативы имеют обратную сторону медали. Часто эта сторона не очень приглядна. Поэтому зададим себе резонный вопрос: **«А в чём может быть, мягко говоря, непривлекательность издания книг, журналов, альманахов и другой печатной продукции малыми тиражами?»**

Нет необходимости производить специальные широкомасштабные исследования, чтобы установить следующие минусы данной книгопечатной практики.

**Минус первый:** низкая полиграфическая культура исполнения некоторых образцов такого рода литературы. Т. е. изготовление её в кустар

<sup>15</sup> Например, в 2000-2003 гг. на территории Иркутской области издавалась сибирская литературная народная газета «Александровский Централ», которая объединила вокруг себя самодеятельных и профессиональных писателей всего региона, сформировав некое виртуальное дискурсивное сообщество.

<sup>16</sup> Например, упоминаемый выше научно-популярный, художественно-публицистический альманах Высшей народной школы «Народное обозрение».

ных условиях, без привлечения профессиональных верстальщиков, художников-оформителей, изготовление книг на бумаге низкого качества.

Этот «минус» по своему содержанию неоднозначен. Дело в том, что некоторые авторы сознательно пользуются такой техникой как приёмом, наподобие того как некоторые режиссёры кино используют технику черно-белой съёмки или технику «немного кинематографа». В книгоиздании это делается в том случае, когда автор или издатель стремится книге придать вид самиздата. Для достижения этой цели используются специальные «машинописные шрифты», рисуночные фото (стилизация под ксерокопирование фотографии), вставки текста набранного вручную или написанного от руки и т. п. Тогда «минус» превращается в «плюс». Именно таким техническим приёмом пользовался Владимир Тихомиров, стремясь продолжить и развить традиции самиздата. Но если всё то же самое делается неосознанно и с претензией на исключительность отдельно взятого образца книгопечатания – это уже твёрдый «минус».

**Минус второй:** обилие орфографических и стилистических ошибок, как следствие низкой общей и филологической культуры автора и издателя. Это самый «тяжёлый минус», который сегодня наносит непоправимый вред малотиражной литературе. Он имеет вид хронического трудноизлечимого заболевания.

**Минус третий:** косноязычие авторов. Этот «минус» органично сочетается с предыдущим изъяном малотиражной литературы, потому что является также следствием низкой устной и письменной культуры речи авторов. Но базируется на неразвитости таланта автора, а значит есть надежда, что последующие его литературные произведения могут быть более совершенны. Правда, рядового читателя это, как правило, мало интересует. Он выносит при прочтении такой книги нелюбимый для автора вердикт. Специфику этого «минуса» понимают некоторые профессионалы, способные увидеть в косноязычии предпосылки возникновения оригинального литературного таланта. Словом, эта «болезнь» не хроническая и может быть «излечена» временем и трудолюбием автора. Но это так только в том случае, если у автора нет скрытых или явных психофизических патологий. В этом случае искусство бессильно и такому человеку надо лечиться, а его литература автоматически становится предметом исследования не литературоведов, а психиатров<sup>17</sup>.

**Минус четвёртый:** опасность транслирования антиценностей с помощью малотиражной литературы. То есть таких «ценностей» в кавычках, которые чужды национальным традициям общества или искажают их до неузнаваемости. Образно говоря, книга может быть написана белым или чёрным ангелом. И дело даже не в том, что кто-то со страниц своих книг призывает к насилию или презентует обществу извращённые

идеалы: гомосексуалистов, двуликих Янусов и т. п. Порой очень непросто

Родные берега

разглядеть истинные цели автора, которые искусно маскируются под рассуждения об актуальных проблемах или под так называемые демократические ценности, а на самом деле содержат пропаганду вседозволенности и безнравственности.

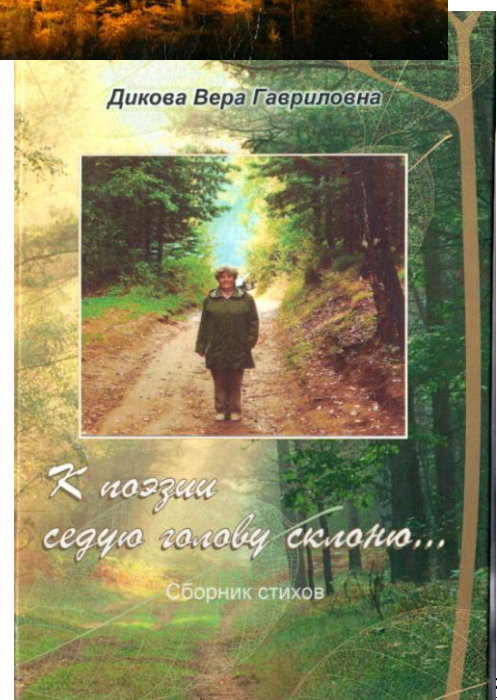
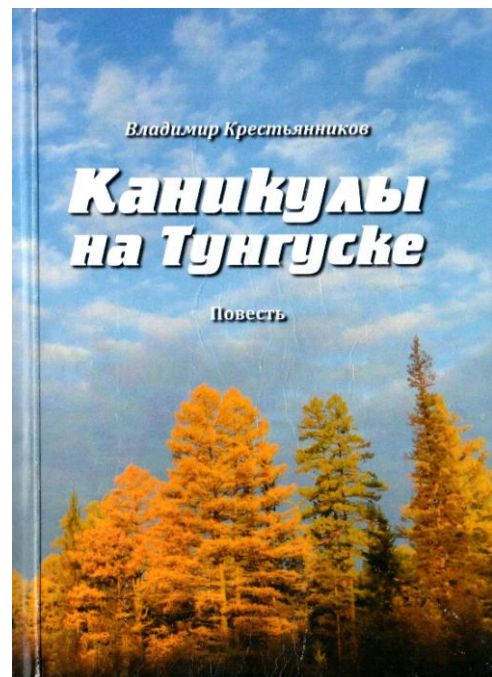
Конечно, обозначенные нами риски-минусы – это только то, что лежит на поверхности и может быть увидено невооружённым взглядом. Возможно, существуют ещё какие-то неприглядные черты «обратной стороны медали» феномена малотиражной литературы. Необходимы специальные научные исследования таких рисков, которых, во всяком случае, пока, нет. Или о них автору этих строк, прилежно пролиставшему доступные научные источники, ничего неизвестно.

Как же преодолевать подобные риски издателю или автору, решившему осуществлять свою деятельность в данном формате книгоиздания?

а) На наш взгляд, очень важным фактором сегодня становится в этом формате книгоиздания **коллективная оценка**, например, в виде общественных редакций, которые могут локально выполнять функции общественного контроля и в какой-то мере снизить вышеозначенные риски. Разумеется, в данном случае вновь всё будет зависеть от состава такой общественной редакции, от общей и профессиональной культуры каждого из её членов. Сообщество малограмотных и профессионально некомпетентных людей не сможет полноценно решать поставленные перед ним задачи.

б) Второй важный фактор – **позиция редактора**. Она должна быть максимально принципиальной, социально ответственной и трезво оценивающей уровень собственной персональной, общей и профессиональной культуры.

в) Третий фактор – **позиция автора**. Он и только он, прежде всего, должен максимально социально ответственно относиться к своей творческой, научной, публицистической или художественной деятельности. По сути, речь идёт об уровне культуры саморедактирования, если угодно – самооцен-



зуре. Этот уровень неуклонно

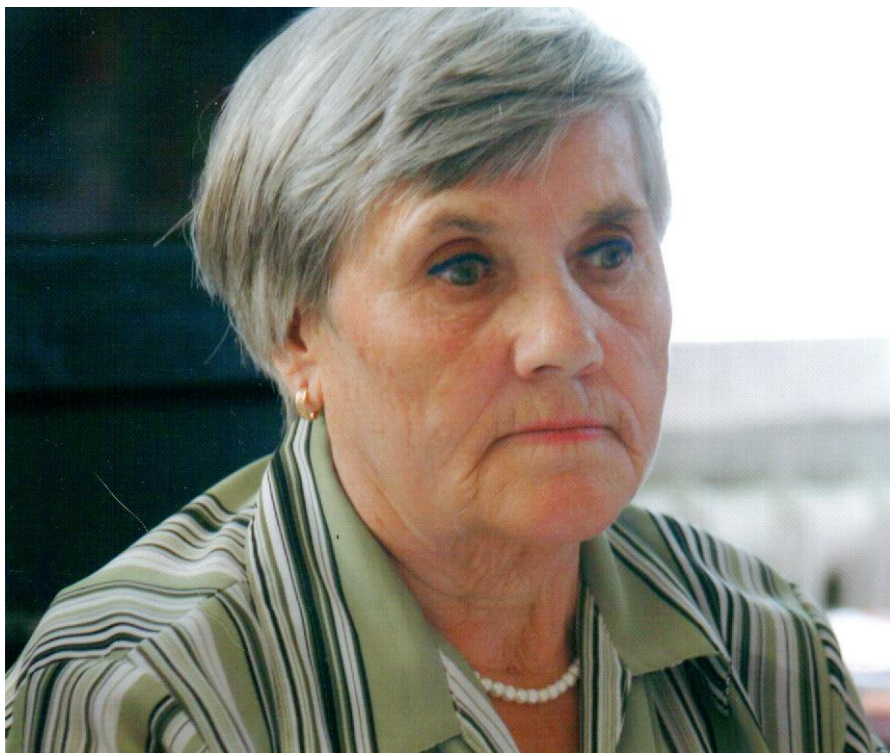
---

А. Гордин. *Малотиражная литература*

повышается вместе с развитием литературного таланта. Так называемый внутренний редактор автора по мере, образно говоря, «взросления таланта» становится всё более зорким к языку своих произведений и социально ответственным к тем идеям, которые он выносит на публичное обсуждение с читателями. Обычно это проявляется в том, что ранее написанные литературные произведения иначе оцениваются автором уже через несколько лет. Чаще более критично. Это прямое свидетельство того, что его собственный внутренний редактор «повзрослел».

Но, несмотря на вышеобозначенные нами риски, факт остаётся фактом: появление, распространение и укрепление в социальной практике феномена малотиражной литературы сопряжено с важнейшим вызовом российского общества – необходимостью формирования гражданского общества, которое в силу объективных исторических причин остаётся в России всё ещё в зачаточном состоянии. В этом смысле, малотиражная литература – это одна из самых доступных форм проявления не только индивидуальной, но и групповой, коллективной социальной активности.

**Вера Дикова**



- ***О времени и о себе***

## **ВАУЧЕРЫ**

Слово «ваучер» было неизвестно для жителей СССР, правопреемником которого стала Россия, а значит, и для людей разных национальностей, проживающих в ней. Его нет в моём орфографическом словаре Д. Н. Ушакова<sup>18</sup>, который выдержал сорок изданий с 1940 года и в котором зафиксировано 15 тысяч слов. В нём есть такие новые слова, как «атомоход», «кибернетика», «космонавт», «прилунение» и другие. Этого слова нет и в Советском Энциклопедическом Словаре<sup>19</sup>, в котором даны толкования восьмидесяти тысячам слов. Это не значит, что его совсем не было или оно только появилось. Оно было, но для нашей страны оно было неприменимо, так как у нас был социализм. Оно вошло в обиход на

<sup>18</sup> Орфографический словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, М., 1980 г.

<sup>19</sup> Советский Энциклопедический Словарь, М., 1980 г.

рубеже XX и XXI веков, когда в огромной стране, на территории 1/6 части суши земного шара, под названием Союз Советских Социалистических

---

В. Дикова. *О времени и о себе*

Республик (СССР) началась перестройка, т. е. переход от одного социально-экономического строя – социализма к другому – капитализму. Но до капитализма нам ещё далеко, так как между социализмом и капитализмом втиснулась в 90-е годы XX века... Это было интересное и трудное время, которое базировалось на зарождающихся в стране рыночных отношениях. Этот период в какой-то мере продолжается до сих пор, хотя идёт 2016 год, и неизвестно, когда это закончится. Ясно одно: распалась большая замечательная страна СССР, куда входили 15 социалистических республик, которые стали самостоятельными странами со своими президентами, конституцией, депутатскими парламентами и мн. др.

В этот период стала активно развиваться частная собственность, а значит и бесконтрольная торговля. Происходило и происходит до сих пор внедрение иностранного капитала. Доллар и евро обесценили национальную денежную единицу – рубль. В стране воцарился экономический и социальный хаос, который сопровождал распад СССР, имевшего единую экономическую и социальную систему. В результате разорванных экономических связей сначала стали банкротиться, а потом закрываться предприятия тяжёлой и лёгкой промышленности, научные и проектные институты и многие-многие другие учреждения. Появились открытые и закрытые акционерные общества. В юридических особенностях такого рода «коллективной собственности» люди, привыкшие жить в социально справедливом государстве, не разбирались. Их сначала отправляли в отпуска без сохранения заработной платы, а потом вообще увольняли. Многие семьи оставались без средств к существованию. В этот переходный период, т. е. в период формирования рыночных отношений, люди научились открыто и цинично обманывать друг друга, продавать некачественную продукцию, потому что смена социально-экономической модели неизбежно привела к замене моральных устоев социалистического общества капиталистическими. Люди разучились доверять даже родным, друзьям, знакомым. Стали проявляться признаки капитализма, несвойственные социализму, такие как конкуренция, безработица, использование детского труда, ненормированный рабочий день, ночные клубы, игры в казино и др.

Вот, вначале такого периода Государственная Дума новой страны – Российской Федерации (РФ) - думала-думала и придумала, как разделить социалистическую собственность на всех проживающих в России людей. Основным механизмом такой делёжки стал ваучер – «денежный документ», стоимость которого определилась примерно в десять тысяч советских рублей на человека. Каждая семья получила ваучеров по числу членов в этой семье, включая детей любого возраста. Эти ваучеры можно было продавать, дарить, обменять на любую вещь или беречь до

лучших времён. На них смекалистые люди, скупая ваучеры, приобретали у государства недвижимость: участки земли для последующего строительства на них коттеджей, квартиры, служебные помещения под будущие офисы и т. п.

Родные берега

Вот в такое время в однокомнатной квартире в Иркутске жила семья пенсионеров, которая получила два ваучера на руки. Зинаида Ивановна и Павел Александрович прожили вместе около сорока лет. Зинаида Ивановна, бывший железнодорожный работник, была маленького роста, в меру полная, круглолицая, обладала спокойным нравом. Её муж Павел Александрович работал слесарем в домоуправлении. Несмотря на то, что уже был на пенсии, он продолжал работать. Характер был у него взрывной, неуравновешенный, но в то же время по натуре Павел Александрович был добрым человеком. Как большинство слесарей, он имел дурные пристрастия: любил выпить и увлекался страстно, без разбора, нецензурной речью, на что Зинаида Ивановна не обращала внимания и всё пропускала мимо ушей, потому они, наверное, и прожили в мире и согласии столько лет вместе. В отличие от Зинаиды Ивановны Павел Александрович был высокого роста и крупного телосложения. Жена легко проходила у него под мышкой. У них было двое взрослых детей, которые уже имели свои семьи и жили отдельно от них. Получив два ваучера, они долго думали, где найти им применение. И придумали. Они не надеялись на то, что на эти два ваучера можно приобрести какую-то собственность, решили их продать, причём на рынке.

Наш иркутский рынок занимает площадь в пределах улиц Чехова, Тимирязева, Литвинова и Дзержинского. Иркутяне эту часть города называют «Тимирязевской падью». Так как наш рынок находится в центре города, некоторые улицы, как лучи солнца, отходят от него в разные стороны. Это такие улицы, как Партизанская, Байкальская, Фурье, Чехова и др. Большинство маршрутов городского пассажирского транспорта начинаются от рынка, разъезжаясь в разные концы города, и заканчиваются там же. Поэтому вокруг рынка находятся масса остановок автобусов, трамваев и маршрутных такси. Можно сказать, что это место самое бойкое и самое многолюдное в городе.

Разумеется, наш центральный рынок не составляет исключение в части рыночных отношений. На нём, как на любом рынке, царят обман, обвес, обсчёт. В то время, когда происходили эти события, центральный торговый комплекс, находящийся в центре рынка, был в процессе строительства. Он, в целях безопасности покупателей, был огорожен деревянным забором из неотёсанных досок, из которых торчали, угрожая прохожим, длинные ржавые гвозди. Между зданием рынка и забором, на свободной территории, были построены торговые ряды: деревянные прилавки с навесом для свободной продажи населением города овощей, фруктов, а также прочих продуктов, вещей собственного производства и промышленных товаров.



Как всегда, в этот день на рынке было много народа. На улице был март. Начало весны. Кругом ещё лежал снег, по утрам была минусовая температура, а днём, с восходом солнца, становилось теплее, снег начал таять, появлялись первые лужи и ручьи. К вечеру, с заходом солнца, вновь примораживало.

---

В. Дикова. *О времени и о себе*

В этот день было солнечно и тепло. Пошли наши пенсионеры вдоль торговых рядов в поисках покупателя ваучеров среди торгующих продавцов, тихонько спрашивая их: «Не купите ли ваучеры?»

Торговые ряды очень длинные, торгующих много, и им пришлось изрядно поискать. И вот дал согласие на приобретение ваучеров один молодой человек лет так двадцати пяти, в зелёном пуховике. Он был невысокого роста, голубоглазый, бледнолицый, сразу было видно, что спортом он никогда в жизни не занимался. Павел Александрович отдал продавцу два ваучера, а молодой человек протянул ему пачку денег. Зинаида Ивановна начала считать деньги. Вдруг молодой человек сказал им: «Ой, Вы знаете, я ошибся, там не достаёт ста рублей, я Вам дам другую пачку», – и взамен дал другую пачку. Павел Александрович взял пачку денег и собрался положить её в карман.

Продавец сказал ему: «Может, пересчитаете?». На что Павел Александрович ответил: «Да зачем? Мы тебе верим», считая его честным, раз он признался в своей ошибке, забирая первую пачку. Когда они отошли на несколько шагов, вдруг какая-то сила заставила их остановиться и пересчитать деньги...

Вытащив пачку из кармана куртки и отсчитав 4-6 купюр, они обнаружили, что дальше в пачке вместо денег обыкновенные бумажки, т. е. кукла!<sup>20</sup> Павел Александрович впал в ярость. Рывком он бросился к прилавку. Но молодого человека там уже не было. Мужчину мгновенно бросило в жар, в сердце что-то резко кольнуло, в глазах потемнело. Он понял, что его обманули. Его, Павла Александровича, который прошёл огни и воды, и которого никто никогда не мог обмануть, старого волка! А тут, как мальчишку, обвели вокруг пальца! Такое пережить невозможно. Павел Александрович заорал на весь рынок: «Где этот поганец?» Женщина, стоявшая рядом с юношей за прилавком женщина и торговавшая овощами, сообщила ему, что парень перелицевал пуховик в сиреневый цвет и убежал. Она указала пальцем, в какую сторону убежал покупатель ваучеров. И, действительно, Павел Александрович увидел бегущего человека в сиреновой куртке.

Хочу остановить внимание читателя на куртке. Во время перестройки в нашу страну хлынуло большое количество низкокачественных товаров из Китая, Турции, Польши и других стран, так как у нас в стране в этот период исчезли все отечественные продукты и промышленные товары. Исчезло вообще всё. В магазинах, начиная от Москвы и до са-

<sup>20</sup> Кукла – имитация пачки бумажных купюр, в основе которой несколько настоящих денежных знаков сверху и снизу пачки, а посередине резаная бумага (прим. – Автора).

мой глухой деревушки, были пустые прилавки, причём много лет. Работникам не платили подолгу зарплату. Была страшная безработица и

---

Родные берега

страшная безнадёга. Было очень тяжёлое время, многие люди умирали от безысходности. Смертность превышала рождаемость. Недаром говорит пословица: «Не дай, Бог, жить нам в эпоху перемен». Наше поколение эпоху перемен пережило. Да и то сказать, что кто-то пережил, а кто-то нет. Народ голодал, спивался, умирал. Кладбища пополнялись с невероятной быстротой, особенно молодым, неприспособленным к тяжёлым условиям жизни поколением. На одного рождённого было три человека умерших. Вот такая была жуткая картина в стране в период перестройки и, особенно, в её начале. Так вот, в мутном потоке этих некачественных и довольно недорогих товаров появились двусторонние куртки. Вроде бы покупаешь одну куртку, а получается две, покрытые с двух сторон тканью различного цвета. Внутри такой куртки – куриный пух или перо, которое вылезало своими острыми концами из тонких разноцветных покрытий. Эта куртка считалась пуховиком, писком моды и стоила недорого. Раз – снял, вывернул – и другой пуховик! У нашего молодого человека был пуховик зелёного и сиреневого цветов.

Разозлённый обманом и выходкой парня, Павел Александрович догнал этого юношу. Надо несколько слов сказать о Павле Александровиче. Этот матёрый, здоровый, ещё сильный, несмотря на свой пенсионный возраст, мужчина, познавший жизнь с различных сторон, выживший на севере в жутких условиях. И вот он вдруг оказался обманут каким-то наглым торгашом. Догнав парня, он схватил его за грудки, поднял выше своей головы и заорал на весь рынок: «Да ты знаешь, да ты знаешь, кого ты обманываешь? Да я тебя сейчас повешу вот на эти ржавые гвозди в заборе, и ты сдохнешь, как собака!» Далее, естественно, последовал отборный многоэтажный мат, которым Павел Александрович владел в совершенстве, так как нормальные слова в его лексиконе были всю жизнь только связующими, а остальные...

Парень, оторопев от такого поворота событий, побледнел, выпучил глаза, забормотал какую-то околесицу и, взмолившись, попросил поставить его на землю. Он уверял, что готов всё отдать, лишь бы его освободили от таких железных лап, которыми Павел Александрович крепко держал парня перед собой. Просил спасти его, возможно, от неминуемой смерти. Когда парня спустили на землю, на нём не было лица. Он отдал Павлу Александровичу первоначальную пачку денег, где были настоящие купюры, а не бумажки, и дал такого стрекача от них, что только пятки сверкали. Павел Александрович был и сам сильно бледен. У него тряслись руки, и он долго не мог вымолвить ни слова. Зинаида Ивановна пыталась его успокоить, но бесполезно. У него от этого случая произошло жуткое эмоциональное потрясение. Они оба долго приходили в себя. Вокруг собралась толпа зевак. Некоторые из них пытались давать советы. Немного придя в себя, пенсионеры отправились домой, сев в автобус

№9, который их довёз до остановки «Радищева». Всю дорогу ехали молча.

---

В. Дикова. *О времени и о себе*

Придя домой, Павел Александрович почувствовал себя плохо, если не сказать скверно. Выпил водки, а выпить он был мастер. Не помогло. Вечером у него поднялась температура, сорок градусов, подскочило давление. Вызвали скорую. Врач, осмотрев его, сказал, что у него сильное нервное потрясение, что ему нужен покой и, что это скоро пройдёт. Не прошло. Пролежав в таком состоянии неделю, Павел Александрович скончался. Такой здоровенный мужик сгорел заживо, не пережив человеческого обмана. Вот такая жизненная ситуация сразила наповал «матёрого волка». За два ваучера человек расплатился своей жизнью.

## КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- **Волчук Анатолий Викторович** – слушатель ВНШ г. Иркутска, автор книги стихов «Судьбы крутые повороты» (2016 г.).
- **Васюхина Светлана Викторовна** – кандидат физико-математических наук, слушательница ВНШ г.Иркутска.
- **Гордин Александр Иннокентьевич** – член Союза журналистов России, кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель ВНШ г. Иркутска, автор книжек стихов «Скрипка дерева» (2007 г.), «Ночной приют странников» (2007 г.), «Язык шершавый сумрака» (2009 г.), «Голос ослепшей птицы» (2011 г.), «Предчувствие» («2015 г.), книги рассказов, баек, стихов и афоризмов «Сибирский валенок» (2013 г.)
- **Дикова Вера Гавриловна** – слушательница ВНШ г.Иркутска, автор книг «К поэзии седую голову склоню» (2012), «Жизнь и мгновения...» (2014), «Дорога длиною в жизнь!» (2017 г.).
- **Зоркин Виталий Иннокентьевич** – Заслуженный работник культуры РФ, член Союза журналистов России, профессор, преподаватель ВНШ г. Иркутска, автор более 600 научно-популярных статей и книг «Из поколения несгибаемых» (1965 г.), «Путеводитель по Бурятии» (1971г.), «Сибирские землепроходцы и мореходы» (1998 г.), «Не уйти из памяти» (1997 г.), «Иркутские градоначальники: воеводы и вице-губернаторы» (2007 г.), «Иркутские градоначальники: губернаторы и генерал-губернаторы» (2015 г.), «Бывают странные сближенья...» (Пушкин и Сибирь) (2010 г.) и мн. др. В 2003 и 2004 годах – «Лучший журналист года», лауреат конкурсов «Золотая запятая» и «Золотое перо».
- **Капустина Людмила Викторовна** – слушательница ВНШ г. Иркутска, руководитель литературного объединения «Вдохновение».
- **Крестьянников Владимир Дмитриевич** – слушатель ВНШ г. Иркутска, автор книг «Каникулы на Тунгуске» (2012 г.), «Командировка на Кавказ» (2013 г.), «Повести и стихи» (2015 г.).
- **Попова Марина Александровна.** – слушательница ВНШ г.Иркутска.
- **Растошинская Наталья Николаевна** – слушательница ВНШ г. Иркутска.
- **Увакина Нина Григорьевна** – слушательница ВНШ г. Иркутска.
- **Якуп Андрей Вернирович** – автор книги научно-популярных очерков «Материалистическая концепция мироздания» (2013 г.), слушатель ВНШ г. Иркутска.

Художественно-публицистический альманах

## **РОДНЫЕ БЕРЕГА**

**«РОДНЫЕ БЕРЕГА»** – художественно-публицистический альманах Высшей народной школы (ВНШ) города Иркутска, которая осуществляет свою неформальную образовательную деятельность при Иркутском государственном университете.

*«Родные берега» – приложение к научно-популярному, художественно-публицистическому альманаху «Народное обозрение», который является правопреемником региональной сибирской литературной народной газеты «Александровский Централ» (2001-2003 гг.).*

*Издание – коллективный труд литературного клуба и преподавателей ВНШ. В стихах и прозе, опубликованных в альманахе, сохранена авторская стилистика. Это означает, что за возможные смысловые неточности и невнятности, стилистические шероховатости, по предварительной договорённости с авторами, последние берут ответственность на себя персонально.*

**Фотографии на обложке – Дмитрия Шматкова**  
**Компьютерная вёрстка – Александра Гордина**

Подписано в печать 01.09.2017. Формат 72x104 1/16.  
Бумага офсетная 80 г/м<sup>2</sup> Печать офсетная.  
Усл. печ. л 8,14 Тираж 300 экз. Заказ 537.

Изготовлено в ООО Типография «Иркут»,  
Г. Иркутск, ул. Нловаторов, 3 тел.: 48-17-53,  
г. Иркутск, ул. Франк-Коменецкого, 24  
офис 204, тел.: 203-523

